

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт российской истории РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (5)

Москва–Сыктывкар, 2010

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2010. № 1 (5).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год.

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционный совет

академик Ю.А.Поляков (председатель, Москва), академик В.В.Алексеев (Екатеринбург), В.Б.Жиромская (Москва), А.Е.Загребин (Ижевск), член-корр. РАН В.Н.Лаженцев (Сыктывкар), С.Лаллукка (Хельсинки), В.И.Меньковский (Минск), Л.Л.Рыбаковский (Москва), А.С.Сенявский (Москва), А.Ф.Сметанин (Сыктывкар), А.И.Таскаев (Сыктывкар)

Редакционная коллегия

И.Л.Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.В.Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н.Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В.Аргудяева (Владивосток), В.А.Исупов (Новосибирск), Г.Е.Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф.Кринко (Ростов-на-Дону), Д.А.Несанелис (Усинск), С.А.Прокопенко (Ульяновск), И.А.Разумова (Апатиты), А.В.Репневский (Архангельск), В.А.Семенов (Сыктывкар), П.В.Федоров (Мурманск), М.С.Черкасова (Вологда)

Издание подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

© Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2010

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2010

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245500 (гл. ред.), (8212)241702 (отв. секр.), факс (8212)245564,

e-mail: erojkin@gmail.com (отв. секретарь), zherebtsov.hist@mail.komisc.ru (гл. ред.).

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Жеребцов И.Л. Роль климатических изменений в процессе заселения Европейского Севера	4
Омельянчук С.В. Типология семьи в Древней Руси	20
Дмитренко В.А. Структура семей приходских священников второй половины XVIII в.: попытка реконструкции по материалам исповедных росписей села Приходьки Пирятинской Протопопии Киевской Епархии	25
Пентин Н.А. Исторические особенности формирования населения Вятской губернии в первой половине XIX в.	28
Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Материалы учреждений призрения детей в XIX в. как источник по изучению детской смертности	32
Никитин Ю.А. Демографическая, социальная и конфессиональная ситуация в городах Левобережной и Слободской Украины во второй половине XIX в.	39
Аргудяева Ю.В. Миграция забайкальских казаков на Амур и Уссури (вторая половина XIX – начало XX в.).....	43
Вишнякова Д.В. Коми-зыряне Пермской губернии по материалам Первой всеобщей переписи 1897 г.	48
Котюкова Т.В. Выходцы из стран Западной, Центральной и Северной Европы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.	52
Власова В.В. Семья и брак в старообрядческих общинах коми в конце XIX–XX вв.	57
Филимончик С.Н. Миграционные процессы в Карелии в годы НЭПа	64
Старцев А.Ф. Демографическая характеристика семьи орочей (1951–1995 гг.)	68
Чернышева И.В. Динамика этнического состава населения Удмуртской Республики. 1959–2002 гг.	73
Хлынина Т.П. Всероссийские переписи населения 1959 г. и 2002 г. как источники демографической информации и ... не только	76
Фадеева Е.В. Современные социально-демографические процессы у удэгейцев и нанайцев Приморья	81
Рудникова Е.В. Постсоветская эмиграция в Новую Зеландию: к вопросу о численности и этническом составе	85
Шумилова М.М. Демографическое развитие в Карелии в начале XXI в.	90
Ушакова В.Л. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: современное состояние и перспективы	94
Столярова Г.Р., Мухамед Исхак Фарук Мухамед. Этнодемографические процессы в современном Омане	98

Роль климатических изменений в процессе заселения Европейского Севера**

Все развитие человечества в той или иной мере было связано с его сопротивлением пагубному воздействию неблагоприятных природно-климатических условий, со стремлением найти «место под солнцем», позволявшее бы избежать этого воздействия или хотя бы минимизировать таковое. Естественно, что никакими человеческими усилиями невозможно было остановить или замедлить глобальные природные катаклизмы, подобные оледенениям. Напор ледников ломал относительно устоявшуюся жизнь древнего человека, стирал племена с лица земли или заставлял их перемещаться на огромные расстояния, лишая возможности развивать свою культуру. И лишь тысячелетия спустя с отступлением льда перед людьми появилась возможность обживать новые пространства, осваиваться, постепенно формируя свои особенные традиции жизнедеятельности.

В древнейшие времена, отстоящие от нас на миллионы лет, как ни странно представить себе это современному жителю снежного Севера, в здешних местах обитали слоны, бегемоты и другие столь же экзотичные животные. Однако прошли тысячи тысячелетий, сгинули одни виды животных и появились другие, неизменно изменился растительный мир... Много тысячелетий жизнь текла в этих краях без влияния человеческого разума. Долог и труден был путь человека с Юга на Север. Что заставляло людей преодолевать немыслимые преграды – бескрайние степи, дремучие леса, бурные реки, высокие горы? Только ли поиски пропитания? А может быть, просто любопытство, жажда познания, тяга к открытию неведомого? Ведь то было детство человечества, делавшего свои первые шаги по планете – а кто на свете любопытнее детей?

Где именно на Европейском Севере появились первые люди, предположить несложно. Древний человек старался селиться в естественных укрытиях – пещерах, под каменными навесами, продвигаясь вслед за животными, на которых он охотился. А где, как не в предгорьях, человеку было искать подходящие для обитания пещеры? Естественно, что на Север люди шли вдоль гор, которые много позже стали называться Каменным поясом, а затем – Уралом, дойдя постепенно до бассейна Печоры. Первые люди (неандертальцы) могли появиться на Европейском Севере только в период межледниковья, т.е. между двумя волнами оледенений, когда лед на время отступал. Возможно, что это произошло примерно 120 тысяч лет назад. Такое предположение выдвинул археолог П.Ю.Павлов на основании находки, сделанной у посёлка Харута в бассейне нижней Печоры, на правом берегу р. Адзва. Но, как полагает и сам ученый, эта гипотеза нуждается в более тщательной проверке [1].

Тем не менее, возможно, что люди начали тогда обживать Север. Пока это были лишь одиночные группы, блуждавшие по бескрайним просторам в поисках пищи и укрытия от непогоды. Прошли тысячелетия, и природа решила изгнать отсюда человека, ввергнув Север в былое состояние. Относительно теплое время примерно 75 тысяч лет назад сменилось на планете новым ледниковым периодом. Льды постепенно надвигались, вновь покрывая уже отвыкшую от них землю. Гибли растения; спасаясь от холода и бескормицы, на юг улетали птицы, уходили звери. Не выдержали и люди. Им тоже пришлось оставить Европейский Север на много тысяч лет.

Но господство холода оказалось не вечным. Около 40 тысяч лет назад на оттаявшую землю Севера Европы вновь ступили люди, следовавшие за мамонтами, шерстистыми носорогами, северными оленями, овцебыками, дикими лошадьми и другими животными, привлеченными открывшимися перед ними пастбищами. То были пришельцы из центра России, а возможно, и из более дальних краев – Центральной Европы – уже не неандертальцы, а люди современного типа. Они постепенно обживали территорию, прилегающую к западным склонам Урала. С той давней поры сохранились стоянки Мамонтова Курья на р. Уса, существовавшая 36 тысяч лет назад, Бызовая на р. Печора (ее возраст – 25–27 тысяч лет назад) и стоянка Пымва-Шор I в верховьях р. Адзва (22 тысячи лет назад) – самый северный палеолитический памятник в Европе. Примерно тогда же, 22 тысячелетия назад, из-за ухудшения климата палеолитические племена, жившие на Европейском Севере, ушли на юг. Минуло много времени, и 17–18 тысяч лет назад на Север Европы переселились племена среднеуральской культуры, имеющей североазиатское происхождение. Не исключено, что племена этой культуры стали отдаленными предками современных финно-угров. Археологам

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, зам. директора по научным вопросам, заведующий отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. E-mail: zherebtsov.hist@mail.komisc.ru

** Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Роль изменений климата в этнодемографической истории финно-угорских народов России».

удалось найти на верхней Печоре стоянки Медвежья пещера и Уньинская пещера, существовавшие 12–18 тыс. лет назад.

Около 15 тысяч лет назад началось быстрое глобальное потепление климата, открывшее пути для складывания различных этнокультурных, языковых общностей, а уже около 12700 г. до н.э. климат, например, в Западной Европе был почти таким же, как в наши дни. За 10 тысячелетий до начала н.э. стало значительно теплее во всех частях Земли. Ледниковые щиты северного полушария начали быстро таять в последующие тысячелетия. В эпоху мезолита, который на Европейском Севере наступил примерно в VIII тыс. до н.э., климат стал заметно теплее по сравнению с прошедшими временами; средняя температура воздуха была даже немного выше, чем сегодня. Именно тогда и начал формироваться привычный нам сегодня растительный и животный мир Севера. В VII тысячелетии до н.э. (так называемый бореальный период) в Европе стало теплее, чем теперь; теплый воздух проникал далеко на север; в основном растаяли северные ледниковые щиты [3]. Север стал более привлекательным, более пригодным для жизни человека, и первопроходцы, число которых постепенно росло, двинулись с берегов Печоры на запад, постепенно освоили весь Европейский Северо-Восток (кроме, быть может, крайних северных районов побережья Ледовитого океана), а затем и более отдаленные от гор регионы – благо, что люди научились возводить жилища (поэтому необходимости в пещерах для жилья уже не было), освоили постройку лодок и плотов для путешествий по рекам, что облегчало продвижение на новые земли.

В последние века VII тысячелетия несколько похолодало, но затем бореальный период сменился еще более теплым атлантическим (VI–IV тысячелетия до н.э.) [5, с. 40]. Новая фаза потепления ознаменовалась рождением уральской языковой общности, объединявшей далеких предков нынешних финно-угорских (коми, карел, финнов, саамов и др.) и самодийских (ненцы и др.) народов. Исследователи говорят о ее существовании уже применительно к VI тысячелетию до н.э. [58, с. 159; 42, с. 125; 35, с. 13].

Ранее, при бореальном потеплении VII тысячелетия, этой общности, скорее всего, еще не было, поскольку Западная Сибирь (родина уральской языковой общности) в ту эпоху оказалась менее избалована климатическими сдвигами к лучшему, нежели, например, крайний Северо-Восток Евразии; более того, исследователи отмечают имевшее место в Западносибирском регионе некоторое похолодание, что явно не благоприятствовало людям, пожелавшим бы обустроить здесь свою жизнь. В атлантический же период (VI–IV тыс. до н.э.) Западная Сибирь относилась к тем регионам, где наблюдались наибольшие положительные аномалии климата [5, с. 48].

По мере потепления климата росло население, находившее все больше возможностей для пропитания. Со временем границы прародины стали тесны для значительно увеличившегося количества людей. Конечно, в сравнении с современностью, плотность населения, несмотря на прирост, оставалась весьма низкой; однако охотничье-рыболовческий тип хозяйства требовал обширных резервных территорий освоения, которые в районе проживания того или иного рода были отнюдь не беспредельны. В результате либо тормозился рост численности населения (вследствие нехватки продовольствия, голода и повышения смертности), либо часть жителей вынуждена была переселяться в иные районы. Возможно, с этим относительным перенаселением и было связано разделение уральской языковой общности на самодийскую и финно-угорскую, которое произошло в конце V тыс. до н.э. [14; 58, с. 172].

Середина IV тыс. до н.э. была теплой, но и существенно более сухой, чем предшествовавший период. В результате, вероятно, произошло определенное изменение ландшафта: почва становилась более сухой, степи постепенно лишались растительности, становясь полупустынями, а степная полоса сдвигалась на север, где ранее располагались луга; вслед за изменением растительного мира вынуждены были перемещаться и животные (об аналогичных процессах применительно к существенно более позднему времени писал Л.Н.Гумилев [14, с. 200]). Вследствие этого население районов, лежавших к югу от территории расселения финно-угров, спасаясь от засухи, вынуждено было, видимо, в поисках пропитания переселяться севернее, оттесняя или смешиваясь с финно-угорскими племенами. Не случайно именно в середине IV тыс. до н.э., по данным А.Х.Халикова, фиксируется приток на бывшую уральскую прародину иноэтничных пришельцев с юга [59]. Результатом вызванных именно засушливым климатом миграций и стало, во-первых, усиление разрыва между финно-уграми и самодийцами; последние (населявшие к тому времени верхнее течение Иртыша и Оби), как полагают исследователи, в основном отошли в направлении Енисея, а обитавшие непосредственно по обеим сторонам Урала финно-угры смешались с пришельцами [58, с. 122, 160].

Вторым результатом притока переселенцев с юга могла стать миграция оттесняемой ими с места первоначального жительства части финно-угров на запад, в сторону Волги, а отдельных групп – даже Балтики, включая и Европейский Север, который в условиях весьма теплого климата той поры мог оказаться вполне привлекательным для переселенцев. В.В.Напольских, например, указывает на расширение зоны лесов в целом на север и расширение зоны широколиственных восточноевропейских лесов на север и на восток как на фактор, благоприятствовавший миграционным процессам в указанные направления [43, с. 194]. Постепенно

осваивая пространства Севера, финно-угры могли добраться до Ладоги и северных берегов Балтийского моря. Во всяком случае, некоторые ученые говорят о появлении на территории современной Финляндии приблизительно в 3300–3200 гг. до н.э. нового народа, возможно, имевшего финно-угорские черты [63, с. 41]. Можно предположить, что этот народ оставил свои следы и на Севере нынешней России.

В конце IV тыс. до н. э. климат повсеместно начал меняться [5, с. 43]. Некоторое похолодание оказало, вероятно, замедляющее влияние на рост популяции финно-угров – меньше стало растительных «даров природы», возникли, вполне возможно, некоторые проблемы с рыболовством (сошлюсь на мнение исследователей относительно негативного воздействия даже незначительного снижения температуры воды на популяции речных рыб, многие виды которых вообще не размножаются, если вода не достигает определенной температуры [3, с. 87]). В этих условиях снова появляется относительно избыточное население, которое в поисках пропитания вынуждено было мигрировать в другие места. Не случайно именно в этот период племена культуры ямочно-гребенчатой керамики (которая, по некоторым предположениям, относится к протофинноуграм), появившиеся в Карелии во время потепления, расселяются по всей территории региона [21, с. 21].

Климатический оптимум завершился к концу IV тыс. до н.э. Новый суббореальный период (III–II тыс. до н. э.) был вначале относительно терпимым – если зимние периоды стали холоднее, то летние пока оставались еще теплыми. Однако для этого периода были в целом характерны климатические аномалии, отнюдь не способствовавшие стабильности хозяйственного развития, а в середине III тысячелетия наступил весьма холодный период [5, с. 43, 50]. Как пишет венгерский ученый П.Вереш, из-за ухудшения климата на Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон [7].

Естественно, что в этих условиях в финно-угорских родах и племенах вновь возникла проблема «избыточного» населения, и усилилась миграционная подвижность жителей. Одни переселялись на запад, за Урал, где уже имелись родственные племена – в бассейн Камы, а также в верховья Вычегды и Печоры, а затем, возможно, и дальше – есть предположения, что какие-то группы финно-угров в III тыс. до н.э. дошли до Прибалтики и, в частности, появились на территории современной Эстонии [58, с. 79–80, 161–162; 26, с. 5]. На территорию Эстонии племена с финно-угорскими чертами могли прийти из более северных районов, с территории Финляндии, Карелии или других регионов Севера (как уже говорилось выше, есть предположение, что они появились там в 3300–3200 гг. до н.э.) вследствие похолодания середины III тыс. до н.э., вынудившего людей мигрировать в более южные районы.

Другая часть населения Западной Сибири пока оставалась на старом месте жительства – освободившись от «лишних ртов», древняя прародина еще могла обеспечить оставшихся продуктами питания, тем более что крупных биогеографических сдвигов, считают ученые, не произошло, поскольку период похолодания и увлажнения климата оказался непродолжительным – около 2200 г. до н.э. климат несколько изменился к лучшему (так называемая среднесуббореальная фаза потепления) [5, с. 48; 43, с. 194; 61, с. 163–164], в результате чего переселения за Урал, видимо, резко сократились, если не прекратились совсем. В итоге этих процессов началось постепенное обособление разделенных Уральскими горами финно-угорских племен на две ветви, контакты между которыми слабели.

На рубеже III и II тыс. до н.э. наступило новое (опять-таки не слишком продолжительное) похолодание. В Европе климат был весьма влажным [5, с. 42–43]. Аналогичные условия сложились и по обеим сторонам Урала. В очередной раз заявила о себе проблема «избыточного населения», решавшаяся, как и прежде, за счет миграций.

Жившие в европейской части племена финно-угров продвигались из ставших перенаселенными районов, в первую очередь, на запад, в бассейн Оки, и далее до Прибалтики, где они стали доминировать [26, с. 7; 64, с. 101]. По мнению П.Хайду, тогда же имели место и миграции в другом направлении – в более северные районы, на Вычегду и Печору, которые привлекали переселенцев относительно малолюдством и, вследствие этого, немалыми возможностями для охоты и рыболовства [58, с. 162]. Полагаю, однако, что – поскольку похолодание рубежа тысячелетий все же существенно препятствовало освоению северных районов – более вероятно некоторое отставание по времени переселений на север от миграций в западном направлении. Северные миграции (во всяком случае, относительно массовые), видимо, начались несколько позднее, после 2000 г. до н.э., когда началось потепление.

Вызванные климатическими изменениями и относительным перенаселением миграционные потоки, двигавшиеся в расходящихся направлениях – на Юг (куда переселялись финно-угры, жившие с восточной стороны Урала), Запад, а затем и на Север, привели на рубеже III и II тысячелетий к распаду финно-угорской общности на две группы: угорскую и прафинно-пермскую. Есть также предположение, что финно-угры разделились тогда на три группы: на угорскую, прафинно-волжскую и прапермскую [58, с. 172; 53, с. 105–106].

Конечно, учитывая разнонаправленность миграций финно-угорских племен в европейской части (одна группа расселялась на Север, другая – на Запад), значительную отдаленность одного осваивавшегося

региона от другого, их заметное природно-климатическое отличие, а также вполне вероятные значительные этнокультурные различия между дофинноугорскими обитателями двух этих регионов, влившимися в конце концов в состав финноязычных пришельцев, резонно предположить, что прафинским народам сложно было сохранить языковую общность. Однако, как уже отмечал автор выше, миграции прафинских племен на Север в силу климатических условий все же, скорее всего, отставали по времени от переселений на Запад. Лишь по мере улучшения климатических условий приток населения на Север увеличивался, достигнув, вероятно, пика к самой середине тысячелетия, поскольку около 1500 г. до н.э. климат и зимой и летом практически на всей территории нынешней России был теплее и суше [5, с. 49; 21, с. 32]. Соответственно и различия между двумя группами прафинских (северной, прапермской, и южной или, точнее, юго-западной, прафинно-волжской) племен, возможно, более ярко проявились не на рубеже III и II тысячелетий, а ближе к середине II тыс. до н.э. Во всяком случае, П. Хайду полагает, что прапермская и прафинно-волжская общности отделились друг от друга в середине II тыс. до н.э. [58, с. 199].

В последующее время (примерно между 1400 и 1300 гг. до н.э.) климат снова изменился к худшему. Похолодание и увлажнение климата привели к постепенному отступлению широколиственных лесов на юг и запад; их место занимала еловая тайга, в которой зверя и птицы водилось в полтора, а то и в два раза меньше [43, с. 194; 61, с. 163–164], и прокормиться в них было куда сложнее. Так что миграции в северные районы если и продолжались, то в меньших масштабах. Напротив, похолодание могло воздействовать на отток части населения с Севера; возможно, именно тогда началось движение населения Северного Зауралья (которое ученые связывают с древними уральцами [53, с. 106]) в более южные районы Зауралья и смешение их в тех местах с северной частью угорских племен.

Конец II тысячелетия до н.э. принес очередное изменение климата и вызвал к жизни новый этап в истории финно-угров. Именно в этот период, по мнению П.Хайду, древние финны (прафинно-волжские племена) достигли Белого моря [58, с. 163], что, на мой взгляд, следует связать с потеплением, способствовавшим освоению высоких широт. Тогда же усилилось размежевание древнеугорских племен на мадьяр и обских угров [7; 33, с. 45; 35, с. 14; 58, с. 196, 197].

В первые века I тыс. до н.э. температура понизилась, что стало особенно заметно в IX в. до н.э., когда наступил холодный субатлантический период с влажными ветренными зимами и преобладанием холодных летних сезонов [4; 5, с. 49, 50, 55]. Это естественным образом вновь привело к появлению относительно избыточного населения, интенсификации миграционных процессов. Полагаю, именно с этим можно связать наиболее интенсивное заселение прафинно-волжскими племенами ряда регионов, и в частности, Севера (а также Прибалтики, о чем пишет П.Хайду, называющий тот период «началом прибалтофинской эпохи»), и возможный распад прафинно-волжской общности на прибалтийско-финскую, племена которой разместились в Северо-Восточной Прибалтике, прамордовскую и прамарийскую, которые обжились в Поволжье [58, с. 80; 53, 105–106; 43, с. 125]. На территории современных Вологодской и Архангельской областей могли обитать и прибалтийско-финские племена (в западной части), и прапермские племена (в восточной части), и представители волжских финнов (на юге). Наступившее похолодание сказалось и на окончательном отдалении друг от друга угорских народов [58, с. 196, 197; 33, с. 44, 45; 35, с. 15].

В самой середине I тыс. до н.э. климат несколько улучшился (впрочем, ненадолго). Возможно, с некоторым потеплением можно связать продвижение саамов в Финляндию и Скандинавию, о котором пишет П.Хайду [58, с. 111]. В эпоху потепления (VI–V вв. до н.э.), вероятно, на территории Карелии появились северные племена позднеломовской культуры (связанной с ананьинской историко-культурной общностью, т.е. с племенами прапермской языковой общности) и позднекаргопольской культуры (истоки которой – в Среднем Поволжье, т.е., возможно, среди прамордовских или прамарийских племен) [21, с. 45, 53].

Как уже говорилось, потепление климата оказалось недолгим, и вторая половина тысячелетия в целом, в особенности последние века оказались весьма холодными (в некоторых регионах – самими холодными в этом тысячелетии). Эти условия привели к кризисным явлениям в демографическом развитии финно-угорских народов: в Карелии и в Финляндии сократилась численность населения [27, с. 268]; та же картина наблюдалась, очевидно, и на современной Вологодчине и в Поморье. С похолоданием же можно связать и начавшийся процесс распада прапермской языковой общности, которую исследователи связывают с памятниками ананьинской археологической культуры. В период похолодания ананьинская культура разделилась (во II в. до н.э.) на новые, одна из которых связана с предками удмуртов, а другая – гляденовская – с предками коми и коми-пермяков [22]. Территория расселения племен гляденовской культуры сократилась в сравнении с предшествовавшим периодом, что в условиях ухудшения климата и неудивительно.

В первой половине I тыс. н.э. климат оставался неустойчивым, потепления чередовались с похолоданиями; наблюдались и существенные региональные различия. Частичные потепления вызывали миграции – с одной стороны, кочевые южные народы, следуя за отступающими на север степями, стали теснить прасамодийцев (Л.Н.Гумилев писал, что, в частности, III в. н.э. был весьма засушлив для всей степной зоны Евразии, что

вызвало значительные миграции хуннов [17, с. 200]); с другой стороны, более северные регионы становились приемлемее для обитания, и часть жившего южнее населения переселялась туда.

Во второй половине IV – первой четверти V в. н.э. миграции хуннов (гуннов) особенно активизировались вследствие наступившей кульминации временного усыхания степей на западе [33, с. 45; 12, с. 200]. Затем климатическая ситуация вызвала к жизни новую волну миграций, на сей раз тюркских народов [58, с. 16, 196]. Все эти миграции, вошедшие в историю как Великое переселение народов, сыграли свою роль и в истории Севера. Даже на Европейский Северо-Восток в V–VI вв. вторглись группы скотоводческого населения, которые археологи связывают с южными кочевниками-скотоводами, возможно, добравшимися сюда из степей Южного Зауралья; этническая принадлежность их дискуссионна. Это могли быть племена, имевшие отношение к гуннскому союзу, угорские народы, тюрки или смешанные по составу переселенцы, которые, видимо, слились с коренными обитателями края, войдя в состав населения вновь возникавших объединений [18; 22; 54, с. 39].

По мнению археологов, с вторжением кочевников связано разделение единой общности предков коми и коми-пермяков на две разные. В VI–VII вв. в Прикамье образовалась ломоватовская археологическая культура, которая связывается с предками коми-пермяков. Упомянувшиеся выше пришлые племена не сыграли в ее формировании ключевой роли. В.А.Оборин отмечает, что ломоватовская культура не имеет связи с тюрками [22]. В Вычегодском крае и на верхней Мезени складывается ванвиздинская археологическая культура, этническая принадлежность которой – один из наиболее дискуссионных аспектов проблемы происхождения коми [42; 49; 54; 52, с. 314–317]. Говоря коротко, можно, как представляется, отметить следующее. Во-первых, ванвиздинцы, бесспорно, сформировались в результате смешения целого ряда этнических групп с различной численностью и различным ареалом расселения на территории Европейского Северо-Востока. Во-вторых, не представляется возможным выделить какой-либо компонент, сыгравший бы определяющую роль в формировании населения на всей без исключения территории, занятой ванвиздинской культурой. В то же время в различных частях ванвиздинского ареала в указанном процессе на местном уровне могли доминировать различные этнические компоненты, в том числе и пермский (гляденовский); а то, что местное гляденовское население участвовало в сложении ванвиздинской культуры, несомненно. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ванвиздинцы говорили на одном из языков уральской семьи и, скорее всего, на одном из финно-пермских языков. Как отмечал, в частности, Л.Н.Жеребцов, «нет оснований выделять ванвиздинский период из круга финно-пермских культур и считать его привнесённым со стороны» [19].

На нижней Оби, Печоре и верхней Вычегде появились угры и самодийцы двигавшиеся на север и северо-запад по мере потепления климата. О довольно позднем появлении самодийцев в полярных районах свидетельствуют языковые данные [1; 19; 20; 53; 60; 62]. Это и логично – подобные миграции могли произойти лишь во время или, по крайней мере, в преддверии климатического оптимума. Аналогичным образом происходили, очевидно, и переселения обских угров.

«Великое переселение» непосредственно затронуло и южную часть расселения прибалтийско-финских племен. Так, исследователи отмечают вызванные переселениями народов военные столкновения, происходившие в середине I тыс. н.э. в Эстонии (где, замечу в скобках, жители занимаются земледелием, переход к которому был вполне логичен в менявшихся климатических условиях) [26, с. 7]. Может быть, с этим связан отток части населения из Восточной Эстонии в IV–VII вв. в Ингерманландию [39, с. 187]. Быть может, с «великим переселением народов» связано и начало процесса распада прибалтийско-финской общности, имевшего место, по мнению ряда исследователей, в VI–VIII вв. [58, с. 91]; на лингвистической карте Европы появились предки ливов, эстонцев, ижоры, вепсов, карел и финнов.

Великое переселение не затронуло разве что территории нынешних Карелии и Финляндии, куда волна степняков, очевидно, не дотянулась. Но и здесь переселения происходили довольно активно. Постепенное потепление климата благотворно сказалось на развитии хозяйства и демографических процессах. Уже в первой половине I тыс. н.э. стало расти население, создавались новые поселения, расширялась заселенная территория. Предки финнов, вепсов и карел постепенно переселялись на север, становившийся все более благоприятным для жизни. Освоившиеся там ранее саамы отступали севернее. По мере потепления, более успешного развития хозяйства, роста населения ширилась миграционная активность, увеличивалась заселенная прибалтийско-финскими племенами территория. Заселив Карельский перешеек, Прионежье, они все более интенсивно проникали на территорию Финляндии, продвигались в сторону Кольского полуострова и Белого моря [27, с. 269; 58, с. 92, 111]. Возможно, именно в этот период прибалтийско-финские (вепские?) племена продвинулись на восток и обжились на значительной части территории современных Вологодской и Архангельской областей.

Дальнейшие климатические изменения привели к малому климатическому оптимуму VIII–XIII вв., сыгравшему весьма важную (в ряде случаев – ключевую) роль в истории финно-угорских – да и не только

финно-угорских – народов. Уместно вспомнить, что Л.Н.Гумилев именно к рубежу тысячелетий относил период нового подъема деятельности человека и образования средневековых этносов [12, с. 209].

В самом начале климатического оптимума, как уже было сказано выше, завершился распад прибалтийско-финской и пермской общностей. Во время климатического оптимума завершилось заселение Карелии (заключительной датой этого процесса исследователи считают XII век), в Приладожье появляется (в XI–XII вв.) сельскохозяйственное производство, что способствовало росту численности населения [58, с. 95; 21, с. 63, 67]. Активно шло и заселение Финляндии, происходившее уже не за счет притока переселенцев извне (этот процесс закончился, по мнению П.Хайду, примерно в VIII в. [58, с. 92], т.е. опять-таки в начале оптимума), а за счет прироста местного населения, что стало возможным в благоприятных климатических условиях. А в XI–XII вв. в ходе миграций и смешивания населения формируется финский язык [58, с. 91]. Вполне возможно, что тогда же прибалтийско-финские племена (древние вепсы?) продвинулись на восток вплоть до границ современной Республики Коми.

Аналогичные процессы происходили в этот же период и в других регионах. Обские угры и самодийцы в этот период, очевидно, окончательно осваиваются в Северном При- и Зауралье. Обские угры (и, в частности, вогулы, т.е. древние манси) в XII в. все более активно обживают берега Вычегды, тесня обитавших там древних коми [13; 19; 20; 60; 62]. По данным археологов, древние коми обитали в районе современных Сторожевска и Пезмога в XII в., а затем были вытеснены оттуда вогулами [34, с. 139–191]. Возможно, в это время имел место какой-то приток обско-угорских племен в Вычегодский край.

Одна из групп угорских переселенцев, видимо, смогла продвинуться существенно ниже по Вычегде (в районе между устьями Сысолы и Выми коми поселений не было еще долгое время, да и нижняя Вычегда была заселена значительно слабее, чем Вымь, где в XII–XIII вв. сосредотачивалась основная часть древних коми), вплоть до устья Яренги. На нижней Вычегде в районе Яренска имеются названия с окончанием на «-луг (-лук)» (Базлуг, Казлук, Матлуг и Морготлуг), связанные с речными старицами (курьями). По предположению лингвиста Б.А.Серебренникова, в тех местах в древности была какая-то колония обских угров, близких по языку к хантам [56, с. 5]. Учитывая, что, с одной стороны, как уже говорилось, в XII в. коми еще жили на верхней Вычегде и ушли оттуда позднее, а с другой – что во второй половине XIV в. нижнюю Вычегду населяли только пермяне (ни о каких вогулах или иных народах, живших в этом районе, документы не сообщают), переселение вогулов на нижнюю Вычегду в район Яренска, видимо, могло произойти после XII и до XIV в. – в XIII столетии. А в последующее время, в конце XIII – середине XIV в. обитатели названного района либо ушли на верхнюю Вычегду под давлением древних коми, чья численность на нижней Вычегде постепенно увеличивалась, либо (что, на наш взгляд, менее вероятно) смешались с пермянами. Впрочем, это, разумеется, всего лишь гипотеза, требующая дальнейшего рассмотрения.

Малый климатический оптимум VIII–XIII вв. оказал непосредственное влияние и на складывание предков древних коми (зырян) – археологической культуры перми вычегодской. Отмечу, что проблема ее происхождения по-прежнему является дискуссионной. Согласно одному мнению (выдвинутому археологом В.И.Канивцом и развитому и наиболее последовательно отстаиваемому археологом Э.А.Савельевой), эта культура (называемая также вымской) сформировалась на основе древнекоми ванвиздинской культуры и генетически связана с ней; пермяне вычегодские (древние коми-зыряне) являются, таким образом, автохтонным населением Вычегодского бассейна. Данная точка зрения отрицает какие-либо значительные перемещения населения из Прикамья в Коми край и участие камских переселенцев в формировании пермян вычегодских как не подтвержденные археологическими материалами [18; 49–54].

Вторая точка зрения, напротив, предполагает ведущую роль переселенцев из Прикамья в формировании культуры перми вычегодской. Местное ванвиздинское население (не древнекоми, но родственное ему западно-финское, угорское или какое-либо иное) было ассимилировано переселенцами. Определенное участие в сложении пермян вычегодских групп славяно-русского и волжско-финского населения также не отрицается. Языковеды В.И.Лыткин и В.А.Ляшев ссылались при этом на лингвистические данные. Археологи Г.М.Буров и А.М.Мурыгин обращают внимание на археологические данные, говорящие, по их мнению, о такой близости перми вычегодской и родановской культуры по ряду признаков, которую можно объяснить лишь переселениями раннеродановского населения в бассейн Вычегды. Этнографы Л.П.Лашук и Н.Д.Конаков в подтверждение этой же точки зрения указывают на резкую смену хозяйственно-культурного типа населения Вычегодского бассейна на рубеже I и II тысячелетий н.э. [6; 32; 36; 41; 42].

Как представляется, истина должна быть где-то посередине между двумя этими воззрениями. (В этом плане представляются весьма перспективными изучение археологом Н.Н.Балиной локальных вариантов ванвиздинской и вычегодской культур, Т.В.Истоминой – сысольских памятников перми вычегодской, ряд наблюдений К.С.Королева в отношении средневековых средневычегодских памятников). Можно предложить следующую гипотезу. Вероятно, в формировании древних коми участвовали две основные этнические группы – как местное ванвиздинское население, так и переселенцы из Прикамья (причем обе эти группы

были родственными между собой), но роль их в сложении пермян в разных районах края была неодинакова. На Выми и нижней Вычегде, очевидно, главным элементом стали ванвиздинцы, а на Сыsole и, быть может, верхней Вычегде, наоборот, сильнее было влияние переселенцев из Прикамья (по крайней мере, последние исследования археологов позволяют говорить о весьма тесных связях сысольцев с Прикамьем). В сложении прилузских коми (в Прилузье, кстати, до сих пор не найдено ванвиздинских археологических памятников) свою роль сыграли также группы прибалтийско-финского и волжско-финского населения, обитавшие, возможно, в бассейне Лузы или западнее и юго-западнее.

Еще раз подчеркну, что «рождение» коми народа стало, можно сказать, в известном смысле следствием климатических изменений. Ведь переселения из Прикамья на территорию современной Республики Коми начались, вероятно, еще в VIII в. когда потеплевший климат сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов (замечу в скобках, что развитие земледелия и животноводства в Вычегодском крае, на территории, заселенной ранее ванвиздинцами, стимулировалось не только перениманием опыта пришельцев-южан, но и самими климатическими изменениями, позволившими «бывшим ванвиздинцам», становившимся в той или иной мере пермью вычегодской, получать от производящих форм хозяйства куда большую отдачу, чем это было бы возможно ранее). Безусловно, эти переселения являлись не единым актом, произошедшим в течение относительно короткого отрезка времени. Это был длительный процесс, занявший не одно столетие, состоявший, вероятно, из нескольких этапов или миграционных волн, причем миграции шли, видимо, не на дальние расстояния, не сразу с Камы на Вычегду, а постепенно, с освоением промежуточных территорий. Такого мнения придерживался, в частности, Л.Н.Жеребцов [19].

Малый климатический оптимум приносил финно-уграм отнюдь не только благо, но и немалые проблемы, связанные с тем, что территории их обитания стали, во-первых, более привлекательными для населения более южных районов, а во-вторых, более доступными, поскольку плавать по главным для той эпохи морским и речным путям стало куда проще. Так, вследствие благоприятной ледовой обстановки в северных морях во второй половине I тыс. н. и особенно в IX–X вв. оживились морские набеги скандинавов на восточное побережье Балтики [3, с. 28; 26, с. 10; 64, с. 102]. Имели место и набеги викингов на Север нынешней России, в так называемую Биармию (населенную, очевидно, финскими народами), которая, как полагают многие исследователи, располагалась на Северной Двине или еще дальше к западу, вплоть до Кольского полуострова или Карелии.

Не отставали от скандинавов и русские властители. Уже по крайней мере в XI в. Новгородская республика предпринимает шаги по установлению контроля и над территориями обитания народов Севера. В «Повести временных лет», составленной в XII в. и включившей в себя более ранние летописи XI столетия, упоминаются жившие на северо-востоке Европы народы «пермь» и «печера», которые «дань дают Руси» (и конкретно Новгороду). В 1032 г., согласно тому же документу, состоялся неудачный поход новгородского воеводы Улеба «на Железные врата» (возможно, к Уралу). В 1096 г. был предпринят поход новгородцев, отправленных Гюрятой (Георгием) Роговичем, на Печору за данью и в Югру (Зауралье). Еще один известный поход новгородцев на Северо-Восток состоялся в 1114 г. Как подчеркивает исследователь истории климата Е.П.Борисенков, в период потепления в X в. новгородцы вышли на берег Русской Арктики, а в 1132 г. ходили к Железным воротам (под которыми, предположил ученый, подразумеваются Карские ворота), что указывает на сравнительно благоприятные ледовые условия в XII в. [3, с. 28]. А в XII в. между Швецией и Новгородом началась борьба за господство в Финляндии и Карелии [63, с. 42].

Вслед за воеводами двигались и крестьяне. Уже в VI–VIII вв. славяне начали проникать в южную Ингерманландию, в X в. их приток в Ингерманландию стал более массовым [39, с. 188]. В XI в. русские жители появились в Приладожье [21, с. 66], в XI – начале XII в. в западной части бассейна Северной Двины (низовья Северной Двины, верхняя Сухона), а в XII в. – и на землях древних коми, живших тогда значительно западнее нынешней территории их расселения. Э.А.Савельева считает XII столетие началом периода активной древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока, с которой связано, в частности, появление древнерусских городищ на нижней Вычегде и Выми [51; 53]. Но если в Вычегодско-Вымском крае возникновение городищ не сопровождалось массовыми крестьянскими переселениями, то на более западной части региона складывалась иная ситуация. Продвигавшиеся туда новгородцы и суздальцы основали ряд населенных пунктов на Северной Двине, Ваге, Сухоне, Юге и других реках. Особенно большое значение имело основание в конце XII – начале XIII в. Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне, Лузе и низовьям Вычегды, где жили племена прибалтийско-финской языковой группы и древние коми. Гледень, а затем Устюг стали опорными пунктами, вокруг которых началась русская земледельческая колонизация, со временем охватившая все вышеназванные районы.

В XIII в. приток переселенцев в бассейн Северной Двины из русских княжеств возрос вследствие разорения последних из-за монголо-татарского нашествия (интересно, что скандинавские саги упоминают о том, что от татар пострадали даже «биармийцы», многие из которых бежали к викингам, прося у них помощи). Возможно, именно вследствие усиления притока русских переселенцев жившие на Северной Двине и ее западных притоках пермяне и представители других финно-угорских этносов были, за небольшими исключениями, ассимилированы. Некоторая часть древних коми могла отойти в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения – в частности, на Вашку и Пинегу.

Русские переселенцы продвигались и на территории расселения других финно-угров: мери, муромы и мешеры, которые в конечном итоге были ассимилированы [11; 38; 48], коми-пермяков и др. Скандинавы и славяне были не единственными европейскими народами, представлявшими тогда естественную угрозу для финно-угров. С юга на земли прибалтийских финно-угров двигались немецкие феодалы. В наибольшей мере испытали на себе последствия немецкой экспансии ливы [10, с. 147; 26, с. 10, 11, 12; 64, с. 103]. Немало немцев обращало взор и на Венгрию [33, с. 86]

Продвижение сразу трех мощных военно-политических сил на территории финно-угорских народов, оказавшееся для абсолютного большинства их (кроме венгров) едва ли не катастрофическим и приведшее к тому, что ни один из финно-угорских народов (кроме опять-таки венгров) не создал своего национально-государственного образования вплоть до XX в., было вызвано, естественно, не случайным совпадением по времени, а тем, что скандинавы, немцы, русские (славяне) в этот период (примерно с VIII в.) проходили один цикл развития. В связи с этим уместно, во-первых, вспомнить о приводившемся уже высказывании Л.Н.Гумилева относительно периода нового подъема деятельности людей и формирования этносов на рубеже тысячелетий, связав это, в частности, и с развитием (подъемом) государств.

Во-вторых, еще более уместным представляется вспомнить о теории демографических циклов, в соответствии с которой история человеческого общества, конкретных цивилизаций и государств состоит из повторяющихся демографических циклов. Каждый цикл включает два периода длиной от нескольких десятилетий до одного или даже более столетий: период внутренней колонизации (называемый также периодом восстановления), для которого характерны рост населения, освоение новых земель, внутривнутриполитическая стабильность, относительно высокий уровень потребления основной массы населения и др., и в целом – низкий уровень так называемого «демографического давления»; и период сжатия, суть которого в замедлении или прекращении роста населения, упадке сельских поселений, низком уровне потребления основной массы, политической нестабильности и некоторых других явлениях, характеризующихся в целом как высокий уровень «демографического давления», приводящий, как правило, к этносоциальному кризису и даже демографической катастрофе [44, с. 19].

Эта в целом весьма интересная теория, достаточно обоснованная рядом зарубежных и отечественных ученых (особо отмечу работу С.А.Нефедова [44]), вполне применима и к анализу интересующих нас вопросов. Правда, она нуждается, на мой взгляд, в определенном развитии, причем довольно значимом, а именно в сопоставлении демографических циклов с изменениями климата, колебания которого, как уже неоднократно говорилось, вызывают к жизни значительные перемены в хозяйственной деятельности, уровне потребления и, соответственно, в конечном итоге, пользуясь терминологией теории демографических циклов, в уровне демографического давления. Таким образом, с моей точки зрения, как раз климатическими изменениями и определяются демографические циклы. Ситуация с демографическим циклом, приходившимся в Европе на период климатического оптимума и последующее время, довольно ярко об этом свидетельствует.

Исследователи отмечали, что в Западной Европе, в частности, в XI–XIII вв. имело место увеличение численности населения, сопровождавшееся расширением посевных площадей, экономическим ростом, приобретением все нового «жизненного пространства» и т.п. [44, с. 8], т.е. по крайней мере с начала II тысячелетия (а вполне вероятно, еще с VIII в., с начала климатического оптимума, максимум которого, по мнению Е.П.Борисенкова, в Европе пришелся, вероятно, на 1200–1250 гг. [3, с. 25]) западноевропейские страны, а также и русские княжества переживали первый период такого демографического цикла – период внутренней колонизации (или, как писал Л.Н.Гумилев, подъема этносов).

В последующее время ситуация стала меняться. Климатический оптимум завершился, и в XIV в. маятник природы качнулся в обратную сторону: началось постепенное похолодание. И именно тогда начался второй период демографического цикла в западноевропейских странах – период сжатия. Западные ученые указывали, что рост численности населения в Германии в XII–XIV вв. привел к исчерпанию ресурсов пахотных земель; продолжавшийся демографический рост привел к перенаселению, к измельчанию крестьянских наделов, росту числа безземельных крестьян, падению реальной заработной платы, нехватке продовольствия, росту цен на зерно, голоду и высокой смертности населения, народным бунтам. А пандемия чумы («Черная смерть») 1347–1353 гг. в этих условиях (даже не считая «рецидивов» 1361 и 1369 гг.) привела к гибели около половины

ослабевшего от голодовок населения Европы. Этот «кризис XIV века» рассматривается как демографическая катастрофа, завершившая демографический цикл [44, с. 7, 8].

В связи с этим остается добавить, во-первых, что голод вызывался неурожами, которые повторялись год от года (исследователи и сами отмечают, что голодные годы в тот период стали учащаться, и в 1310-х гг. вся Европа была охвачена страшным голодом). А участвовавшие и усиливавшиеся неурожаи как раз и стали следствием усилившейся в период перехода от климатического оптимума к климатическому минимуму внутрисезонной изменчивости климата с присущими ей такими климатическими экстремумами, как засухи, наводнения, тайфуны и др., на что указывает Е.П.Борисенков, отмечающий, что потепление прекратилось в Европе примерно в начале XIV в. [3, с. 25], как раз накануне неурожаев 1310-х гг.

Во-вторых, исследователи справедливо объясняют, что опустошительное действие «Черной смерти» объяснялось тем, что она обрушилась на население, ослабленное постоянными голодовками [44, с. 8]. Однако можно ли только изнуренностью населения объяснить возникновение пандемии? Ведь ничуть не менее и даже куда более жестокие неурожаи и голод имели место в 1640-х и 1690-х гг. в Европе едва ли не повсеместно, однако эпидемии чумы в тот период отнюдь не приобретали характер пандемии. Очевидно, сам период таил в себе какие-то условия, способствовавшие возникновению и развитию пандемии. И этими условиями могли быть как раз изменения климата. Случайно ли пандемия возникла именно в переходный период от теплого к холодному климату? Может быть, изменившиеся условия стали более благоприятными для развития чумных микробов?

Известно, что сезонная изменчивость климатических условий влияет на возникновение и распространение разнообразных вирусных заболеваний, что многие вирусы и иные возбудители болезней могут развиваться и размножаться только при определенных климатических условиях [3, с. 84, 101]. Естественно, что и на микроорганизмы, микробы климатические условия оказывают воздействие. Можно ли объяснить случайным совпадением, что за два тысячелетия нашей эры известны три пандемии чумы – VI («Юстинианова Чума»), XIII (упоминавшаяся «Черная смерть») и конца XIX вв. (которая, к счастью, не имела столь катастрофических последствий благодаря развитию медицины) [2, т. 29, с. 258], и все они приходятся именно на переходные климатические периоды – от холодного на рубеже эр к климатическому оптимуму рубежа I и II тысячелетий, от климатического оптимума к малому ледниковому периоду (пик которого пришелся на конец XVI–XVII вв.) и, наконец, назад от холодного периода, окончательно завершившегося в XIX в., к новому потеплению XX в. Три переходных сезона с их климатической изменчивостью, три пандемии чумы... Впрочем, разумеется, это не более чем гипотеза.

Финно-угорские народы, стоит это отметить, пандемия чумы затронула, видимо, в меньшей степени. Во всяком случае, Венгрию она обошла стороной (вероятно, из-за малолюдности, обширных незаселенных пространств) [33, с. 113]; нет никаких сведений о проявлениях свирепствовавшей по всей Европе «Черной смерти» в Финляндии [63, с.46], Карелии, Коми и других финно-угорских регионах. Пожалуй, последствия начавшихся перемен климата тяжелее других отразились лишь на населении Эстонии.

У северных финно-угров земледелие еще не играло в XIV в. доминирующей роли, так что неурожаи для них не могли иметь катастрофических последствий. В Финляндии в это время население быстро росло, вследствие чего произошло сплошное заселение Южной Финляндии и побережья Похьянмаа (Эстерботния). Карелы обживали северные и некоторые другие, незаселенные ранее районы. В целом в этом регионе за неполный XIV в., отмечает Э.Ютиккала, заселение охватило территорию более обширную, чем за предшествовавшее тысячелетие [63, с. 46; 54, с. 59]. Росло население Коми края. Стремительными темпами осваивалась русскими Вологодчина и Поморье. В том же XIV в. усилился приток русских крестьян в Восточную Карелию [21, с. 74] и западные районы Коми (на нижнюю Вычегду, нижнюю Лузу); даже в самом центре Коми края, близ устья Выми, возникло русское поселение – Усть-Вымский городок.

В XV в. процесс русской колонизации региона от Карелии до Коми края продолжался и даже усиливался. Наибольшее число переселенцев оседало в Подвинье, постепенно превращавшемся из финно-угорского в Русский Север. В других районах финно-угорские народы продолжали доминировать. Несмотря на некоторое сокращение территории расселения, абсолютная численность коми и других северных финно-угров в XV в. продолжала увеличиваться. На позитивные тенденции демографического развития указывает незначительное количество запустевших дворов в населенных пунктах. Например, П.А.Колесников обратил внимание на такой весьма показательный факт: в 149 деревнях Шунгского погоста в 1496 г. не было ни одного пустого двора, на этой территории не числилось ни одной пустоши [29, с. 354].

Даже в первой половине XVI в., несмотря на вполне явственно проявившееся похолодание климата, население еще продолжало расти. Исследователи отмечают, в частности, прирост числа жителей Карелии в этот период [21, с. 136; 45, с. 80]; возросло и количество обитателей Коми [17; 18]. Аналогичные процессы шли на территории современных Архангельской и Вологодской областей, где число запустевших дворов было невелико. В Устьянских волостях в 1554 г. пустые дворы составляли всего 5 %; в Кодимской волости

Важского уезда в 1565 г. доля пустых дворов составляла 2,3 %, а на 63 жилых поселения этой волости приходилась лишь одна пустошь. Вообще на севере в тот период, как отмечал П.А.Колесников, пустовавших, заброшенных пахотных и сенокосных угодий было очень мало [29, с. 354].

Если русские крестьяне обеспечивали себе пропитание, главным образом, сельскохозяйственными занятиями, и наличие свободной земли, пригодной для земледелия и животноводства, позволяла им прокормить все большее число жителей, то у коми и карел по мере увеличения численности возникли проблемы: требовалось добывать все больше зверя, птицы, рыбы. Нужны были новые охотничьи и рыболовные угодья, а вблизи селений найти их было уже очень трудно. В конце концов, в старожильческих районах не осталось свободных промысловых угодий. Охотники в поисках добычи вынуждены были уходить все дальше и дальше от дома. Начался перепромисел зверей: их становилось все меньше.

В этих условиях все большее значение в хозяйстве карел и коми приобретало земледелие и животноводство, к которым они приноровились в период климатического оптимума и дополнительный стимул для развития которых дал пример селившихся по соседству русских крестьян. Правда, у карел земледелие приобрело доминирующее значение, вероятно, лишь к середине XV в. [21, с. 69], а у коми и того позже. Даже в начале XVI в., по словам польского историка той эпохи М.Меховского, в Пермской (Коми) земле, Карелии и Югре «не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесной дичью, которая у них водится в изобилии, и пьют только воду» [55]; правда, в трудах западных авторов излагались, как правило, сведения, относившиеся к существенно более раннему времени – информация, передававшаяся «из уст в уста», запаздывала на десятилетия. В первой половине XVI в. земледелие играло важное место в хозяйстве жителей Карелии и Коми, став во многих районах (особенно южных) ведущим источником пропитания. (Замечу в скобках о примечательном совпадении – в далекой Венгрии именно в XVI в. также наблюдался, по выражению историка Л.Контлера, «сельскохозяйственный бум» [33, с. 174]).

Но в середине и особенно второй половине столетия ситуация изменилась. Удобные для земледелия площади по берегам рек в заселенных районах Севера довольно скоро оказались заняты (например, в Карелии из возделывавшейся в конце XVII в. пашни 90 % были освоены к середине XVI в., а за последующее столетие удалось вовлечь в сельхозоборот лишь 10 %) [21, с. 148]. Нужно было расчищать пашню в лесах, однако несовершенство существовавших орудий труда делало такие расчистки слишком трудоемкими [29, с. 359]. Земли перестало хватать, у русских, коми и карел начался «земельный голод». Ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания скота. Трудности в сельском хозяйстве усугублялись изменениями в климате. Наступил так называемый малый ледниковый период. Если первые десятилетия XVI в. были еще относительно если не благоприятными, то, по крайней мере, терпимыми, то затем резко возросло количество экстремальных природных явлений. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град и т.п.) [5, с. 189]. Это приводило к неурожаем, подрывавшим хозяйство крестьянина, вызывавшим голод и высокую смертность населения. К тому же по мере похолодания климата тайга стала наступать на и без того немногочисленные открытые пространства, луга зарастали или в условиях повышенной увлажненности заболачивались.

В поисках новых промысловых и сенокосных угодий и пахотных земель люди обращали взоры к соседним оставшимся еще необжитыми или слабозаселенными районам. В Карелии жители мигрировали на восток, на Олонецкую равнину и к Онежскому озеру, и на север, в Лопские погосты и к Белому морю. Эти переселения, происходившие еще в конце XV в., значительно усилились в XVI столетии [21, с. 116–117, 139, 143]. Переселениям коми на восток и север поначалу препятствовали враждебные отношения с обским уграми (вогулами) и самодийцами (самоядью), а переселениям на юг (в частности, на Летку) – с русскими (вятичами). Но «вогульская» и «самоядская» проблемы в XVI в. решились сами собой: обские угры откочевали с верховьев Вычегды и Печоры за Урал, а ненцы, вероятно, перестали посещать верхнюю Мезень и среднюю Ижму. Можно предположить, что эти события были связаны с упоминавшимися выше воздействиями климатических изменений на некоторые ландшафтные изменения, вследствие которых для кочевых угро-самодийских народов перечисленные районы перестали представлять интерес. Вследствие этого коми получили возможность в середине и второй половине XVI в. начать освоение верхней Мезени, Ижмы, района близ впадения Сысолы в Вычегду (где появилась нынешняя столица Коми Сыктывкар) и двигаться дальше вверх по Вычегде. Однако такие переселения относительно избыточного населения могли принести лишь временное облегчение.

Вынуждены были искать новых мест для приложения своего труда и жители Русского Севера. П.А.Колесников писал о том, что примерно с конца XVI в. начался новый период в развитии демографических процессов на Севере: «С этого времени стали отчетливо создаваться те условия, которые ускоряли образование пустоты в северных посадах и уездах, приводили к вынужденной необходимости забрасывать земельные угодья, промыслы, свои дворы и уходить в новые края» [29, с. 355–356]. Переселения вызывались

социально-экономическими изменениями, происходившими в Русском государстве. Во-первых, росло крупное землевладение, что сопровождалось усилением крепостничества, когда вместе с укреплением феодального способа производства и ростом крепостнических отношений все более массовые масштабы принимало бегство крестьян из центральных районов страны на Север – в первую очередь, на Вологодчину и в Подвинье. А там и без этого начала ощущаться нехватка пахотных земель, «удобные участки земли давно уже были распаханы» [29, с. 359; 30, с. 79; 31, с. 233, 237]. Жители ранее освоенных земледельцами северных территорий стали переселяться на восток и северо-восток. В конце XV–XVI вв. после освоения нижней и средней Мезени и низовьев Вашки русские появились в низовьях Печоры, населенных самодийцами, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма. В этот же период русские стали большинством населения на Пинеге и нижней Вычегде – до р. Яренга и деревни Межог (на нижней Вычегде коми, однако, жили еще и в XVII в.).

Продолжавшийся приток на коми и карельские земли русских крестьян вызывал дополнительные трудности для этнодемографического развития этих народов. Если, скажем, в более плодородной Венгрии, где в XVI в. также имела место значительная иммиграция славян, этот процесс не имел сколь-либо существенных негативных последствий для венгерского населения, имевшего свою государственность [33, с. 203], то на севере с его скудными почвами появление многочисленных иноязычных переселенцев с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом независимо от чьего-либо желания создавало как для традиционного местного охотничье-рыболовческого хозяйства, так и для производящих отраслей хозяйства (возникла естественная конкуренция за уголья). Если бы переселения русских крестьян в Карелию и на Европейский Северо-Восток продолжались в больших размерах и далее, то коми и карелы, скорее всего, разделили бы судьбу финно-угорских племен Подвинья, ассимилированных пришельцами так же, как когда-то ранее финно-угры ассимилировали обитавшие тут до них племена.

Однако похолодание климата сделало земли карел и коми с их скудными северными почвами далеко не столь привлекательной для русских земледельцев, как в предшествовавшие столетия. Поэтому, когда под ударами «государевых ратей» пали Казанское, Астраханское и Сибирское ханства и перед русскими крестьянами открылись просторы Поволжья, Приуралья, Сибири, то тысячи переселенцев устремились на эти территории. Разумеется, и Карелии и Коми продолжали появляться русские переселенцы. Так, часть русских мигрантов с Подвинья, проходя через Коми край, задерживалась здесь. Но массовый приток переселенцев на этническую территорию коми и карел прекратился, а имевшие место в конце XVI – XVII вв. миграции уже не оказывали былого воздействия на развитие карельского и коми этносов. Именно с прекращением массовых миграций русских на территорию Коми края следует, в частности, связать стабилизацию западной границы этнической территории коми в конце XVI – начале XVII в., о которой писал видный ученый Л.Н.Жеребцов [19].

Пик малого ледникового периода (климатический минимум) пришелся на полторастолетний период – примерно с середины XVI до конца XVII в. В частности, участившиеся стихийные бедствия приводили к неурожаем, подрывавшим крестьянское хозяйство, вызывавшим голод и высокую смертность населения. Русские летописи, в частности, полны сообщений о «хлебном недороде» и «великом гладе». Так, в 1549 г. «хлеб был дорог на Двине, ... и людей мерло много з голоду, клали в одну яму мертвых по 200 и по 300 человек». В Двинском летописце под 1556 г. говорится: «И того лета хлеб не пришел» [47, с. 149, 150]. Устюжский летописец сообщает под 1557 г.: «Того же лета и 66 (1558 – авт.) по 2 годы был голод на Устюзе, пихту ели и траву и стерво, и многие люди мерли...» [57, с.104].

С климатическим минимумом был связан острый демографический кризис, проявившийся в замедлении прироста, а в ряде случаев – и в сокращении численности населения Севера. В Корельском уезде во второй половине XVI в. произошла, по оценке исследователей, демографическая катастрофа. В Задней Кореле в 1571 г. подати платили лишь 6 %, в Передней Кореле – 11,8 % тех, кто делал это ранее. Видимо, остальные – констатируют историки – либо разорились, либо умерли, либо бежали. В Заонежских погостах в 1563–1582 гг. число жителей уменьшилось на 38 %, из 3878 жилых деревень и починок осталось 2290. В этот период в регионе были частым явлением неурожаи, сопровождавшиеся голодом и повышенной смертностью; в частности, неурожаи имели место в 1563, 1573, 1577 и 1579 гг. В начале XVII в. (в 1610-х гг.) в Карелии значительно сократилось количество жителей; обитаемых поселений осталось меньше, чем опустевших. К неурожаем добавилось и воздействие Ливонской и русско-шведских войн, опричнины [21, с. 136–138; 45, с. 83, 108–109;].

П.А.Колесников считал, что хотя Север и не избежал влияния опричнины, все же здесь эти процессы оказали свое разрушительное действие в меньшей степени, чем в других регионах страны [29, с. 356–357]. Следовательно, причины кризисных явлений крылись в другом. Показательной в этом плане является ситуация на тех территориях Севера, которые не были непосредственно затронуты военными действиями. При этом ученые отмечают, что хотя отдаленность севера Карелии в известной мере уберегала его обитателей от разорения и гибели из-за военных действий в период русско-шведских столкновений, однако же и здесь демографическое положение было примерно таким же, как в южных («прифронтовых») районах [21, с. 140].

Очевидно, что раз кризис проявился на всей территории Карелии, а не только в военной зоне, то вызван он был не только бесчинствами войск, но в значительной мере и иными, более глобальными явлениями, а именно неурожаями и голодом.

Показательным является и то, что в далеком от каких бы то ни было военных действий Коми крае демографическая ситуация складывалась тоже не самым лучшим образом. Во второй половине XVI в. сократилась пашня и численность населения в обширной и самой населенной Вычегодской земле. И в конце XVI – начале XVII в. в ряде волостей Коми уменьшилось число жителей. Так, в 1602 г. «много людей государевых померло, потому в Руси голод великий был два лета. Пермяки (т.е. коми – Авт.) многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения», – рассказывает об этих событиях Вычегодско-Вымская летопись [13].

В Вологодской летописи говорится, что в 1601 г. «в ьюле месяце побило мразом всякий хлеб, и бысть глад велик по всей той земли по три лета врьд». Там же сказано, что в 1602 г. «тоже мраз был зело велик и хлеб тоже побило; и от глада же того изомроша много множество людей, инии же тогда ядуще псину и мертвечину и ино скаредне скверно» [9, с.174]. Низкая урожайность была и в 1620 г. [28, с.244]). Большое число пустых дворов в конце XVI – начале XVII в. насчитывалось в Двинском уезде [29, с. 358]. Таким образом, несомненным представляется негативное воздействие климатических изменений на демографические процессы у народов Севера.

В середине 1620-х – середине 1630-х гг. на Севере происходил рост населения, распаивались запустевшие и вовлекались в оборот новые пашни [21, с. 142; 45, с. 127]; в Коми крае осваивались новые «приграничные» районы на Летке и верхней Вычегде [16]. Некоторые исследователи связывают это с более благоприятной для крестьянства налоговой политикой, проводившейся властями [21]. Бесспорно, ослабление налогового бремени сыграло важную роль, однако нельзя не указать на то, что время с середины 20-х до середины 30-х гг. XVII в. было относительно благоприятным (во всяком случае, близким к норме) и для хозяйственного, в первую очередь земледельческого развития из-за временного сокращения экстремальных природных явлений [5, с. 191].

Но во второй половине 1630-х – начале 1640-х гг. новая череда сильнейших неурожаев привела жизнь жителя севера России в полнейшее расстройство. Из-за «хлебной скудости», голода, высокой смертности, бегства населения в более «хлебобородные» регионы заметно сократилась численность коми, причем некоторые районы (Вымская земля, Прилузье) обезлюдели почти наполовину. В Печорском крае в 1638 г., писали очевидцы, «крестьянишка помирают голодной смертью, а питаются рябиновым листом и ... травой» [16]. К 1646 г. уменьшилось население и в Карелии, и в последующие несколько лет этот процесс продолжался. К неурожаям (исследователи отмечают, в частности, неурожайный 1643 г.), голоду, становившемуся привычным самоуправству властей, особенно болезненному в подобное время, вновь добавились военные столкновения [21, с. 133; 27, с. 457–470].

Голодавшее, нищавшее население умирало или вынуждено было уходить из родных мест. Многие мигрировали в Сибирь. Во второй половине 20-х – середине 40-х гг. XVII в. из Коми края в различные регионы ушли более тысячи человек, более 800 из них – в Сибирь (причем это минимальное число, которое удалось установить по весьма неполным источникам), что для коми народа, насчитывавшего в середине XVII в. только 15–16 тыс. чел, было весьма значительной долей [16]. Карелы переселялись в Тверской край и другие районы [21, с. 132; 27, с. 457–470], а некоторые из них попали даже в далекий Коми край [23].

Во второй половине XVII в. в жизни северян, казалось, наметился поворот к лучшему. Число экстремальных природных явлений уменьшилось, народ вздохнул свободнее, стал восстанавливать заброшенные поселения, распаивать пашню, осваивать новые пространства. Исследователи отмечают быстрый рост населения Карелии [21, с. 142]. Стала увеличиваться и численность населения Коми, активизировалось освоение «приграничных» районов, возобновлялись заброшенные ранее пашни (отчасти, как, например, в Прилузье – за счет пришлого населения из соседних районов) [16].

Однако малый ледниковый период весьма скоро и решительно напомнил о себе – сначала в 1660-х гг. В 1661–1662 гг. «на Вологде был хлеб дорогой», сообщает летописец Ивана Слободского [40, с.199]. Об этом же говорится в Вологодской летописи [9, с.179]. В 1663 г. «на Двине и в Поморьях хлеб позяб», в 1664 г. «хлеб почал быть дорог» [47, с.176]. Г.И.Терентьев, земский целовальник Усть-Цильмы и Ижмы, писал в 1661 г. в челобитной: «У нас... хлеб не родитцы, и погибаем хлебною нужею, питаемся борщем (травой – Авт.) и рыбою» [46, с.106]. На «хлебный голод» жаловались пустозерцы и в 1667 г. [37, с.80].

Новая череда напастей пришла на рубеж 1670-х – 80-х гг. – не только неурожай зерновых (имевшие место, в частности, в Коми крае), но и недостаток рыбы даже в богатейшей р. Печоре (напомню, что понижение температуры самым непосредственным и негативным образом влияет на развитие популяции рыб). Очевидец сообщал, что обитатели Печорского края «гладом тают и умирают... и такая нужда в сей стране повсюду на Турье, Ижме, Усть-Цильме и на Пустозерском остроге... Прежде, сказывают, рыбы здесь был достаток, и на

продажу было, а ныне не токмо на продажу, но с самой весны... до сытости сами никто не ел» [16]. О низких урожаях яровой пшеницы в 1681 и 1684 гг. говорится в работе П.А.Колесникова [28, с.244].

Несколько сообщений о неурожаях есть в Вологодской летописи. В 1680 г. «зима была, снеги великие болшие шли по вся дни, а вешняя вода зело велика была и долго стояла, и хлебы озимовые в полях от того снегу выпрели и изгибли». В 1686 г. «зима стояла... и весна с лютыми мразы до Петрова поста. И того лета месяца июня во дни были три инии великие с лютыми мразы, а в Поморской стране и в Каргополе... и в Устюжском, и в Вычегодском, и в Пинежском, и в Мезенском – во всех мразы позябли; а скот, лошади и коровы, с великого гладу помиралы много множество в тех уездах и по волостям, потому что гнилые сена и соломы все поедено без остатка» [9, с. 184, 186].

А особенно тяжелые, даже катастрофические для некоторых народов последствия имел возврат холодов в 1690-е гг. Вологодская летопись повествует: в 1690 г. «весна стояла велми мразна и студена. А скоцкой корм с великою нуждею покупали ценою, а по деревням кормили скотину сосняком, что мают в помелье». В 1692 г. «ражной хлеб противо прежних лет не дородился». В 1695 г. «нача лето быти лютыми и бурьными великими ветры и тучи з дождем великие безъпрестани; и на ржаной цвет по полям была великая поруха, болшими ветры цвет оби, и достальной хлеб, рожь и овес и всякую гобину мразами великими познобило, и всякой хлеб в полях за дождадами и мразы застоялося в суслонех, и во многих местах яровые поля стоят полосы нежаты и снегом запали, по декабря месяца ни жать, ни возить нельзя; и конской корм... везде погнило... А Поморские страны... во всех уездах... хлебы не сыспели и великими мразы побило. И жители тех стран, людие мужеска полу и женьска и с малыми детьми, пошли все на росходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитатися, доколе бог изволит» [9, с.187–190].

В 1696 г. «ржаной хлеб и яровые не дородилися и всякие плоды потому же не дошли, что были августа до первого числа два болшие лютые мразы, а которые яровые не раньше севы, те все позябли». Дороговизна хлеба отмечалась в 1697 г.; кроме того, в том же году «в мае, и в июне, и июле... нача быти на конский скот великой болшей падеж» [9, с.190]. В 1700 г. «в домовоной вотчине архиепископа Вологодского и Белозерского от мороза хлеб вызеб и Сереговский соляной промысел гостя Ивана Панкратьева без денег остановился... От великого глада и от великой денежной скудости многое число... бедных крестьян и вдов и сирот бродят меж дворов и кормятся христовым именем» [36, с. 210–211]. Многие жители Коми края переселились в Сибирь и на Урал: только по данным переписных книг, очень неполным, в конце XVII – начале XVIII в. туда ушли 817 чел. [16].

Э.Ютиккала пишет, что в Финляндии заморозки постоянно портили посева, а самым жестоким оказался неурожай 1696 г., из-за которого четверть или даже треть населения Финляндии погибла от голода и эпидемий, распространявшихся среди обнищавших жителей [63, с. 47]. Неблагоприятные погодные условия 1690-х гг. вызвали неурожаи и голод, разорение, бегство значительной части жителей Карелии. Частыми были неурожаи и в первой четверти XVIII в.; значительная часть пашни запустела [21, с. 142–143; 45, с. 164–165]. В связи с этим вряд ли можно безоговорочно согласиться с мнением карельских историков о том, что именно «политика определяла направленность демографических процессов в Карелии – как в сторону увеличения плотности населения, так и в сторону уменьшения», хотя, безусловно, их вывод о «начальном этапе складывания государственной политики в области демографии», отнесенном к XVII в, чрезвычайно интересен и важен [21, с. 142–143].

В XVIII в., и особенно в последней его трети, историко-демографическое развитие Севера вступило в период постепенной стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал улучшаться, постепенно становиться более мягким, более благоприятным для ведения сельского хозяйства, не стало столь частых и губительных неурожаев, как в предыдущем столетии. Конечно, сильные неурожаи порой еще случались, поскольку малый ледниковый период хотя и шел на убыль, но еще продолжался, в связи с чем климатические условия в Европе отличались значительными колебаниями, временами резко ухудшались, вызывая продолжительные дожди, наводнения, очень морозные зимы, летние заморозки и т.п. Например, проведенный автором анализ смертности населения одного из районов Коми – Прилузья в 1721–1745 гг. показал, что более половины (55,5 %) смертей приходится на семь из этих 25 лет, а именно 1723–1729 гг., когда смертность местного населения существенно превосходила среднюю величину за все 25 лет. А на 1723–1732 гг., т.е. на 10 лет, приходится почти 70 % всех смертей. Данные о бегстве и уходе жителей из Прилузья в 1721–1745 гг. свидетельствуют, что 60,3 % переселений приходится на шесть лет – с 1724 по 1729 г. В этот период Россия пережила несколько тяжелых голодных лет (1723–1727, 1729 гг.), недороды следовали один за другим, повысились цены на хлеб [4; 5, с. 353–356; 15; 24]. Неурожайными и голодными были 1739–1741 гг. [4, с. 146, 147; 5, с. 359–360; 28]. По подсчетам В.М.Кабузана, в 1719–1744 гг. среднегодовой прирост населения в Архангельской и Вологодской губерниях был наименьшим в XVIII в. – 0,07 % (в 1744–1762 гг. – 0,56 %) [23, с. 85].

Особо опасные группировки экстремальных природных явлений пришлись на 1766–1767 и 1781 гг. [4]. Следствием названных, так сказать, рецидивов климатического минимума стало резкое замедление или

прекращение прироста населения и даже снижение численности жителей в северо-западных районах Коми в 1763–1782 гг. [15]. В то же время в целом по Вологодской и Архангельской губерниям среднегодовой прирост населения в 1762–1782 гг. был выше, чем в предшествовавший период (0,72 %), а вот в последующие годы (1782–1795) среднегодовой прирост снизился вдвое (0,36 %). В целом темпы прироста населения Архангельской и Вологодской губерний, пишет В.М.Кабузан, в XVIII в. были «весьма невысокие», «население этого окраинного малоплодородного района с холодным климатом увеличивалось медленно». Сказывался на замедленном росте населения и «отток населения в Сибирь и территории будущих Вятской и Пермской губерний» [23, с. 85, 86]. Вместе с тем в XVIII в. постепенно увеличивалась заселенная территория, возникали новые поселения – главным образом, на берегах рек и других водоемов, но во второй половине столетия активнее пошел и процесс заселения водоразделов (в частности, водораздела Двины и Волги «в районе Вохомской волости», о чем пишет И.В.Власова [8, с. 115–116]).

Однако вслед за тем, как климат постепенно становился более теплым и благоприятным для сельского хозяйства, все более позитивно развивались и демографические процессы (особенно в XIX в.). В первой половине XIX в., отмечает В.М.Кабузан, Северный район «почти не подвергался... губительному влиянию неурожая и эпидемий»: в этот период «неурожай в районе отмечался лишь в 1835–1837 гг. (морозы по Архангельской губернии, погубившие посевы) и в 1845 г. (по Вологодской губернии)». «Эпидемия холеры 1830 г. вообще не затронула этот район. В 1848 г. число жертв по Вологодской и Архангельской губерниям составило всего 2627 чел. (1049 – в Архангельской и 1578 – в Вологодской губерниях). Это число незначительно по сравнению с численностью жертв сильно пострадавших губерний», где погибшие исчислялись десятками тысяч. В результате темпы роста населения Архангельской и Вологодской губерний в XIX в. повысились по сравнению с XVIII в., а с VIII ревизии 1833 г. превысили среднегодовой прирост по России (при этом численность населения Вологодской губернии росла быстрее, чем численность населения Архангельской). Причем это происходило именно за счет естественного прироста (которые здесь «был несколько выше, чем в соседних районах»), а не за счет миграционной прибыли. В.М.Кабузан отмечает, что «Северный район в I пол. XIX в. не принимал сколько-нибудь серьезного участия в переселенческом движении населения»: с 1815 по 1830 г., согласно данным VII ревизии, в Архангельскую и Вологодскую губернии переселились 998 чел. мужского пола (из них в Вологодскую губернию – 916), в 1826–1842 гг. (по данным VIII ревизии) – 779 чел. мужского пола (из них в Вологодскую губернию – 679). Отток населения из этих губерний был несколько выше, но тоже невелик: 1342 чел. мужского пола (из них из Вологодской губернии – 1170) – в 1815–1830 гг., 2399 (из них из Вологодской губернии – 2156) – в 1826–1842 гг. Разумеется, эти данные касаются зарегистрированных переселений, но, как считает В.М.Кабузан, «должны отражать и в несколько ослабленном виде отражают общую тенденцию» миграций, включая и незарегистрированные. «Каков бы ни был размер «диких» переселений, беглецы, как правило, обнаруживались и возвращались на прежние места жительства или получали право жить на новых местах» [23, с. 85–88]. Активнее пошли внутренние миграции, освоение новых земель, в частности, водоразделов. И.В.Власова пишет, например, что «хотя по-прежнему население занимало речные бассейны, стало заметнее его продвижение на водоразделы между волжскими реками Вочей, Пыщугом, Юзой, Кемой и двинским притоком Югом» в первой половине XIX в., а во второй половине столетия к осваивавшимся водоразделам «добавился еще водораздел ветлужского притока Моломы и двинских Юга и Пушмы» [8, с. 118, 119].

В пределах Карелии население возросло со 120,9 тыс. в 1795 г. до, по одним данным, 167,2 тыс. чел. в 1857 гг., по другим – до 190 тыс. в 1863 г., а в 1897 г. составило 215 тыс. чел. В Коми крае в 1795 г. проживало 58–59 тыс. чел., а в 1858–1860 гг. – около 110 тыс., в 1897 г. – около 142 тыс. коми и 14–16 тыс. русских. Более теплый период способствовал усилению миграционной активности ижемских коми, их переселениям их в крайние северные и северо-восточные районы Коми края, в нижнее Приобье и даже на Кольский полуостров [15; 18; 21, с. 207, 258; 25]. Э.Ютиккала пишет, что в сопоставимых географических пределах население Финляндии в 1720 г. составляло примерно 400 тыс., а в 1865 г. – 1850 тыс. чел. Прирост населения почти полностью шел за счет сельской местности. Именно тогда была введена в оборот большая часть земель, возделываемых и сегодня... К концу периода почти не оставалось незаселенных пустошей, за исключением Лапландии и северо-восточных приграничных районов [63, с. 51].

В XX в. влияние естественных условий на демографические процессы заметно ослабло. Примерно до начала 1950-х гг. определяющее значение играли политические факторы. Затем влияние политических факторов на демографическое развитие региона уменьшилось, а роль социально-экономических факторов, наоборот, возросла. Однако при планировании социально-экономического и демографического развития Европейского Севера не учитывались в надлежащей мере естественные условия региона (особенно его северных районов); нередко гораздо большую роль в составлении и осуществлении этих планов играли чисто политические причины.

Источники и литература

1. Археология Республики Коми. – М., 1997.
2. Большая советская энциклопедия. – М., 1978. – Т. 29, 30.
3. Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. – М., 1982.
4. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. – Л., 1983.
5. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. – М., 1988.
6. Буров Г.М. Вычегодский край. – М., 1965.
7. Вереш П. Проблема определения финно-угорской прародины в свете новых данных // Ранние этапы этнической истории и современный физический облик финно-угров. – М., 2001.
8. Власова И.В. Материалы переписей населения XVIII – первой четверти XX в. как источник для изучения сельского расселения // Материалы по истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С. 109–122.
9. Вологодская летопись // ПСРЛ, 1982. – Л. – Т. 37. – С. 160–193.
10. Вяри Э. Ливы и ливский язык // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995.
11. Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муромы // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
12. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Л., 1990.
13. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. – С. 241–271.
13. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М., 1970.
14. Жеребцов И.Л. К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. – Сыктывкар, 2004. – Вып. 1. – С. 5–43.
15. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. – Сыктывкар, 1998.
16. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. – Екатеринбург, 1996.
17. Жеребцов И.Л. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Этническая история. Формирование территориально-племенных и этнографических групп в XIV–XVI вв. и освоение новых территорий // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М., 2000. – С. 19–28.
18. Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. – Сыктывкар, 1996.
19. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М., 1982.
20. Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. – Сыктывкар, 1974.
21. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск, 2001.
22. История Урала с древнейших времён до 1861 г. – М., 1989.
23. Кабузан В.М. Движение населения Сеевского района (Архангельской и Вологодской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С. 84–89.
24. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. – М., 1990.
25. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. – М., 1992.
26. Кахк Ю., Сийливаск К. История Эстонской ССР. Популярный очерк. – Таллинн, 1987.
27. Киркинен Х. Рождение Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995.
28. Колесников П.А. Динамика посевов и урожайности на землях Вологодской губернии в XVII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (1964). – Кишинев, 1968.
29. Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С. 353–374.
30. Колесников П.А. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970.
31. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. – Вологда, 1976.
32. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. – М., 1983.
33. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. – М., 2002.
34. Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. – Екатеринбург, 1997.
35. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. – М., 1991.
36. Лашук Л.П. Формирование народности коми. – М., 1972.
37. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. – Сыктывкар, 1958.
38. Леонтьев А.Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
39. Лескинен Х. Заселение и демография Ингерманландии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995.
40. Летописец Ивана Слободского // ПСРЛ, 1982. – Л. – Т. 37. – С. 194–205.
41. Лыткин В.И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 48–69.
42. Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. – Сыктывкар, 1984.
43. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. – Ижевск, 1997.
44. Нефедов С.А. Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества. – Екатеринбург, 1999.
45. Очерки истории Карелии. – Петрозаводск, 1957. – Т. 1.

46. Очерки по истории Коми АССР. – Сыктывкар, 1955. – Т. 1.
47. Полное собрание русских летописей. – Л., 1977. – Т. 33.
48. Рябинин Е.А. Мещера // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
49. Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. – М., 1971.
50. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л., 1987.
51. Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. – М., 1995.
52. Савельева Э.А., Королев К.С., Истомина Т.В. Коми // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.
53. Савельева Э.А. Уральские народы // Атлас Республики Коми. – М., 2001.
54. Савельева Э.А. Архаичные общества на территории Коми края // История Коми с древнейших времен. – Сыктывкар, 2001. – Т. 1. – С. 15–61.
55. Савельева Э.А., Королев К.С. Древние рукописи о перми вычегодской. – Сыктывкар, 1997.
56. Серебренников Б.А. Историко-лингвистические заметки // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1962. – Вып. 7.
57. Устюжский летописец // Полное собрание русских летописей. – Л., 1982. – Т. 37. – С. 104–125.
58. Хайду П. Уральские языки и народы. – М., 1985.
59. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.
60. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. – Л., 1976.
61. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М., 1977.
62. Этническая история народов Севера. – М., 1982.
63. Ютиккала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995.
64. Ярв А. История Эстонии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. – Ювяскюля, 1995.

Типология семьи в Древней Руси

Эволюция общественных отношений приводила и к изменениям форм семейной организации, появлению новых ее типов. В зарубежной исторической демографии общепринятой является типология семьи, предложенная П. Ласлеттом: 1) простое семейное хозяйство или нуклеарная семья, в общем случае состоящая из родителей и их неженатых детей; 2) расширенное семейное хозяйство, состоящее из супружеской нуклеарной семьи и родственников, связанных с ней прямой родственной связью; и, наконец, 3) сложное семейное хозяйство представляющее объединение нескольких супружеских семей породненных кровно или союзом. Главным признаком такого сложного семейного хозяйства является наличие внутри него «сателлитной» семьи, не включающей главу домохозяйства [1].

В отечественной литературе вопрос о типологии древнерусской семьи, в силу различных подходов к интерпретации существующих источников, до сих пор относится к разряду дискуссионных.

Б.Н. Миронов в своих работах по социальной истории России использует следующую типологию семьи: 1) семья, состоящая из одного человека, 2) группа родственников или неродственников, не образующих семьи, но ведущих общее хозяйство, 3) простая малая (нуклеарная) семья объединяющая супругов и их неженатых детей, 4) расширенная семья представляющая собой супружескую пару с детьми и родственниками не находящимися друг с другом в брачных отношениях, 5) составная семья (две или более супружеские пары) к которой относятся большие патриархальные семьи (отцовские или братские), включающие несколько поколений одного предка образующие 3-5 или более супружеских пар, объединяющих 15, 20, 30 и более человек [2].

С юридической точки зрения семьей принято называть сложный союз супругов между собой и родителей с детьми. Для существования семьи в правовом смысле достаточен один из двух союзов: мужа и жены, не имеющих детей, а также одного из родителей вместе с детьми [3]. Однако в древнерусском обществе необходимо было наличие обоих союзов одновременно: союза супругов и союза родителей с детьми. Семья, не имеющая детей, не выполняла свою важнейшую функцию – репродуктивную, поэтому бесплодие служило причиной расторжения брака [4]. Экстраполируя типологию семьи на Древнюю Русь IX–XIII столетий, предлагаемую Б.Н. Мироновым, на наш взгляд, следует исключить первые ее два варианта как не отвечающие критериям семейного союза в Древней Руси.

М.Б. Свердлов и В.А. Александров выделили три типа семьи, существовавшие в Древней Руси в разные исторические периоды: патриархальная, малая и неразделенная. По их мнению, «патриархальная семья под воздействием экономических факторов, в первую очередь хозяйственных успехов, распадается на малые семьи, состоящие из родителей и их неженатых детей. Но неблагоприятные внешние условия вынуждали малые семьи вновь объединяться на некоторое непродолжительное время» [5].

О существовании у восточных славян в период господства родоплеменных отношений (VI–IX вв.) большой патриархальной семьи, именуемой словом «род», свидетельствует «Повесть временных лет»: «Подем же жившемъ особе и владеющемъ роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ местехъ, владеющее каждо родомъ своимъ» [6]. Я.Н. Щапов полагал, что род являлся самостоятельной хозяйственной единицей, объединяющей три поколения: родителей, их женатых сыновей и внуков. Он выполнял различные производственные и административные функции, а также защищал своих членов в случае столкновений с другими подобными брачно-родственными коллективами [7]. Вряд ли будет ошибкой предположить, что род объединял не только прямых нисходящих, но и боковых родственников.

Однако, утверждает Я.Н. Щапов, уже к IX в., в начальный период существования Древнерусского государства, большие патриархальные «роды» начали распадаться на малые семьи, состоящие из супругов и их неженатых детей, живущих в отдельном небольшом жилище и ведущих свое хозяйство. Подобные изменения могли быть связаны с расширением процесса колонизации славянами Восточноевропейской равнины, что привело к смешению представителей различных микроплемен и родовых общин местных славянских племен [8].

Большую роль в распаде большой семьи и укреплении социального и экономического значения семьи малой сыграли серьезные изменения в производственной сфере. В VI–VII вв. при наличии подсечной системы земледелия и использовании архаичных орудий труда для обеспечения жизнедеятельности сравнительно небольшого брачно-родственного коллектива необходимо было затратить значительное количество труда, превышающее возможности одного-двух работников. Но в последних веках первого тысячелетия, по

* Омелянчук Светлана Владимировна (Владимир) – ассистент кафедры культурологии Владимирского государственного университета. E-mail: Omeliyanchuk@mail.ru

мнению В.В. Седова, подсечное земледелие уступило место требовавшему гораздо меньших трудовых затрат перелогу, о чем свидетельствует «возделывание славянами в лесной зоне как злаковых и зернобобовых, так и волокнистых растений, что возможно лишь при наличии полевого пашенного земледелия» [9]. Кроме того, в VIII–X вв. с развитием сельскохозяйственных орудий, в частности, с распространением железных наральников, улучшением конструкции серпов, появлением новых ремесел и промыслов, значительно повысилась производительность труда, а соответственно и рентабельность небольшого хозяйства. Это привело к укреплению экономической самостоятельности малой семьи и распаду хозяйственных связей больших семейных коллективов [10].

Данные археологии не дают однозначного ответа о типе семьи, доминировавшей в Древней Руси. Так, на территории исследованного И.И. Ляпушкиным Новотроицкого городища (Сумская обл.), существовавшего с конца VIII до начала X в., были найдены остатки хозяйственных ячеек, состоящих из отдельных небольших жилых построек и прилегающих к ним таких же небольших хозяйственных сооружений (погребов, кладовых и т.п.), сопровождаемых хозяйственным и бытовым инвентарем. Среди полсотни жилищно-хозяйственных комплексов, отмечал И.И. Ляпушкин, нет ни одного, который можно было бы связать с жизнью общества, ведущего свое хозяйство на коллективных началах (размер жилища всего 15–20 кв. м), а постройки хозяйственного назначения, погреба и кладовые совсем миниатюрные. Эти комплексы, считал исследователь, могли принадлежать только малым семьям, что, однако, ни в какой мере не исключает, а чаще всего предполагает наличие между некоторыми из этих семей близкого кровного родства [11]. Найденные же в слоях X–XIII вв. в Новгороде, Киеве, Любече, Минске, Новогрудке и других городах большие по размерам постройки, по мнению М.Ю. Рапова, являлись хоронами феодалов, а не жилищами больших патриархальных семей [12].

В то же время, И.Я. Фроянов считает, что «такое осмысление археологических памятников... представляется формальным, потому что незначительные размеры жилых строений никоим образом не значат, что в них должны размещаться только самостоятельные малые семьи», приводя пример небольших по размеру трипольских полуземлянок эпохи энеолита, или жилищ Зарубинецкой культуры, когда малой семье не могло быть в принципе. По его мнению, «обособление малой семьи совершается сперва по линии потребления, тогда ни маленькие полуземлянки с очагами, ни сопутствующие им хозяйственные ямы не предопределяют исключительности каких-либо выводов, напротив, они дают равные основания для заключений, как о большой семье, так и о малой» [13].

В.В. Седов также считает, что использование «для определения уровня общественных отношений у восточных славян размеры и типы жилых и общественных сооружений» непродуктивно. По его мнению, «крупные дома в нижних горизонтах культурных напластований в Старой Ладоге или связанная переходами, как это одно время представлялось, система жилищ на роменско-боршевских поселениях рассматривались как признак существования у восточных славян патриархальной семейной общины. Однако сами по себе размеры жилищ не могут определять характер обитавших в них семей, к тому же предположение о связанных между собой роменских жилищах оказалось ошибочным, а старолadoжские большие дома отражают этнографические, а не социальные особенности их обитателей» [14].

Данные этнографии XVII–XIX вв., свидетельствующие о существовании в России в этот период большой семьи, также нельзя просто экстраполировать на ранее русское средневековье. Я.Н. Щапов обращает внимание на ошибочность попытки использования сведений о формах семьи XVII–XIX вв. для анализа этого социального института в более ранние периоды, так как феодальный строй и государственная власть оказали значительное влияние на его развитие [15]. На наш взгляд прогрессирующее малоземелье, крепостное право и увеличение феодальных повинностей (в особенности барщина) послужили причиной «ренессанса» большой семьи и исчезновения малой в XVII–XIX столетиях.

Таким образом, разрешить вопрос о типологии древнерусской семьи можно только комплексным сопоставлением источников как археологических, так и письменных, причем последние в этой ситуации приобретают особое значение.

Археологические доказательства существования малой семьи в Древней Руси приведены В.В. Седовым, исследовавшим особенности погребальных сооружений древних славян. По его мнению, такие коллективные погребальные насыпи, как сопки в Приильменьи и длинные курганы в кривичском ареале, «могли принадлежать только большой патриархальной семье – крупному брачно-родственному коллективу, ведшему в сложных условиях лесной зоны Восточной Европы (освоение новых земель, очистка от леса пахотных участков и т.п.) общее хозяйство». Однако, указывает В.В. Седов, в третьей четверти I тысячелетия н.э. уже начался переход от семейной общины к территориальной, и если в VI–VII вв. «сохранились еще такие крупные патриархальные семейные коллективы» (о чем свидетельствуют курганы с большим числом захоронений, и гнездовой характер расположения поселений), то уже в VIII–IX вв. «на смену коллективным погребальным

усыпальницам всюду приходят небольшие по размерам курганы с индивидуальными (семейными) захоронениями». Следов же «большой патриархальной общины мы уже не обнаружим» [16].

О существовании малых семей в период становления Древнерусского государства свидетельствует упоминание таких хозяйственных единиц, как «дым» и «рало», о которых идет речь в «Повести временных лет» в связи с выплатой дани хазарам: «а Козаре имахуть на Полянехъ, и на Северехъ, и на Вятчихъ, имяху по беле и веверице тако отъ дыма»; «И идее [князь Святослав Игоревич] на Оку реку и на Волгу, и налезе на Вятичи, и рече имъ: «кому дань даете?» Они же ркоша: «Козаромъ по щелягу отъ рала даемъ»» [17].

По мнению ряда исследователей, термин «дым» необходимо отождествлять с такими понятиями как «дом» или «двор» и относить его к индивидуальному хозяйству мелкого собственника [18]. Кроме того, как писал Я.Н. Щапов, «белая (серая) белка (или диржем и белка, что менее вероятно) – это ценность, которую действительно могло уплатить малое хозяйство в течение года» [19]. Что касается выплаты дани «от рала», то, по его мнению, этот производственный термин обозначает хозяйство с одним работником, то есть малую семью [20].

Существование малой семьи на Руси уже в X в. подтверждает и фиксируемый в русско-византийском договоре от 911 г. принцип наследования: «Аще кто умреть не урядив своего имени, ци и своих не имать, да възратитъ имение к малым ближникам в Русь» [21]. То есть после смерти дружинника, находящегося на службе в Византии («работающих в Грецах Руси у хрестьяньскаго цесаря»), при отсутствии завещания его имущество возвращалось на Русь не всему роду, а «малым ближникам», под которыми, вероятно, следует понимать ближайших родственников – братьев, сыновей, дочерей.

Позднее Русская Правда в своей Пространной редакции окончательно закрепила принцип наследования, характерный именно для малой семьи. Статьи 90-92 и 103 этого кодекса содержат нормы, согласно которым имущество после смерти родителей, независимо от наличия завещания, распределялось только между детьми умерших. При этом родительский дом, который в патриархальных семьях был собственностью всех членов семьи, переходил во владение младшего сына (ст. 100) [22].

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники позволяют говорить о распространении малой семьи в различных слоях населения Древней Руси как свободного, так и зависимого.

Так, например, ст. 7 Пространной редакции Русской Правды относит к семье преступника, являвшегося членом общины, только жену и детей: «Будеть ли стал на разбои без всякоя свады... выдать и с женою и с детьми на поток и на разграбление» [23]. Аналогичный перечень членов семьи смерда содержится в «Повести временных лет»: «А сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смерд, и приехав половчин ударить и стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав имать жену его, и дети его, и все его имянье» [24]. Согласно ст. 121 Русской Правды такой же состав семьи был и у холопа: «Аже холоп крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и, с кимъ будетъ крал, а жене и детям не надобе...» [25].

О распространении в Древней Руси малой семьи свидетельствуют, по мнению М.Б. Свердлова, многие нормы гражданского, уголовного и процессуального права, содержащиеся в Русской Правде. В статьях об оскорблениях, нанесении травм и нарушениях права собственности последовательно проводился принцип именно индивидуальной, а не семейной или родовой ответственности. Взаимопомощь родственников, большесемейных и родовых коллективов в денежных и имущественных делах, а также в отношениях господина и зависимых от него челядина, холопа и закупа также не предусматривалась [26].

Только перечень лиц, допускаемых к реализации права кровной мести, к которым согласно ст. 1 Краткой и Пространной редакций Русской Правды относились брат, сын, отец, племянник по брату и сестре [27], представлял собой группу родственников, охватывающую три поколения и восходящую к большой семье. Но эта норма ко времени составления Русской Правды являлась явным пережитком, сохранившимся со времен родоплеменного строя, и была отменена Ярославичами [28].

В письменных источниках находит подтверждение и существование в Древней Руси расширенной семьи (по типологии Б.Н. Миронова), состоящей из одной семейной пары, детей, и не связанных друг с другом брачными отношениями родственников. Так в ст. 9 Церковного Устава князя Владимира среди дел, отнесенных к компетенции церковного суда, перечислены семейные споры, а именно: «промежи мужем и женою о животе... или сын отца бьетъ, или мать, или дчи, или съноха свекровь...» [29]. Таким образом, Устав рисует нам семью, состоящую из родителей, их детей и родственников, в данном случае свекрови. Эту семью нельзя отнести к типу большой или неразделенной, так как в ней имеется только одна супружеская пара. Что же касается упоминания свекрови, то здесь, скорее всего, речь идет о пожилой вдове, доживающей свой век в семье сына, так как при жизни свекра, являвшегося главой семьи, невестка вряд ли могла позволить себе подобные действия. Статья 103 Пространной редакции Русской Правды также упоминает расширенную семью, состоящую из малой семьи и проживающей с ними матери одного из супругов. Согласно этой статье материнское имущество наследовал тот, «у кого будетъ на дворе была и кто ю кормил» [30].

Исходя из этих источников можно предположить, что длительность существования конкретной расширенной семьи в Древней Руси не была продолжительной и со временем она, в результате смерти старшего поколения родственников, естественным путем (не разделением) превращалась в малую.

Но говорить о полном исчезновении большой семьи в период с IX по XII в. нет оснований. Целый ряд историков и археологов (Б.Д. Греков, Я.Н. Щапов, В.В. Седов) настаивают на том, что в Древней Руси продолжительное время одновременно существовало два типа семьи: большая и малая. Но основной хозяйственной единицей являлась последняя. Большая семья утратила производственный характер, не жила одним домом и одним хозяйством, но сохранила определенную идеологическую и управленческо-правовую общность: члены ее имели наследственные права, традиционно обладали обязанностью и правом кровной мести [31].

Я.Н. Щапов и М.Б. Свердлов также указывали, что малая семья часто не могла противостоять трудностям, возникавшим в результате переселения в местности с неблагоприятными природными условиями, связанными с суровым климатом, необходимостью осваивать лес под пашню и т.д. Она была менее стойкой в столкновениях с более зажиточными и сильными семьями, а также с властью формировавшегося феодального государства, облагавшего население даями, судебными штрафами и различными пошлинами. Подобные негативные факторы тормозили процесс выделения новых малых семей, и приводили к возрождению большесемейных коллективов. Однако подобные процессы носили временный характер. Как только условия становились более благоприятными, большие семьи с легкостью распадались [32].

Таким образом, в Древней Руси существовало четыре типа семьи: 1) большая (или патриархальная), восходящая к родоплеменному строю, 2) малая, 3) неразделенная, регенерирующаяся на основе малой в кризисной ситуации (неурожай, засуха и т.п.) на непродолжительное время, и 4) расширенная, имевшая меньшее распространение и возникавшая в результате объединения полноценной малой семьи и отдельных родственников из распавшейся другой семьи.

Источники и литература

1. Ласлетт П. Семья и домохозяйство : исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. / Под ред. А.Г. Вишневского, И. С. Кона. – М., 1979. – С. 137–138.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 220.
3. Нижник Н.С. Регулирование брачно-семейных отношений на Руси в условиях язычества // История государства и права. – 2003. – № 2. – С. 31.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – Киев, 1915. – С. 411.
5. Свердлов М. Б. Семья и община в Древней Руси // История СССР. – 1981. – № 3. – С. 105.
6. Повесть временных лет. По Лаврентьевскому списку / Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.; Л., 1950. – Ч. 1. – С. 12.
7. Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. – 1970. – № 10. – С. 216.
8. Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России / Сост. В.В. Пронина. – М., 1975. – С. 15.
9. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982. – С. 237.
10. Щапов Я. Н. Большая и малая семья на Руси в VIII–XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев 1969 г. – Киев, 1972. – С. 180.
11. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. – М.; Л., 1958. – С. 224.
12. Рапов М. Ю. Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? // Советская этнография. – 1969. – № 3. – С. 112.
13. Фроянов И. Я. Семья и вервь Киевской Руси (по поводу статьи Ю.М. Рапова) // Советская этнография. – 1972. – № 3. – С. 92, 93.
14. Седов В. В. Указ. соч. – С. 243.
15. Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси. – С. 14.
16. Седов В. В. Указ. соч. – С. 243–244.
17. Повесть временных лет. – С. 46.
18. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. – С. 224 ; Рапов М. Ю. Указ. соч. – С. 111–112; Свердлов М. Б. Указ. соч. – С. 101–102.
19. Щапов Я. Н. Большая и малая семья на Руси в VIII–XIII вв. – С. 183.
20. Там же. – С. 184.
21. Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин. – М., 1952. – Вып. 1: Памятники русского права Киевского государства X–XII вв. – С. 9.
22. Правда Русская / Под ред. Б. Грекова. – М.; Л., 1947. – Т. 2: Комментарии. – С. 610, 626, 633, 645, 665, 677, 681.
23. Там же. – С. 291.
24. Повесть временных лет. – С. 183.
25. Правда Русская. – С. 742.
26. Свердлов М. Б. Указ. соч. – С. 103–104.
27. Правда Русская. – С. 15, 241.
28. Там же. – С. 245.

29. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Отв. ред. В.Л. Янин. – М., 1984. – Т. 1: Законодательство древней Руси. – С. 149.
30. Правда Русская. – С. 677.
31. Греков Б. Д. Киевская Русь. – М., 1949. – С. 91; Щапов Я. Н. Большая и малая семья на Руси в VIII–XIII вв. – С. 192; Седов В. В. Указ. соч. – С. 244.
32. Щапов Я. Н. Большая и малая семья на Руси в VIII–XIII вв. – С. 180–181.

**Структура семей приходских священников второй половины XVIII в.:
попытка реконструкции по материалам исповедных росписей села Приходьки
Пирятинской Протопопии Киевской Епархии**

Изучение традиционного общества Левобережной Украины XVIII в. невозможно без рассмотрения одного из основополагающих его институтов – семьи. Следует отметить, что эта структура, при всей своей стабильности, подвержена изменениям под воздействием естественных, экономических, культурных и других факторов. Такие модификации характерны как для общества в целом, так и для отдельных его составляющих. Очевидно, что без рассмотрения ситуации в каждой конкретной группе социума наши общие представления об этом институте будут неполными. Особый интерес в этом плане представляет среда приходского духовенства. Это объясняется прежде всего тем, что в исследуемый период именно представители этой группы осуществляли контроль за функционированием данного института.

Первые попытки изучения данной проблемы были предприняты еще в конце XIX в. В частности, историки церкви П. Знаменский и Е. Крыжановский исследовали юридические и моральные аспекты функционирования института семьи в среде духовенства [1]. Впрочем, дальнейшего развития эта тема не получила. На протяжении всего советского периода, в связи с антирелигиозной политикой властей, изыскания связанные с церковью и религией носили исключительно идеологический характер. В последние десятилетия в связи с распространением антропологического подхода при изучении социальной истории появился ряд новых работ, возродивших интерес к проблематике семьи и брака в раннемодерном социуме. В них авторы пытаются рассмотреть семью с использованием современных историографических методик. Среди работ, написанных в этом ключе на материалах Левобережной Украины, следует отметить исследования Ю. Волошина и А. Сакала [2].

Естественно, что использование современных исследовательских практик невозможно без расширения источниковой базы. Это представляется возможным, прежде всего, за счет более широкого использования учетных материалов церковного происхождения, хранящих в себе уникальную информацию о конкретных людях ушедших эпох. В этом контексте особенно важное место занимают исповедные росписи. Здесь следует заметить, что исповедные росписи, равно как и метрические книги, использовались исследователями и раньше, правда, преимущественно для получения статистических данных демографического характера.

Исповедные росписи (ведомости) – это церковные книги, в которых фиксировалась информация о посещениях прихожанами исповеди и причастия. Введенные в начале XVIII в. для контроля над моральностью прихожан выявления старообрядцев и сектантов, они уже в конце 30-х гг. стали обыденным явлением общественной жизни. В соответствии с указом 1737 г., который окончательно регламентировал ведение исповедных росписей, запись прихожан в них должна была проводиться посемейно, включая новорожденных и стариков. Поскольку сведения в росписях должны были обновляться ежегодно, то источник можно считать вполне репрезентативным для исследования структуры семьи. Следует также обратить внимание на тот факт, что именно приходские священники отвечали за ведение данных документов, а стало быть, информация об их семьях представлена в них наиболее полно. Исходя из вышеизложенного, попытаемся:

- проанализировать возможности использования исповедных росписей для исследования института семьи в среде приходского духовенства;
- реконструировать историю семей священников;
- проследить за изменениями в структуре этих семей.

Основным источником нашего исследования послужат исповедные росписи прихода церкви Покровы Пресвятой Богородицы села Приходьки Пирятинской протопопии Киевской епархии. Выбор источника обусловлен наличием в нем хронологического ряда охватывающего период с 1758 по 1797 г. На сегодняшний день они хранятся в 801-м фонде Государственного архива Полтавской области. При анализе структуры семей мы воспользуемся классификацией семейных структур, предложенных британским исследователем П. Ласлеттом. Он выделил три основных типа семьи: простая, расширенная и сложная. Простая семья (нуклеарная) состоит из одной брачной пары с детьми или без них, расширенная – из брачной пары и родственников, не составляющих при этом брачных пар, сложная (мультифокальная) объединяет несколько простых семей [3].

* Дмитренко Виталий Анатольевич (Украина, Полтава) – аспирант кафедры истории Украины Полтавского государственного педагогического университета им. В. Г. Короленко.

Исповедная роспись 1758 г. фиксирует священником Покровской церкви Ивана Павловича Криницкого. Его семья состояла из жены, Марии Ивановны и двух сыновей: старшего Василия и младшего Льва [4]. Таким образом, перед нами образец простого типа семьи. Уже через десять лет ситуация меняется. Священником становится младший сын – Лев Иванович Криницкий. Его семья состоит из жены Феодосии Петровны и дочери Марии. Вместе с ними проживает и его мать, вдова Мария Криницкая. Старший сын, Василий Криницкий, проживает отдельно вместе со своей семьей. Он записан в росписи как значковой товарищ Лубенского казачьего полка [5]. В этом случае мы имеем дело с семьей расширенного типа. Таковой она продолжает оставаться и в дальнейшем. Мы наблюдаем лишь увеличение ее членов за счет рождения новых детей. Их в семье Льва Криницкого на 1789 г. было шестеро: трое сыновей и три дочери [6].

После смерти Льва Криницкого, в 1789 г., в приход назначают нового священника – Павла Андреевича Маценко-Петраковского. На момент назначения он был выпускником Киевской Академии. По требованию своих прихожан он взял в жены старшую дочь покойного священника – Марию Львовну. В его же семье проживала и вдова Феодосия Криницкая вместе с пятью остальными детьми [7]. Таким образом, семья священника продолжала оставаться расширенной. Ситуация изменяется к 1795 г., когда женится старший сын покойного священника – Николай Львович Криницкий. Он вместе с женой и сыном продолжал проживать в доме зятя вместе со своими неженатыми братьями и мамой. То есть в данном случае структура семьи приобретает сложный, мультифокальный характер. Подводя итоги, можем констатировать наличие процесса превращения простой по своей структуре семьи в сложную. Следует отметить, что разыскания других исследователей за этот период фиксируют аналогичные результаты [8].

Используя данные исповедных росписей, мы попробуем определить средний брачный возраст среди приходских священников. Для этой цели от возраста родителей отнимаем возраст старшего ребенка и один год. Например, священнику Ивану Криницкому на 1758 год было пятьдесят четыре года, его жене – пятьдесят три, а их старшему сыну – двадцать шесть. Стало быть, Ивану Криницкому на момент женитьбы было двадцать семь, а его жене – двадцать шесть. Аналогичные подсчеты позволяют утверждать, что Лев Криницкий женился в тридцать лет, его жене исполнился двадцать один год. Его приемнику, Павлу Маценко-Петраковскому, на момент женитьбы исполнилось тридцать, а его жене – двадцать два года. Таким образом, проведенные исследования позволяют зафиксировать возрастание брачного возраста в среде приходского духовенства. Такой процесс, очевидно, можно объяснить ужесточением требований к уровню образования будущего душпаствыря. В таких условиях речь о женитьбе могла идти только по окончании учебы и получению прихода.

В связи с этим следует обратить внимание еще на одну особенность заключения браков в среде приходских священников. Довольно часто вновь прибывший священник женился на дочери своего предшественника. В этом контексте случай с Павлом Маценко-Петраковским выглядит скорее как закономерность, чем исключение. Очевидно, таким образом решался вопрос материального обеспечения вдовы и ее детей. А, возможно, обеспечивалась должная преемственность в управлении приходом. В то же время дочерей священников выдавали замуж не только за представителей своей группы. Довольно значительным был процент браков с представителями казачества. Примером могут послужить судьбы дочерей Льва Криницкого – Феоктисты и Ирины [9]. В данном случае на первое место выходили материальные соображения, стремления обеспечить своим детям кусок хлеба. Данный факт может свидетельствовать и об отсутствии сословной замкнутости в среде духовенства, а также о тесной взаимосвязи и зависимости священников от своих прихожан.

Подытоживая вышеизложенное, можем сделать следующие выводы: во-первых, исповедные ведомости могут служить важным источником для изучения института семьи и брака в среде приходского духовенства; во-вторых, проведенное исследование подтвердило тезис о преобладании в раннемодерном социуме Левобережной Украины расширенных и сложных типов семейных структур; в-третьих, данное исследование подтверждает тезис об отсутствии сословной замкнутости в среде приходского духовенства и о тесной взаимосвязи его со своими прихожанами; в-четвертых, полученные результаты позволяют говорить о зависимости между степенью образования и возрастом вступления в брак в среде духовенства.

Источники и литература

1. Знаменский П. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. – Казань, 1873. Крыжановский Е. Очерки быта южнорусского сельского духовенства в XVIII веке – К., 1890. – Т. I.
2. Волошин Ю. Структура сім'ї в поселеннях росіян-старообрядців Малоросії XVIII ст. (на прикладі слободи Демянки Топальської сотні Стародубського полку) // Исторична пам'ять. – 2005. – № 1-2. – С. 64–83. Сакало О. Домогосподарство сільського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст.: деякі історико-демографічні аспекти (на прикладі села Ведмеже Роменської сотні Лубенського полку) // Красзнавство. – 2008. – № 1-4. – С. 168–174.
3. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. – М.: Статистика, 1979. – С. 132–157.
4. Государственный архив Полтавской области (далее ГАПО). Ф. 801. Оп. 1. Д. 16. С. 11.

5. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 225. С. 1.
6. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1000. С. 1.
7. Там же. С. 2.
8. Сакало О. Домогосподарство сільського населення Гетьманщини другої половини XVIII ст.: деякі історико-демографічні аспекти (на прикладі села Ведмеже Роменської сотні Лубенського полку) // Краєзнавство. – 2008. – № 1-4. – С. 168–174.
9. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1299. С. 34.

Исторические особенности формирования населения Вятской губернии в первой половине XIX в.

Характерной чертой современной ситуации в отечественной историографии являются поиски новых подходов к раскрытию закономерностей исторического процесса. Происходит переоценка и новое осмысление теорий, разработанных зарубежными научными школами. В этой связи большой интерес проявляется к работам французской школы «Анналов», в частности, к используемым представителями этой школы демографическим исследованиям. Подобные исследования охватывают широкий спектр проблем, связанных с динамикой населения того или иного региона. Сюда относятся выяснение численности населения с определением причин ее изменения, состава населения, брака и семьи, естественного движения и миграции населения.

Проблемы народонаселения России достаточно давно освещаются в отечественной историографии, значительное место в которой занимает региональная тематика. По свидетельству журнала «Историческая демография», «в настоящее время огромное внимание и органов государственной власти, и общественности вызывает демографическая ситуация в России, этнические и этнодемографические процессы в российских регионах... Изучение демографических процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории каждого народа, каждой страны,.. Чрезвычайно важным является, в частности, выявление общности и своеобразия историко-демографического развития различных российских регионов, в особенности национальных...» [1]. В связи с вышесказанным представляется актуальным анализ демографических процессов, происходивших на территории Вятской губернии в первой половине XIX в.

Любое территориальное образование вне зависимости от того, каким путем оно создавалось, является носителем определенных культурно-исторических традиций, складывавшихся под влиянием многих факторов. Самобытность того или иного региона определяется их общественно-политическим устройством, культурными и религиозными особенностями, природно-географической средой и т.д. Территориальная масштабность России, многонациональный состав населения предопределили разнообразие и богатство историко-культурных особенностей ее регионов.

В конце XVIII в. окончательно складываются административные границы Вятско-Камского региона. Последним аккордом в этом процессе стал указ от 12 декабря 1796 г., по которому Вятское наместничество получило статус губернии. По территории Вятская губерния была одной из крупнейших в Российской империи. Ее площадь составляла более 170 тыс. кв. км. Протяженность с севера на юг составляла около 469,4 км, а с запада на восток – 400 км. На севере губерния граничила с Вологодской, на юге и юго-востоке – с Казанской и Уфимской губерниями, на западе и юго-западе – с Костромской и Нижегородской, на востоке – с Пермской губернией [2]. Центр административного управления губернии – город Вятка – находился на расстоянии 1483 км от столицы Российской империи. По природным условиям Вятская губерния относилась к лесной зоне России. Три четверти всего пространства были заняты хвойными лесами превосходного качества. Климат губернии был резко-континентальным, довольно суровым, характерным для северной полосы России [3]. Яранский, Уржумский, Сарапульский, Малмыжский, часть Котельничского уездов отличались более плодородной, в сравнении с соседними уездами, почвой, неплохими урожаями, а также более мягким климатом, особенно это касается Елабужского уезда, климат которого наиболее благоприятен и свойственен средней полосе России.

Однако, несмотря на суровый климат, Вятская губерния издавна привлекала новоселов [4]. Приток населения в основном способствовало развитие промышленности (прежде всего, металлургической) [5]. О непрерывном возрастании населения в губернии свидетельствуют данные ревизий, проводившихся в это время [6]. Численность населения Вятской губернии в начале XIX в. возростала в среднем на 1,24 % в год [7]. Распределялось население по уездам следующим образом [8]:

Вятский уезд	47569 д.м.п.	Елабужский уезд	24123 д.м.п.
Слободской уезд	38331 д.м.п.	Сарапульский уезд	22174 д.м.п.
Глазовский уезд	43988 д.м.п.	Орловский уезд	48480 д.м.п.
Нолинский уезд	50896 д.м.п.	Котельничский уезд	35474 д.м.п.
Уржумский уезд	42033 д.м.п.	Яранский уезд	22837 д.м.п.

* Пентин Никита Александрович (Киров) – аспирант кафедры Отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета.

Следует отметить, что плотность населения Вятской губернии была неравномерной и по отдельным уездам она колебалась довольно сильно. Самым густонаселенным был Вятский уезд, в котором в конце XVIII в. плотность населения доходила до 19,7 чел. на кв. версту, а к 1860 г. – уже 40 чел. на кв. версту (к нему приближался Нолинский уезд с плотностью 38,5 чел.) [9]. Самым малолюдным был Кайский уезд (1,5 чел. на кв. версту), но в 1802 г. он был ликвидирован, а его территория присоединена к Слободскому уезду. Следует отметить, что Слободской уезд, занимая по площади 1/5 часть губернии, был весьма слабо заселен (к 1860 г. – 8,3 чел. на кв. версту), так как 88 % площади уезда занимали леса [10]. В целом по губернии плотность населения была невелика – в конце XVIII в. она составляла 5,65 чел., а к 1840 г. увеличилась до 25 чел. на кв. версту. По плотности населения Вятская губерния занимала 36-е место среди губерний Российской империи (между Херсонской губернией и Бессарабской областью) [11]. При этом к середине 40-х гг. XIX в. по численности населения Вятская губерния была на 6-м месте (между Курской и Саратовской) и занимала одно из первых мест среди губерний, в которых происходило естественное, а не механическое увеличение народонаселения (как в Оренбургской и Саратовской губерниях) [12].

В губернии абсолютно преобладало сельское население. Городских жителей в середине 80-х гг. XVIII в. насчитывалось 16775 чел., или около 2 % населения. Процент горожан в структуре населения увеличивался медленно и к середине XIX в. составил 2,5 % [13]. На карте губернии сначала было 10 уездных – Вятка, Слободской, Котельнич, Уржум, Орлов, Яранск, Глазов, Елабуга, Сарапул, Нолинск и три заштатных города – Малмыж, Царевосанчурск и Кай. В 1816 г. Малмыж получает статус уездного города, а г. Кай в 1854 г. становится селом.

При этом почти все города губернии были мелкими. По данным П.Г. Рындрозонского на 1855 г., наиболее крупными городами Вятской губернии были: Вятка – 15 тыс., Слободской и Сарапул – более 5 тыс., остальные – 2-3 тыс. жителей. Такого низкого процента городского населения не было ни в одной другой области России: Вятская губерния – 2,6 %, Пермская – 3,9 % [14]. Однако необходимо отметить, что, к примеру, население Ижевского поселка было значительнее по численности населения губернского города Вятки.

Вятская губерния представляла собой традиционный аграрный край со сложной многослойной социальной структурой. Там не было четких границ между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством. А социальные слои выделялись в соответствии с их этнокультурными особенностями и выполняемыми экономическими функциями. Видимо, именно поэтому, как отмечают некоторые исследователи, социальный состав населения губернии установить довольно затруднительно вследствие неточности и запутанности статистических материалов [15]. Но абсолютное большинство населения Вятской губернии составляли крестьяне (примерно 90 %). Из общей массы крестьян 89 % были государственными, около 9 % – удельными и 2 % – помещичьими. Помещичьи и удельные землевладения располагались преимущественно в южных уездах губернии (Яранском, Уржумском, Елабужском, Сарапульском), где климат и плодородие почвы позволяли получать большой урожай. Таким образом, основную массу населения составляли государственные крестьяне. За 23 года (с 1835 по 1858 г.), между 8-й и 10-й ревизиями, население Вятской государственной деревни выросло на 35 % [16].

Яркую характеристику особенностей вятских крестьян дал Никодим Казанский: «Вятская губерния в собственном смысле есть мужицкое царство. Она наполнена одними крестьянами... Господских крестьян (следовательно и господ) вовсе нет: все экономические и удельные. Оттого они и богаты. Южный и восточный края заселены черемисами и вотяками. Из них, даже доселе, довольно язычников. Но они кротки и робки, и при крайней простоте жизни, при богатстве природы, зажиточны... Вятчане ужасно грубы, упрямы, своевольны. Им приказывать нельзя, надо умолять... По крайней простоте нравы вятчан, хотя и грубы, однако просты. У них много и добродетелей. К религии они вообще довольно теплы, хотя по невежеству тоже грубы...» [17]. Простотой нравов отличалось и население городов Вятской губернии [18].

Довольно разнообразным был национальный состав населения Вятской губернии. В начале XIX в. здесь насчитывалось 80 % русских, 10 % удмуртов, 5 % марийцев, 4 % татар. Остальное население составляли коми, башкиры, бесермяне (потомки волжских болгар, говорившие на удмуртском языке), тептяри (смешанная группа населения, происходившая от татар, башкир и марийцев) [19]. По исследованию Н.Н. Романова, наиболее существенный прирост населения после 1811 г. наблюдался, прежде всего, «в чисто инородческих местностях южных уездов губернии» и в Глазовском уезде [20]. Именно первая половина XIX в. стала временем, когда русские крестьяне заселяют коренные районы современной Удмуртии и в целом начинают численно преобладать. По сведениям М.В. Гришкиной, к V ревизии (1795 г.) среди населения Удмуртии русские составляли 50,3 %, удмурты – 37,4 %, татары – 8,7 %, марийцы – 2,0 %, бесермяне – 0,9 %. К 1834 г. удельный вес русских возрос до 52,3 %, а удмуртов соответственно сократился до 33,6 %. Доля остальных народов осталась практически неизменной [21]. Вместе с тем, по вычислениям В.М. Кабузана, в Вятской губернии удельный вес татар на протяжении XIX в. вырос с 3 до 4,14 %. Такой быстрый прирост, в числе

прочего, был вызван отатариванием некоторой части удмуртов (их доля снизилась с 6,29 до 5,31 %) и марийцев (снижение с 4 до 2,71 %) [22].

Приведенные данные позволяют заключить, что в конце XVIII – первой половине XIX в. Вятская губерния являлась сравнительно редко заселенным краем. В составе ее населения преобладали государственные крестьяне, жившие в подавляющей своей массе в деревнях. Однако, несмотря на то, что в статистических сборниках и в работах историков-краеведов содержатся определенные данные о характере социально-демографических показателей, тем не менее общей картины демографического состояния населения на территории Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. пока не создано. Ликвидировать образовавшиеся лакуны, скорее всего, возможно как за счет углубленного исследования уже известных источников, так и путем введения в научный оборот малоизвестных документов. Таковыми, например, являются материалы церковно-приходских книг, на необходимость изучения которых указывали многие известные исследователи [23]. Комплекс православных церковноприходских книг имеется на хранении во всех областных архивах России. Их сохранность повсеместно не изучалась, но по сведениям самого общего характера в областных архивах они имеются с конца XVIII в.

Фонд Вятской консистории в Государственном архиве Кировской области является одним из самых больших по объему фондов. При этом своеобразным ядром фонда является огромный массив метрических книг и исповедных росписей, составлявшихся ежегодно во всех приходах епархии [24]. Метрические ведомости охватывали постоянное приходское население. По вопросам средней продолжительности жизни различных групп населения, числе родившихся, сочетавшихся браком и умерших метрические книги XVIII–XIX вв. дают точную, обильную и ничем не заменимую информацию. Но при исследовании метрических записей необходимо учитывать качество церковной регистрации (во многом качество регистрации зависело от личности приходского священника). В целом, метрические книги при тщательном изучении и корректировке данных являются приемлемым первичным источником для анализа демографических процессов на локальном уровне. Поэтому основными целями деятельности исследователя на первоначальном этапе работы являются источниковедческое изучение метрических книг территории края, выявление их информационного потенциала для изучения истории народонаселения и особенностей формирования как исторического источника.

Важным дополнением метрических записей являются исповедные ведомости. В них регистрировались все жители прихода, пришедшие (или не пришедшие по каким-либо причинам) на ежегодную исповедь и причастие. Поэтому исповедные ведомости позволяют составить представление о сословной принадлежности всех жителей прихода (не только податных слоев), наличии недвижимой собственности у горожан, использовании наемного труда, местах жительства прихожан. Сегодня уже можно сказать, что в целом этап источниковедческого изучения исповедных ведомостей, а также сложностей их архивной эвристики преодолен, что может значительно облегчить работу исследователя. Как показал Б.Н. Миронов, исповедные ведомости содержат достаточно надежную информацию и могут быть использованы в историко-демографических исследованиях [25].

По существу этот вывод вполне приложим и к исповедным росписям по приходам Вятской епархии за XVIII–XIX вв. (опись 71 охватывает период с 1749 по 1859 г.). Более подробную информацию о составе духовенства Вятской епархии как особой социальной группы общества дают клировые ведомости (опись 70: 1741–1919 гг.), составлявшиеся также ежегодно и фиксировавшие (уже в XVIII в.) всех церковнослушателей, их сыновей и родственников мужского пола, возраст, их местопребывание, обучение молодежи, сословную принадлежность прихожан, количество неправославного населения, проживающего в приходе, а также подробные данные о священно- и церковнослужителях каждой церкви.

Таким образом, динамику численности населения и демографические показатели населения Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. можно проследить по целому ряду массовых источников, компьютерная обработка которых позволяет учитывать процент погрешности и дает в руки исследователям достаточно надежные данные о численности, социальной и отчасти профессиональной структуре сельского и городского населения. Некоторую неточность все же следует принимать в расчет, но это не должно останавливать исследователя, так как совершенно точных данных добиться невозможно. «У нас же при настоящем положении статистики, – как писал известный демограф первой половины XIX в. П. Кеппен, – неуместно было бы доискиваться крайней точности; дай бог совладать и со сведениями приблизительными, и 5 % более или менее, конечно до времени, не заслуживают внимания» [26].

Источники и литература

1. Историческая демография. – М.: Сыктывкар, 2007. – С. 3.
2. Судовиков М.С. Губерния Вятская: исторические очерки. – Киров: Изд-во «Экспресс», 2006. – С. 6, 11–12.
3. Старший врач лазарета Ижевского завода И. Андриеевский писал, что климат Вятского края «...отличается страшной сыростью, неприветливостью, пасмурностью..., непостоянством», что, по его мнению, отражалось не только

на здоровье людей, но и на их психологическом состоянии. «Не даром мрачный взгляд на жизнь, равнодушие к жизни и ко всему окружающему составляют отличительные черты в характере вятского жителя» // Андржеевский И. Болотные болезни на севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода: Дис. д-ра медицины. – СПб., 1880. – С. 21.

4. Жеребцов И.Л. Переселение жителей Коми края на Вятку в конце XVI – начале XVIII в. // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). – Киров, 1994. – С. 121–124.

5. Так на территории Глазовского уезда находились Омутнинский горный завод, Песковский, Пудемский, Залазнинский железодельные заводы; на территории Уржумского уезда – Шурминский и Буйский заводы, на территории Сарапульского – Ижевский и Камско-Воткинский железодельные заводы.

6. По данным ревизий численность населения, проживавшего на территории Вятского края (наместничества – 1780–1796, губернии с 1796) во второй половине XVIII – начале XIX в., менялась следующим образом: 1782 г. – 408,5 тыс. чел., 1795 г. – 449 тыс.чел., 1811 г. – 560,3 тыс. чел., 1815 г. – 1290,4 тыс. чел., 1834 г. – 1536,7 тыс. чел. За 1762–1811 гг. приведена численность населения мужского пола, в 1815 г. – всего населения, 1834 г. – всего населения без помещичьих крестьян // 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник, г. Киров. – 1996. – С. 27.

7. Романов Н.Н. Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие // Столетие Вятской губернии. Сборник материалов по истории Вятского края. – Вятка, 1881. – Т. 2. – С. 809.

8. РГИА. Ф. 1537; Сенаторская ревизия Вятской губернии 1800 г. Оп. 1. Д. 5. Л. 387-390.

9. Эммаусский А.В. Вятка во второй половине XVIII века // ЭЗВ. Т 4. – Киров, 1995. – С. 109; Календарь и памятная книга Вятской губернии по 1888 год. – Вятка, 1887. – С. 26.

10. Глазовский и Малмыжский уезды также отличались значительной неравномерностью заселения: почти все население было сосредоточено в южной части этих уездов (северная часть была лесистой и заболоченной) // Краткие очерки уездов Вятской губернии. – Вятка, 1875. – С. 3–8, 114; География Вятской губернии / Сост. К.В. Лаврентьев. – Вятка, 1904. – С. 81, 96, 55, 66–68.

11. Взгляд на Вятку и Вятскую губернию // Вятские губернские ведомости. – 1845. – № 36.

12. По данным журнала МВД (1840 г.), с 7 по 8 ревизии население Вятской губернии увеличилось почти на 30% // Обзорение Вятской губернии // Россия: Журнал МВД. – 1840. – Ч. 35. – С. 269–284.

13. Обухова Г.И. О численности и структуре населения городов Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вятская земля в прошлом и настоящем. – Киров, 1992. – С. 71.

14. Рындзюнский П.Р. Городское гражданство дореформенной России. – М., 1958. – С. 334, 337.

15. Эммаусский, А.В. Вятка во второй половине XVIII века // ЭЗВ. – Киров, 1995. – Т. 4. – С. 110.

16. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М., 1958. – Т. 2. – С. 387.

17. Никодим Казанский. Записки // Труды Вятской ученой архивной комиссии. – 1913. – Вып. 1-2. – Отд. 3. – С. 75–77.

18. «Общее впечатление, которое я увожу из Вятки, – как писал своей сестре Генрих Каменский, – это благодарность и уважение к русскому гостеприимству, не банальному, ограничивающемуся только тем, чтобы накормить и народить. Это гостеприимство является сердечным и бескорыстным, честным и простым... Оно исходит от доброго сердца, от чистой совести».

19. Очерки истории Кировской области. – Киров, 1974. – С. 97 и Рахимов Р.Н. Тепляри Вятской губернии в XVIII – начале XIX в. // Вятская земля в прошлом и настоящем. – Киров, 1992. – С. 72.

20. Романов Н.Н. Статистический очерк постепенного увеличения населения всех уездов Вятской губернии в последнее столетие // Столетие Вятской губернии. Сборник материалов по истории Вятского края. – Вятка, 1881. – Т. 2. – С. 771–772, 808–809.

21. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. – Ижевск, 2004. – С. 145–146.

22. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. – М., 1992. – С. 191.

23. См., напр.: Миронов Б.Н. О достоверности метрических ведомостей – важнейшего источника по исторической демографии России XVIII – начала XX вв. // Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. – СПб., 1998; Антонова И.А. Метрические книги XVIII – нач. XX вв. в России: источниковедческое исследование: Автореф. дис... канд. истор. наук. – М., 1998; Бердинских В.А. Фонд Вятской духовной консистории как исторический источник // Историки Вятского края. – Киров, 2007.

24. Только опись 75 включает в себя 2201 единицу хранения (с 1735 по 1848 год) // Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 75.

25. Миронов Б.Н. Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1989. – Вып. XX. – С. 102–117.

26. Кеппен П. Несколько слов по поводу ведомости о народонаселении России, составленной при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. – СПб., 1850. – С. 4.

**Материалы учреждений призрения детей в XIX в.
как источник по изучению детской смертности****

Текущий учет воспитанников в учреждениях по призрению детей был налажен для обеспечения внутренней деятельности этих заведений. Однако довольно рано выявилась его пригодность для демографических расчетов. В качестве аргумента результаты таких расчетов фигурировали в полемике между противниками и сторонниками существования «детских» домов. Доктор медицины В. Снегирев, например, негативно оценивавший результаты деятельности учреждений детского призрения, писал в 1867 г. на страницах ведомственного журнала Министерства внутренних дел: «Одной уже непомерной смертности в них, *неопровержимо доказанной статистически*, совершенно достаточно, чтобы о благотворном их влиянии, при настоящей их организации, не могло быть и речи» [1]. Чтобы не быть голословным, он заимствовал данные о «смертности на первом году жизни во всех воспитательных домах Европы» из работы Фридмана. Отечественные столицы: Москва с ее 66 % и Санкт-Петербург с более высоким показателем в 85,6 % – занимали промежуточное место между минимумом в Брюсселе (56 %) и максимумом в Дублине (98 %). Затем В. Снегирев более подробно анализировал положение дел в Петербургском воспитательном доме и показывал, что данный показатель проявлял здесь тенденцию к снижению. В среднем за 1772–1784 гг. он равнялся 89 %, с 1784 по 1797 г. – 73 %, а к 1816 г. – упал до 60 %. Для периода с 1801 по 1863 г. им приводятся погодные расчеты процента умерших в воспитательном доме детей от общего числа туда «принесенных» [2].

А.Р. Соколов, со ссылкой на А. Забелина, констатирует, что в первые годы деятельности Московского воспитательного дома смертность доходила до 82 % и в дальнейшем «никогда не была ниже 75 %». Для цитируемого публициста, а также, например, чиновника статс-секретаря Г.И. Вилламова подобные проценты подтверждали неэффективность работы учреждений детского призрения [3]. Их администрация (возможно, для оправдания собственного существования) рисовала более спокойную, а иногда просто благостную картину. По расчетам главного доктора Санкт-Петербургского воспитательного дома Ф. Делпа, в 1826–1833 гг. здесь умирало лишь 17–24 младенца из 100 поступивших на воспитание. Смертность детей, отданных столичным воспитательным домом к нянькам в деревню, была несколько выше: 36–52 из 100, что примерно соответствовало показателям детской смертности в европейских воспитательных домах [4]. Согласно данным А.Д. Стога, в 1816 г. из 236 воспитанников Пермского губернского воспитательного дома в нем умерло лишь 16 чел. (около 7 %) [5].

Современного исследователя смущает уже сам разброс цифр, однако, как правило, он вынужден довольствоваться ими, поскольку учетные документы учреждений призрения попадают в его руки нечасто. В связи с этим особо удачным следует считать обнаружение в фонде Екатеринбургской городской думы Государственного архива Свердловской области книги приема младенцев в воспитательный дом. Книга учитывала дату поступления ребенка, его имя, возраст, имущество, дату смерти или выхода из воспитательного дома, а также имя няньки, ухаживавшей за ним. Например, 2 января 1817 г. в ней были записаны сведения о девочке Анисье, которую принесли трех дней от роду: «...при ней имущества: крест медной посеребряной 1, рубашек кисейных ветхих 2, пеленок холщовых льняных 2, овчиной лоскут шубный 1». Для «вожения» малышка была отдана няньке Евдокии Григорьевой Кожевниковой. 30 января она умерла [6].

Записи в книгу производились с 1 января 1817 г. до момента закрытия дома в 1828 г. Сам он был организован в 1790 г. Согласно формуляру источника видно, что за значительную часть времени работы Екатеринбургского учреждения закрытого призрения (12 лет) можно провести расчеты ряда календарных, возрастных и сезонных показателей смертности его воспитанников. К тому же в нем практически отсутствуют лакуны. За 1820, 1821, 1824, 1827 и 1828 гг. пропусков вообще нет, в остальные – от одного до трех случаев за год, всего 15 раз. От общего числа умерших в воспитательном доме доля детей с «не полными» данными составляет 6,6 %. В 11 случаях упущен был возраст принесенного ребенка, в двух – даты его приема, еще в двух – дня смерти. По некоторым позициям предоставляется также возможность проведения сравнительного анализа, например, с данными того же В. Снегирева по столичному заведению.

* Голикова Светлана Викторовна (Екатеринбург) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: avokilog@mail.ru; Дашкевич Людмила Александровна (Екатеринбург) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

** Работа выполнена по гранту РГНФ № 09-01-83108 а/у «Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX вв.: институциональный и социокультурный аспекты».

Проще всего это сделать для показателя уровня смертности за календарный год. Как показано в табл. 1, сопоставление расчетов по петербургскому и екатеринбургскому воспитательным домам однозначно свидетельствует не в пользу последнего. Максимальной цифры (62,6 %) за период 1817–1828 гг. петербуржцы достигли в 1822 г., минимальной (43,4 %) в 1827 г. На столичном фоне – от чуть за 40 % до чуть за 60 %, который оценивался современниками как весьма высокий, екатеринбургские показатели выглядят особенно удручающими. Фактически местный минимум (в 63,1 %) совпадал с петербургским максимумом (в 62,6 %). Таким образом, уровень смертности в екатеринбургском воспитательном доме начинался с той отметки, на которой кончался в петербургском.

Таблица 1

Смертность в Петербургском и Екатеринбургском воспитательных домах в 1817–1828 г.*

Годы	Воспитательные дома				
	Петербургский		Екатеринбургский		
	«Принесено», чел.	«Умерло», чел. (%)	В течение года принесено, чел.	Из них умерло, чел. (%)	В течение года умерло всего, чел.
1817	3023	1372 (45,3)	20	13 (65,0)	17
1818	3063	1608 (52,5)	19	12 (63,1)	18
1819	3126	1490 (47,6)	17	15 (88,2)	19
1820	3309	1549 (49,8)	33	25 (75,7)	27
1821	3501	2026 (58,0)	19	16 (84,2)	20
1822	3430	2147 (62,6)	14	12 (85,7)	15
1823	3767	1930 (51,1)	17	14 (82,3)	16
1824	3791	1925 (50,8)	20	16 (80,0)	18
1825	4060	2186 (53,8)	26	23 (88,4)	25
1826	4080	2169 (53,1)	17	14 (82,3)	17
1827	4024	1748 (43,4)	24	22 (91,6)	24
1828	4072	1859 (45,6)	18	16 (88,8)	18

* Источник для составления таблицы: Книга записи младенцев Екатеринбургского воспитательного дома (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.-42); Снегирев В. Взгляд на условия смертности в России детей на первом году жизни // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1867. – № 3. – С. 115.

Краткая формулировка «умерло» в таблицах статьи доктора Снегирева не дает возможности понять, касается ли она смертных случаев только среди детей, принесенных в определенный календарный год, или речь шла об общей смертности по воспитательному дому (в которую включаются случаи смерти малышей, попавших туда в прошлые годы). Возможно, для автора это не имело большого значения. Для екатеринбургских же данных эта тонкость весьма существенна (поэтому в таблице приведены два варианта расчетов). Если брать во внимание только детей принесенных в течение года, то уровень их смертности варьируется от 63,1 до 88,8-91,6 %. Конечно, это очень много. Однако если за основу принять принцип «прибыло-убыло» по воспитательному дому в целом, то окажется, что за ряд лет убыль из-за смертей превышала число приносимых детей. Так случилось в 1819 г., когда было принесено 17 детей, а умерло 19. В 1821 г. аналогичным образом воспитательный дом пополнился 19 младенцами, а потерял по причине их смерти 20. Таким же образом дела обстояли в следующем 1822 г.: 14 прибыло – 15 умерло. В три последних года существования учреждения удавалось соблюдать баланс: принесенных и умерших оказывалось равное количество. Тем не менее сравнение екатеринбургских и петербургских данных остается корректным, поскольку общее число смертей в воспитательном доме заведомо больше, следовательно, процент в расчетах Снегирева мог только уменьшиться, а разница между екатеринбургскими и столичными показателем стала бы еще больше, но не сократилась. Обращение к табл. 2 (особенно к колонке «выпущено») показывает, что екатеринбургский воспитательный дом производил «штучный» продукт. Сведения за 1828 г. не показательны, поскольку перед закрытием администрация была занята «пристраиванием» питомцев.

Таблица 2

*Движение детей, состоявших на попечении Екатеринбургского воспитательного дома в 1817–1828 гг.**

Годы	На 1 января состояло			В течение года прибыло			В течение года выбыло				Итого
	мал.	дев.	Итого	мал.	дев.	Итого	Выпущено		Умерло		
							мал.	дев.	мал.	дев.	
1817	11	12	23	3	17	20	–	–	3	14	17
1818	11	15	26	11	8	19	–	–	9	9	18
1819	13	14	27	6	11	17	–	–	7	12	19
1820	12	13	25	17	16	33	–	1	14	13	28
1821	15	15	30	7	12	19	–	2	7	13	22
1822	15	12	27	8	6	14	–	2	9	6	17
1823	14	10	24	7	10	17	–	–	7	9	16
1824	14	11	25	9	11	20	–	2	9	9	20
1825	14	11	25	9	17	26	1	3	7	18	29
1826	15	7	22	8	9	17	–	–	8	9	17
1827	15	7	22	17	7	24	3	4	18	8	33
1828	11	2	13	9	9	18	9	4	11	7	31

* Источник для составления таблицы: Книга записи младенцев Екатеринбургского воспитательного дома (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.-42).

Несмотря на разницу в показателях смертности, порядок вымирания в течение года у воспитанников петербургского (за 1861 г.) и екатеринбургского (за 1817–1828 гг.) домов совпадал. Согласно данным диаграммы 1, самый высокий процент умерших в обеих из них приходился на лето (27 % в Петербурге и 32 % в Екатеринбурге). За летним максимумом следовал осенний минимум, которому соответствовали цифры 22,6 % в столичном и 19 % в уральском вариантах. Размеры показателей зимой и весной оставались достаточно высокими и практически одинаковыми с едва заметным весенним спадом. Для петербургского дома они составляли по четверти доли, разнясь только десятками процента: 25,3 и 25,1. В екатеринбургском – различия были чуть больше: 25,8 % зимой и 23,2 % весной. При одинаковой динамике вымирания следует все-таки отметить петербургское плавное распределение процентов по сезонам, на фоне которого Екатеринбург выделялся более высокой долей летних смертей и более низкой осенних, а также значительно выраженным весенним спадом. Параметры екатеринбургского варианта напоминали общероссийское (задаваемое сельским населением) сезонное распределение детских смертей. Петербургский, при сохранении столь характерного для российских детей летнего пика смертности, следует, видимо, признать более урбанизированным.

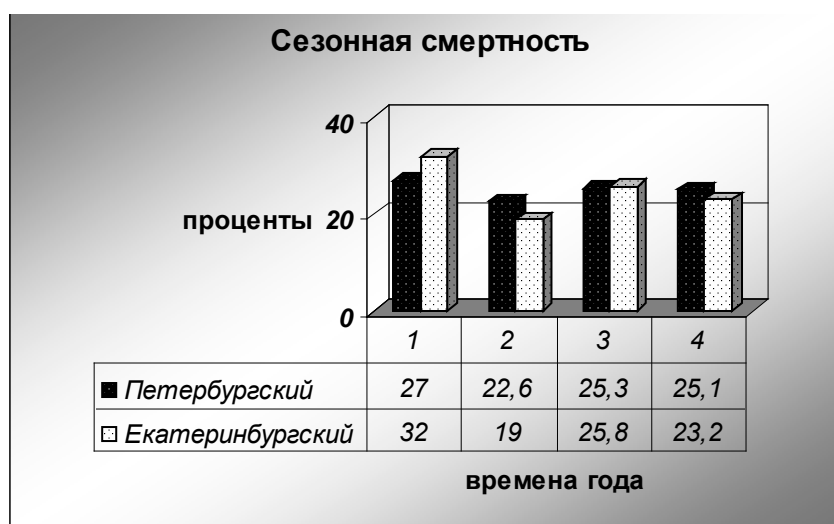

Диаграмма 1.

* Источник для составления диаграммы: Книга записи младенцев Екатеринбургского воспитательного дома (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.-42); Снегирев В. Взгляд на условия смертности в России детей на первом году жизни // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1867. – №. 3. – С. 120.

Данные по екатеринбургскому воспитательному дому дают возможность рассмотреть годичный порядок вымирания более подробно – по месяцам. При обращении к расчетам диаграммы 2 видно, что летний

максимум был обусловлен июльскими смертями (15,3 %). Вклад июня и августа по сравнению с месяцем пика был неравнозначным: августовские показатели составляли две трети (10,9 %), а июньские только одну треть (5,7 %) июльских. Наметившийся в августе спад продолжался сентябрьскими 3,9 %. Показатели этого месяца играли главную роль в осеннем снижении, поскольку за ними следовали близкие друг другу и довольно высокие значения октября (7,8 %) и ноября (7 %). В декабре происходило новое падение смертности (до 5,2 %), которое сменялось практически одинаковым ее январским (в 10,5 %) и февральским (в 10 %) повышением. Всю весну, включая и первый летний месяц, наблюдалось падение процента смертных случаев: 9,2 % в марте сменяли 7,4 % в апреле и 6,6 % в мае, замыкаясь 5,7 % июня. Соответствие максимума смертности в екатеринбургском воспитательном доме июлю, а минимума сентябрю подтверждают наблюдение о ее сходстве с традиционными (сельскими) общероссийскими и общеуральскими показателями.

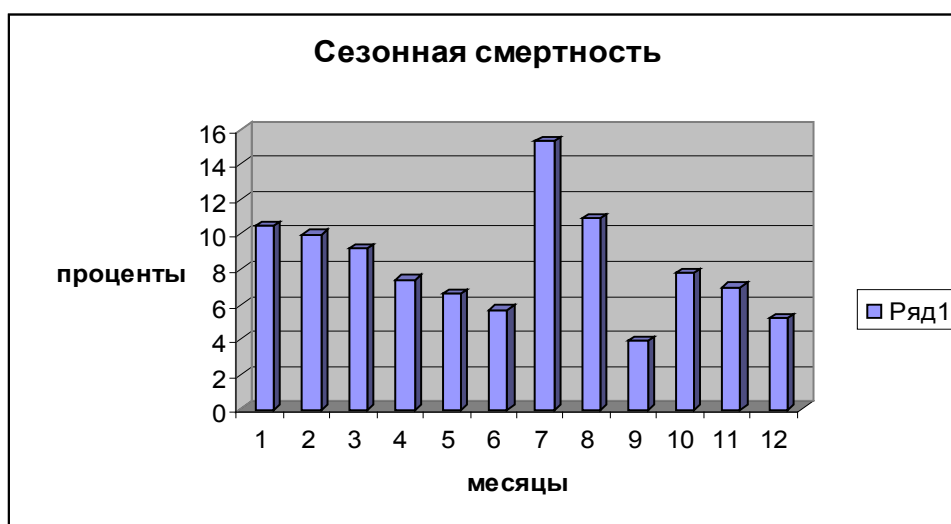

Диаграмма 2.

*Источник для составления диаграммы: Книга записи младенцев Екатеринбургского воспитательного дома (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.-42).

Природа высокой смертности в екатеринбургском воспитательном доме становится яснее при знакомстве с данными табл. 3. Они свидетельствуют, что шанс выжить, как правило, имели только младенцы, поступившие туда в возрасте старше 5 месяцев. Однако таких сдавали не часто, а типичными «клиентами» учреждения становились мальчики и девочки первого месяца жизни. За 12 лет существования дома эта категория составила 189 чел. при общей численности воспитанников в 244, следовательно, 77,5%. Подавляющая часть этих детей (139 или 73,5%) погибала в течение того же первого месяца жизни. Единичы доживали до полугода (3 случая) и года (5 случаев).

С учетом данного обстоятельства внимание следует сосредоточить на двух контингентах призываемых: проследить судьбу детей, которые были принесены в первый день после рождения и всю свою не долгую жизнь провели в стенах воспитательного дома. Полезно также проанализировать категорию умерших на протяжении первого месяца жизни. В первую группу за период 1817–1828 гг. нами были отобраны 32 ребенка, которые появились в воспитательном доме в первый день жизни. Поскольку доктором В. Снегиревым тоже было обращено внимание на таких призываемых, имеется очередная возможность для сравнения петербургских и екатеринбургских данных. Однако им были взяты для анализа сведения только за один 1861-й год. При значительном числе приносимых детей этот прием оправдан, мы же из-за малочисленности группы вынуждены были привлечь записи за весь период.

Обращение к данным табл. 6 показывает, что распределение смертных случаев внутри петербургской и екатеринбургской групп по сезонам имело ряд общих черт, особенно в первой половине года. Совпадали зимние максимумы (31 % в Петербурге и 37,5 % в Екатеринбурге), которые в обоих случаях сменялись весенним спадом (до 16 % в петербургском и до 25 % в екатеринбургском доме). Однако в уральском варианте снижение продолжалось, охватывая все последующие сезоны: 21,8 % летних смертей сменялись 15,6 % осенних. Для петербургского же было характерно летнее и весьма значительное повышение (до 28 %), за которым следовал небольшой осенний спад (25 %).

Таблица 3

Продолжительность жизни младенцев в Екатеринбургском воспитательном доме в 1817–1828 гг.*

Возраст детей, поступ. в восп. дом	Численность детей	Продолжительность жизни детей					
		0-1 мес.	1-2 мес.	2-3 мес.	3-6 мес.	6-12 мес.	Более 1 года
0-1 мес.	189	139	16	10	16	3	5
1-2 мес.	17	8	3	3	2	–	1
2-3 мес.	15	6	1	1	4	1	2
3-4 мес.	11	5	1	2	3	–	–
4-5 мес.	8	4	1	–	2	1	–
5-6 мес.	1	–	–	–	–	–	1
6-7 мес.	–	–	–	–	–	–	–
7-8 мес.	1	–	–	–	–	–	1
8-9 мес.	1	–	–	–	–	–	1
10-11 мес.	–	–	–	–	–	–	–
11-12 мес.	1	–	–	–	–	–	1
Всего	244 100%	162 66,4%	22 9,0%	16 6,6%	27 11,1%	5 2,0%	12 4,9%

* Источник для составления таблицы: Книга записи младенцев Екатеринбургского воспитательного дома (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.-42).

Сравнение данных табл. 3 и 6 свидетельствует, что порядок вымирания детей, с самого рождения сданных в воспитательные дома Петербурга и Екатеринбурга, отличался от общей смертности в этих учреждениях по сезонам года, в первую очередь, смещением летнего максимума на зимний. Наивысший вклад данная категория смертей в общую копилку своими 31 % и 37,5 % вносила именно в зимнее время, достижению летнего максимума (при 21,8 % и 28 %) она способствовала, но его не порождала. При этом общая смертность и смертность детей, с рождения находившихся в воспитательном доме, в петербургском варианте имела одинаковые колебания: летний подъем сменялся осенним спадом, зимнее повышение весенним понижением.

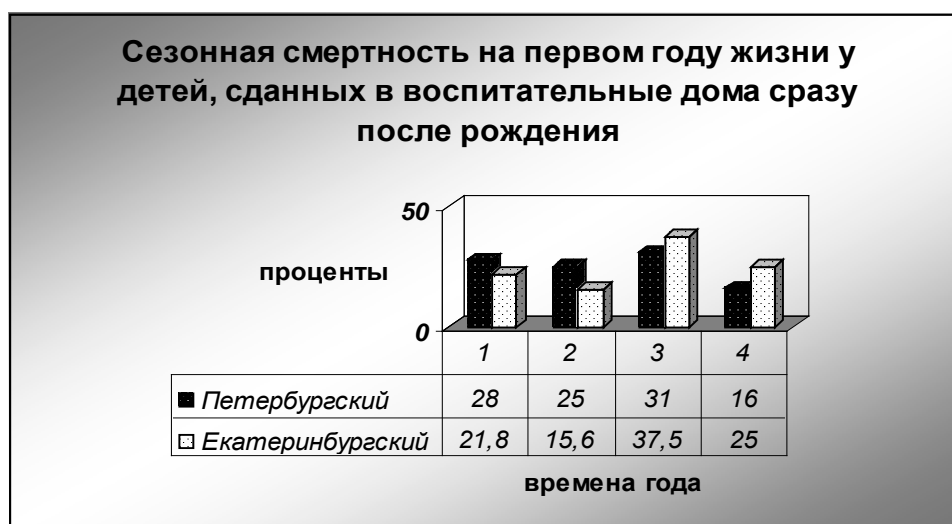

Диаграмма 3.

* Источник для составления диаграммы: Книга записи младенцев Екатеринбургского воспитательного дома (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.-42); Снегирев В. Взгляд на условия смертности в России детей на первом году жизни // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1867. – №. 3. – С. 120.

Екатеринбургские же данные имели больше расхождений, объяснить которые может помесечное распределение смертности детей, сданных в приют сразу после рождения. Если обратиться к данным диаграммы 4, то окажется, что посезонная группировка данных (без которой не обойтись при сравнении с петербургскими показателями, поскольку они посчитаны В. Снегиревым сразу за три месяца) в екатеринбургском варианте затемняет картину.

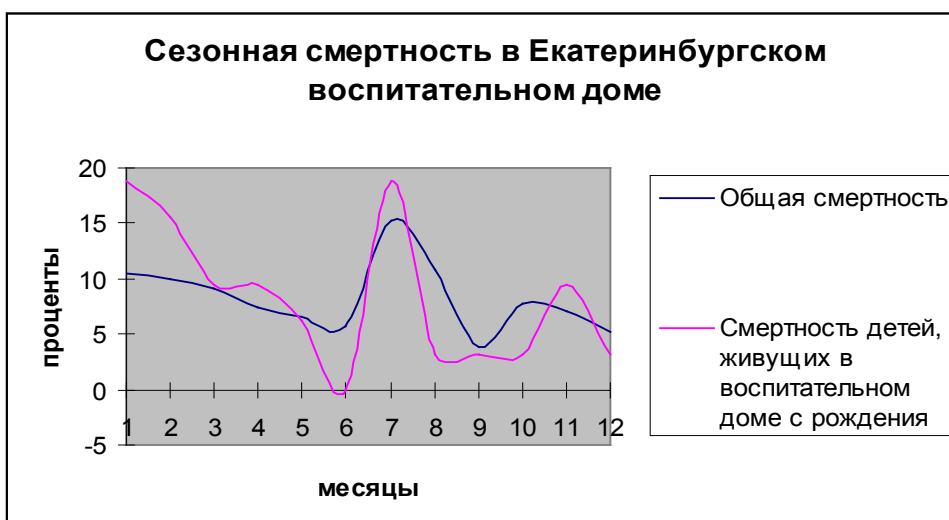

Диаграмма 4.

* Источник для составления диаграммы: Книга записи младенцев Екатеринбургского воспитательного дома (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.-42).

Сведения по месяцам выявляют еще один июльский максимум (ровно по 18,75 % в январе и июле) и показывают, что распределение смертей детей, живших в воспитательном доме с рождения, повторяла динамику общей смертности его воспитанников. Общая смертность опускалась лишь более полного (с февральских 10,5 % до июньских 5,7 %). Тогда как в анализируемой группе показатели упали с 18,75 % в январе до полного отсутствия в июне. Подъемы в общей смертности занимали по два месяца (июль-август, октябрь-ноябрь) сменяясь месячными (сентябрьским и декабрьским) спадами. У анализируемой группы, напротив, после краткого июльского максимума наблюдалась трехмесячная стагнация, за которой следовал кратковременный месячный ноябрьский подъем.

По своим параметрам смертность первого месяца жизни близка к так называемой «неонатальной смертности», которая характеризует смертные случаи среди детей с момента рождения до 28-го дня жизни. Энциклопедический словарь по демографии называет ее одним из ведущих показателей младенческой смертности [7]. Неонатальную смертность принято изучать понедельно: за 1, 2, 3, 4 недели жизни. Смертные случаи на 1 неделе относят к ранней неонатальной смертности, на 2-4 неделях – к поздней. Данные табл. 4 за 12 лет (с 1817 по 1828 г.) учли 107 воспитанников Екатеринбургского дома, скончавшихся в течение неонатального периода. В общем числе призываемых их доля составила 47 %. Среди них встречались единичные случаи ранней неонатальной смертности. Однако питомцы дома в основном погибали в поздний неонатальный период. Доля смертей на второй неделе возрастала до 32,7 %, на третьей поднимаясь до 40,1 % и достигая своего максимума, к четвертой снижалась, но не намного – до 23,45 %.

Таблица 4

Неонатальная смертность в Екатеринбургском воспитательном доме в 1817–1828 г.*

На первой неделе жизни (1-7 день), %	На второй неделе жизни (8-14 день), %	На третьей неделе жизни (15-21 день), %	На четвертой неделе жизни (22-28 день), %	Всего
4 (3,7%)	35 (32,7%)	43 (40,1%)	25 (23,45%)	107 (100)

* Источник для составления таблицы: Книга записи младенцев Екатеринбургского воспитательного дома (ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 1 об.-42).

Если обратиться к данным диаграммы 5, то окажется, что чаще всего на второй неделе жизни дети умирали в ходе июльского и ноябрьского подъемов смертности, дожившие до третьей, наоборот, в течение февральского ее подъема, а на четвертой – в августовский. При анализе поздней неонатальной смертности (ранняя из-за малочисленности случаев роли не играла) интересно выяснить вклад каждой недели в тот или иной месяц или сезон года. Практически всю первую половину года по удельному весу лидировали показатели третьей недели, значительны они были у четвертой, вторая же за исключением февральского подъема себя не проявляла. Летний подъем обеспечивался тремя неделями сообща при ведущей роли в июле второй недели, а в августе – четвертой. Октябрьский подъем обусловили третья и четвертая недели, ноябрьский – вторая. Декабрьские показатели зависели от третьей.

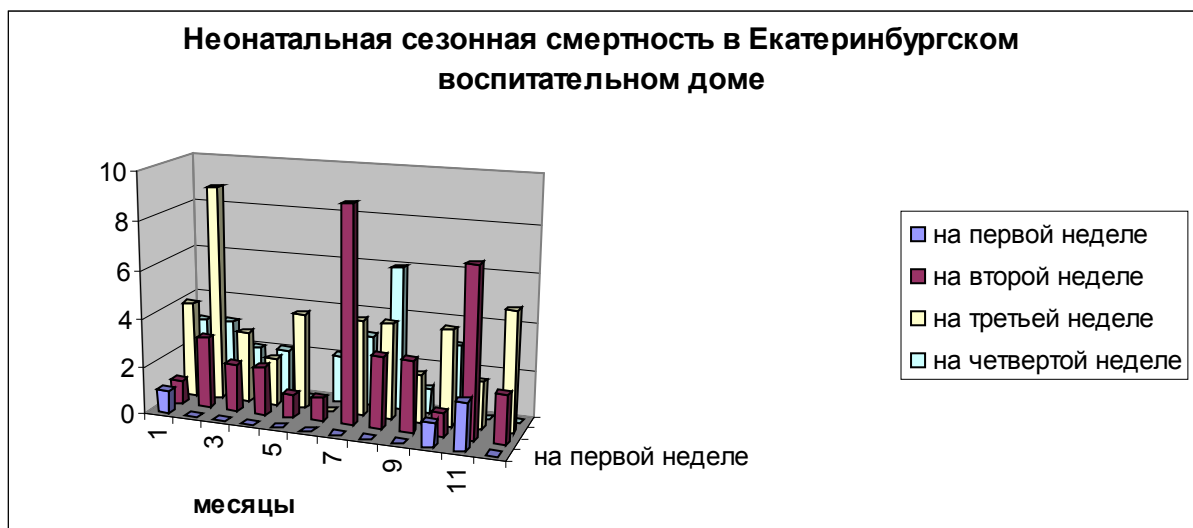

Диаграмма 5.

Снижение детской смертности – обязательное условие демографического перехода – замены традиционного режима воспроизводства населения на современный. Для исследователей этот процесс продолжает оставаться далеко не очевидным, что делает актуальными поиск и анализ любых материалов, касающихся смертности детей. Работа в данном направлении также показала, что традиционно высокие показатели детской смертности в конкретно-исторических условиях формировались разными путями. В таком контексте материалы текущего учета учреждений детского призрения следует признать высокоинформативным источником с приемлемой степенью достоверности и полноты информации, позволяющей сочетать календарные, возрастные и сезонные сведения в различных статистических группировках, а их воспитанников – контингентом, имеющим особые (завышенные на фоне и без того высоких) параметры детской смертности.

Источники и литература

1. Снегирев В. Взгляд на условия смертности в России детей на первом году жизни // Архив судебной медицины и общественной гигиены. – 1867. – № 3. – С. 121.
2. Там же. – С. 114–116.
3. Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). – СПб., 2006. – С. 194.
4. Дешп Ф. Медико-статистическая записка об Императорском Санкт-Петербургском воспитательном доме в течение 1830, 1831, 1832 и 1833 годов, составленная главным доктором оного Филиппом Дешпом. – СПб., 1835. – С. 47, 49, 52, 53.
5. Стог А.Д. О общественном призрении в России. – [СПб.], 1818. – Ч. 1. Приложения.
6. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 656. Л. 3 об.
7. Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М., 1994. – С. 271.

**Демографическая, социальная и конфессиональная ситуация
в городах Левобережной и Слободской Украины во второй половине XIX в.**

Конец XX – начало XXI столетия характеризуется важнейшими изменениями на постсоветском пространстве. Распад Советского Союза и утрата марксистско-ленинской методологией монопольного положения привели к активному поиску новых методологических ориентиров в современной историографии, что способствовало росту интереса к социальной истории. Особое внимание современных ученых привлекает проблема изменения социально-классовой структуры населения городов Российской империи во второй половине XIX в., когда под влиянием буржуазных реформ происходили важнейшие изменения всех сфер общественной жизни. Объективное изучение исторического прошлого позволит избежать некоторых проблем в наше время. Поэтому тема статьи представляется нам актуальной.

При изучении обозначенной темы необходимо учитывать, что до нашего времени дошел ограниченный круг источников. По разным причинам практически не сохранились фонды государственного архива Полтавской области. Поэтому при разработке данной темы мы опирались на фонды Российской национальной библиотеки г. Санкт-Петербург (фонд сенатора А.А. Половцова), государственных областных архивов Черниговской, Харьковской областей, статистические сборники второй половины XIX в.

На изменение численности городского населения в городах Левобережной и Слободской Украины повлиял ряд факторов. В результате реализации буржуазных реформ происходит развитие экономики, активизируется общественная жизнь, идут изменения в социальной и национальной структуре городского населения. Главным фактором, который позитивно повлиял на демографическую ситуацию (в том числе и в городах), была крестьянская реформа 1861 г., а также городская реформа 1870 г. На социальную структуру населения городов повлияли действия власти в сфере образования, которые происходили с 1862 по 1873 г. («Общий устав университетов России» 1864 г., «Устав гимназий и прогимназий» 1864 г. и др.). Существенное влияние на жизнь горожан оказала финансовая реформа (началась с 1860 г.), а также деятельность земств и органов городского самоуправления, которые способствовали прогрессу в области медицинского обслуживания широких масс населения.

Среди трёх изучаемых губерний наиболее заселённой была Полтавская – 1 819 110 душ, а далее шли Харьковская – 1 582 571 и Черниговская – 1 471 866 (данные за 1858 г.) [1, с. 92]. Однако с середины XIX в. местные администрации фиксируют, что наибольшими темпами увеличивалась численность населения Харьковской губернии (в том числе и в городах). Эта тенденция имела свои объяснения. Именно Харьковская губерния была лидером по темпам развития рыночных отношений на Левобережье и Слобожанщине. В Харькове и отдельных уездных центрах основывается ряд средних и крупных предприятий разного профиля, а также развивается торговля регионального и всероссийского значения. Эти факторы способствовали миграционным процессам и росту рождаемости.

Наибольшее число городских жителей во второй половине XIX в. приходилось на Харьковскую губернию – 14,9 %, а затем шли Полтавская – 9,7 % и Черниговская – 9 %. Соотношение среди населения городов мужчин и женщин было таким: Харьковская губерния – мужчин – 51,8 %, женщин – 48,2 %; Полтавская – соответственно 50 % и 50 %; Черниговская – 48,5 % и 51,5 % [2, с. 94]. В течение второй половины XIX в. шёл процесс постоянного увеличения городского населения: в Харьковской губернии – в 1,98 раза, Полтавской – 1,72 раза и Черниговской – в 1,45 раза. Темпы роста городского населения на Полтавщине и, особенно, на Харьковщине опережали не только рост народонаселения в уездах, но и в целом динамику роста населения данных губерний [3, с. 59].

Среди трёх губернских городов Харьков выделялся как бурно развивающийся промышленный центр. Полтава имела торговую специализацию, а Чернигов играл в основном роль административного и культурного центра региона. Аналогичная картина прослеживалась и в уездных городах. Определённым исключением в Черниговской губернии были Нежин и Конотоп, которые были крупными центрами региональной торговли.

Поэтому значительное увеличение городского населения в Харькове и уездных центрах губернии (10 и 6 заштатных городов) представляется закономерным. В начале 60-х гг. XIX в. в Харьковской губернии насчитывалось 197 030 душ городских жителей (Ахтырка – 14 987, Лебедин – 14 236, Сумы – 12 925 и др.). В 1883 г. численность городского населения в губернии возросла до 333 431 душ [4, с. 221]. Следовательно,

* **Никитин Юрий Александрович** (Сумы, Украина) – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Сумского филиала Харьковского национального университета внутренних дел. E-mail: nva2008@ukr.net

за 20 лет численность городского населения губернии возросла в 1,7 раза. Всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала тенденцию роста населения в городах. В губернии проживало 367 343 душ. Из них в Харькове – 173 989, Сумах – 27 564, Ахтырке – 23 399, Лебедине – 14 301 [5, с. 2]. То есть наблюдался рост населения в 1,2 раза. Лидером в регионе оставался Харьков. За исследованный период численность городского населения губернии увеличилась в 1,8 раза, а всё население губернии – в 1,5 раза. При этом ряд уездных городов в конце XIX в. утратил статус густонаселённых (Старобельск, Изюм) [6, с. 61].

Полтавская губерния состояла из 15 уездов, имела два заштатных города, 94 местечка, один посад, 23 слободы [7, с. 3]. Тенденцию роста числа городских жителей можно проследить, сравнивая данные 60-х, 90-х гг. XIX в. В начале 60-х гг. население городов составляло 158 740 душ (Полтава – 29 500, Кременчуг – 27 478, Прилуки – 10 658, Переяслав – 10 431, Миргород – 10 196) [8, с. 2-13]. Материалы переписи 1897 г. зафиксировали рост населения городов, который достиг 274 294 душ (Полтава – 53 703). При общем увеличении городского населения сохранялась неравномерность развития уездных городов губернии. Перепись 1897 г. иллюстрирует взаимосвязь между уровнем товарно-денежных отношений и ростом численности жителей в городах. Если увеличение населения Полтавы можно связывать со статусом губернского города и центром региональной торговли, то рост населения в Ромнах (в 4 раза), Кременчуге (в 2,5 раза), Прилуках и Миргороде (почти в 2 раза) связано исключительно с развитием торговли. При этом часть городов губернии в это время по способу жизни, уровню экономики и видом мало напоминали уездные города. Они выполняли определенные административные функции, но городами были только номинально (Глинск).

В Черниговской губернии в 1879 г. только в губернском и уездных городах проживало 170 443 чел., а в местечках – 1 698,766 чел. [9, л. 24]. Эти данные местная администрация предоставила во время ревизии губернии сенатором А.А. Половцовым. Колебания численности городского населения подтверждает взаимосвязь между уровнем экономического развития и темпами урбанизации (Нежин – 31787, Остер – 2935 чел.). Ревизующие чиновники в 1881 г. даже выступили с предложением лишить наиболее неразвитые и малочисленные населённые пункты статуса городов. В конце XIX в. городское население губернии составляло 209 453 душ (население Чернигова с 16 810 в 1879 г. возросло до 27 716). В то же время в отдельных городах наблюдался процесс уменьшения населения (Глухов, Кролевец, Стародуб – в среднем в 0,7-0,8 раза). Уменьшение городского населения в уездных городах и местечках всех трёх губерний можно связывать с падением спроса на хлеб, сахар в 80-х гг. XIX в., что подталкивало часть городских жителей переезжать в другие регионы в поисках лучшей жизни.

Реформы второй половины XIX в. способствовали изменению социальной структуры населения городов. Шёл процесс постепенного перехода от феодальных городов к новым, где главенствовали рыночные отношения.

В городах Харьковской губернии сохранялось значительное превосходство крестьян над другими сословиями. В 1897 г. численность крестьян достигала 214, 1 тыс. чел. (58 % от общего числа городских жителей) [10, с. 3]. Представительство мещан составляло 109,7 тыс. чел. Из них больше половины проживало в Харькове (58,6 тыс. чел.). Таким образом, среди населения других городов губернии мещане составляли 26,5 % населения (более 51 тыс. чел.). Численность почётных граждан среди городских жителей губернии составляла 5,3 тыс. чел. (1,5 %). Наиболее эта категория была представлена в Харькове (2,1 %) [11, с. 62]. Также немногочисленной группой среди городского населения были купцы (1897 г. – 5,3 тыс. чел.). В губернском городе их численность достигала 3,6 тыс. чел., а в других городах – 1,8 тыс. чел. В уездных городах и местечках доля представителей купеческого сословия равнялась 0,9 %. Представители дворянства в городах составляли 23,4 тыс. чел. Особенностью губернии можно считать тенденцию оттока дворян из Харькова при одновременном росте числа представителей этого сословия в уездных городах и местечках. На долю духовенства приходилось 0,9 % населения городов. В Харькове лиц духовного звания было зарегистрировано 1 914 (наблюдалась тенденция сокращения численности). В уездных городах и местечках наоборот данная категория жителей возрастала (1897 – 1,5 тыс. чел.).

Исторически сложилось, что население Украины многонационально по своему характеру. Это связано с историческими особенностями развития региона. В официальных отчётах Российской империи не было традиции учёта населения по национальному признаку. Косвенными указателями могут служить данные о конфессиональной принадлежности и родном языке. Хотя проведённая перепись 1897 г. содержит вопрос о родном языке, она вызывает у многих исследователей ряд вопросов. Часть жителей городов не совсем понимала суть вопроса о родном языке. Потому часто горожане (особенно молодёжь после обучения в гимназиях и университетах) воспринимали русский язык родным, другая часть, боясь показать своё «холопское» происхождение (местное дворянство, духовенство, купечество), часто сознательно относилась себя к великороссам.

В материалах переписи отмечено, что среди городского населения преобладали малороссы (украинцы) – 198 774 чел. Исключением были только Харьков (45 092 чел.) и Чугуев (1 118 чел.). Вторую по численности

группу городских жителей составляли великороссы (русские) – 145 504 чел. В Харькове данная категория жителей составляла 63,17 %, а в Чугуеве на 1 118 украинцев приходилось 10 838 русских. Третью группу составляли иудеи 11 795 чел., которые традиционно контролировали в украинских городах мелкую и среднюю торговлю. Кроме этого необходимо помнить о роли «черты оседлости», которую ввела официальная власть для представителей этого этноса. Также среди горожан были представлены поляки (4 657), немцы (2 809) и белорусы (746) [12, с. 102, 180, 200]. Присутствие поляков объясняется тем, что их приглашали вместе с немецкими специалистами на предприятия. Некоторые польские семьи были сосланы в украинские губернии после восстаний начала и середины XIX в. Часть немцев, проживавших в городах, были потомками колонистов времён Екатерины II.

В Черниговской губернии городское население имело свои особенности численного представительства разных сословий. В большинстве уездных городов среди жителей преобладали мещане и цеховики (за исключением Сосницы и Борзны). Средний показатель для губернии представителей этой категории составлял 64,9 %. Следующую многочисленную группу городских жителей составляли крестьяне и казаки. Их число колебалось от 57,4 % населения (Сосница) до 0,1% (Новозыбков). Средний показатель для губернии равнялся 20,4 %. Гораздо меньшей группой были представлены привилегированные сословия (в среднем 4,3 %), которые составляли от 8,9 % населения (Сосница) до 3 %. Наименее многочисленной категорией среди горожан были купцы и почётные горожане [13, л. 31-34]. Интерес представляет категория «другие», численность которых в Чернигове достигала 16,3 %. Именно из этой среды в будущем формировался пролетариат и другие сословия.

85,4 % населения местечек приходилось на крестьян и казаков. Вторую категорию населения составляли мещане и цеховики (от 2,5 до 15,7 %). Доля представителей привилегированных сословий и почётных граждан с купцами была незначительна (соответственно 1,2%, 0,6%).

По конфессиональной принадлежности население делилось таким образом: православные – 72,6 %, католики и армяно-григориане – 0,9 %, иудеи – 26,5 %. Максимальное представительство православные имели в Борзне (97,1 %). Иудеи доминировали в Козельце и Сураже.

Конфессиональный состав населения местечек имел свои особенности. На долю православных и униатов приходилось 97,3 %, католиков и армяно-григориан – 0,3 %, иудеев и караимов – 2,4 %. Особенностью губернии можно считать достаточно большой процент раскольников в отдельных уездах.

По результатам переписи 1897 г. этнический состав городского населения имел такой вид: малороссы (украинцы) – 102 184, великороссы (русские) – 48 527, иудеи – 54 401, белорусы – 1 925, поляки – 1 297, немцы – 390 [14, с. 8]. Наибольший процент украинцев проживал в Нежине (21 733). Почти в два раза меньше их проживало в Чернигове, Борзне и Конотопе. Переписные листы зафиксировали полное отсутствие украинцев в Новом Месте и Погаре. В Мглине и Сураже украинцы составляли лишь четвертую по численности группу населения. Значительный процент горожан относился к иудеям в Чернигове и Нежине (8 780 и 7 578 чел.). Только в Сураже 60 % населения записались иудеями. В Новом Месте население состояло только из иудеев и русских. Великороссов среди горожан было в 2 раза меньше, чем малороссов и в 1,1 раза меньше, чем иудеев. Более половины данной группы проживало в трёх городах губернии: Новозыбкове, Чернигове и Стародубе. В других городах показатели колебались от 77 чел. (Короп) до 4 840 чел. (Мглин). Наиболее многочисленной группой среди населения белорусы были в Сураже (50,8 %). В большинстве других уездных городов их численность колебалась от 1 чел. (Козелец) до 75 (Мглин), а в Погаре и Новом Месте они вообще отсутствовали. Наибольшее число поляков было представлено в Чернигове (374 чел.) и Нежине (238 чел.). В большинстве уездных городов губернии польский элемент не превышал 56 чел. В Коропе было зафиксировано два поляка, а в Погаре и Новом Месте они вообще не проживали. Немцы в основном проживали в Чернигове, Нежине и Конотопе (111 чел., 72 чел., 50 чел.), а в остальных городах их численность колебалась от 36 (Новозыбков) до 2 (Березна, Кролевец). Кроме указанных этнических групп в городах губернии в минимальном числе были зафиксированы представители 21 народа.

В Полтавской губернии среди городского населения преобладали мещане (147 342 чел.), далее шли крестьяне (96 484 чел.), дворяне (16 571), купцы (5 836), другие сословия (4 449), духовенство и иностранцы (666) [15, с. 2]. Преобладание в городах мещан и крестьян подтверждает мысль о том, что в городах только шёл процесс формирования новых социальных групп, характерных для буржуазного общества. В большинстве городов губернии мещане составляли от 60 до 70 % всего населения. Исключением были Полтава, Ромны, Хорол, Лохвица, Глинск, Кобеляки. В некоторых преобладали крестьяне: Кобеляки (61,6 %), Градежск (62,6 %), Лохвица (66,6 %), Глинск (73,5 %). «Другие сословия» многочисленны были в Полтаве (2,5 %) и Лубнах (2,7 %). Только в Полтаве и Лубнах процент дворян был значительным (соответственно 11,9 % и 12,2 %). В других городах на долю этой категории приходилось от 1 до 6 процентов населения. Купечество составляло также небольшой процент среди горожан (от 0,5% до 4,1%). Даже в центрах ярмарочной торговли их численность достигала лишь 2% (Полтава, Ромны, Кременчуг).

Закономерно, что среди населения городов губернии преобладали православные (от 50 до 90 %). Следующей по численности группой были иудеи. Представители данной конфессии были неодинаково представлены в городах (Глинск – 7,7 %, Кременчуг – 47,4 %). В других городах их численность колебалась в пределах 20-30%. Минимально в городах были представлены старообрядцы и мусульмане (меньше 1 %).

Материалы переписи 1897 г. показывают, что украинцы в структуре населения составляли больший процент, чем в Харьковской и Черниговской губерниях. Наибольшее представительство украинцев было зафиксировано в Зинькове (86 %), Миргороде (83 %), Гадяче (73 %). Только в Кременчуге этот показатель равнялся 30,1 % [16, с. 2, 100]. Великороссы составляли 42,8 % населения городов. 35,3 % представителей этой группы проживали в Полтаве и составляли 20,5 % населения города [17, с. 128]. Минимальное представительство среди городских жителей имели белорусы (0,19 %). В основном они проживали в Кременчуге и уездных местечках.

Таким образом, можно сделать определённые выводы. Во второй половине XIX в. в результате реформ и развития товарно-денежных отношений в городах Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний шли процессы ломки старой социальной структуры, формирования новых классов. Наблюдалась активизация миграционных и демографических процессов, что в свою очередь ведёт к изменению национальной и конфессиональной составляющей среди городских жителей.

Данная разведка только определила круг вопросов, связанных с эволюцией городов и местечек Украины в пореформенный период. Дальнейшего изучения требуют все аспекты демографических процессов в регионе, темпы урбанизации, участие различных социальных и национальных групп в жизни городов.

Источники и литература

1. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. – СПб., 1903. – Т. 7.
2. Там же.
3. Солошенко О.М. Зміни чисельності та складу населення Лівобережної України в II XIX ст.: Дисертація ... канд. іст. наук. – Харків, ХДУ, 1997.
4. Харьковский календарь на 1885 г. – X., 1884.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Харьковская губерния. – СПб., 1904. – Т. 46.
6. Солошенко О.М. Зміни чисельності та складу населення Лівобережної України ...
7. Сборник необходимых сведений о всех приходах Полтавской губернии. – Полтава, 1895.
8. Памятная книжка Полтавской губернии на 1865 г. – Полтава, 1865.
9. Российская национальная библиотека г. Санкт-Петербург (далее – РНБ). Ф. 600. Д. 1345.
10. Обзор Харьковской губернии за 1905 год. – X., б.г. – Ведомость «О числе жителей по сословиям».
11. Чорний Д.М. По лівий бік Дніпра: проблеми модернізації міст України (кінець XIX – початок XX ст.). – X., 2007.
12. Первая всеобщая перепись населения ... – Т. 46.
13. РНБ. Ф. 600. Д. 1657.
14. Первая всеобщая перепись населения ... – Т. 48.
15. Там же. – Т. 33.
16. Там же. – Т. 33.
17. Солошенко О.М. Зміни чисельності та складу населення Лівобережної України ...

Миграция забайкальских казаков на Амур и Уссури (вторая половина XIX – начало XX в.)

С 50-х гг. XIX в., в процессе освоения новых территорий и расселения восточных славян в южной части Дальневосточного региона (Приамурье и Приморье), в пограничной полосе, по берегам рек Амур и Уссури, начинает создаваться местное казачество. В его формировании большая роль принадлежит Н.Н.Муравьеву-Амурскому, 200-летний юбилей со дня рождения которого приходится на август 2009 г.

Первые казаки-землепроходцы проникли в Приамурье еще в середине XVII в. Они основали здесь крепости и остроги: Албазинский (1651 г.), Ачанский (1652 г.), Комарский (1654 г.) и др. [1]. Они и пришедшие вслед за ними крестьяне-земледельцы успешно занимались хлебопашеством. Созданный на территории края Албазинский уезд уже в 80-х гг. XVII в. снабжал хлебом Забайкалье и другие части Восточной Сибири [2]. Закрепление русских в Приамурском крае не устраивало претендовавшее на эти земли правительство Китая. Агрессивная политика и военные действия с китайской стороны привели к тому, что российские подданные вынуждены были в XVII в. оставить этот регион. Однако в середине XIX в. остро встал вопрос о необходимости возвращения приамурских земель. Это было обусловлено как торгово-промышленными интересами России на тихоокеанском побережье, так и военно-политической обстановкой в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, царское правительство колебалось в принятии решительных действий для возвращения России приамурских земель.

Но в 1847 г. произошло событие, изменившее отношение к проблемам Дальнего Востока. В сентябре 1847 г., во время своей поездки на юг России, император Николай I, встретившись с тульским губернатором, генерал-майором Н.Н. Муравьевым, объявил ему о назначении его генерал-губернатором Восточной Сибири.

К этому периоду осложнилась обстановка на восточных рубежах. Англия, Франция и США стали проявлять повышенный интерес к азиатским владениям России.

Ознакомившись в Петербурге с делами по Восточной Сибири, Н.Н.Муравьев выехал в феврале 1848 г. к месту назначения, в г. Иркутск – центр Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в состав которого входила громадная восточная территория России, начиная от Енисейской губернии и до Тихоокеанского побережья.

Сместив чиновников, замеченных во взяточничестве и казнокрадстве, Н.Н.Муравьев поставил на их место молодых энергичных людей. Через 2-3 года в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве сформировался слаженный, эффективно работающий управленческий аппарат. Н.Н.Муравьев был убежден в том, что для администрации региона на первом плане должны быть государственный интерес, решение, в первую очередь, насущных вопросов. Одной из таких проблем было воссоединение Приамурья с Россией.

К этому периоду обстановка на восточных рубежах России еще более усложнилась. В Цинской империи углубился кризис, активизировалась экспансия в Китай колониальных держав – Англии, Франции и США, претендовавших на господство в Тихом океане. Это обстоятельство, а также разразившаяся Крымская война вызвали реальную опасность экспансии иностранных государств на восточные рубежи российского государства, необходимость, в связи с этим, безотлагательно укреплять восточные границы России и открыть плавание по Амуру. Однако царское правительство, отправлявшее до сих пор на восток страны военный контингент на морских судах с Балтики кругосветным путем, считало, что для обороны восточных рубежей должного количества вооруженных сил таким образом переправить не удастся. К тому же оно боялось нарушить хорошо сложившиеся к тому времени торговые отношения с Китаем.

В целях создания необходимого военного контингента на ближайшей к Приамурью территории по инициативе и усилиями Н.Н.Муравьева в марте 1851 г. было создано Забайкальское казачье войско. В его состав вошли потомки казаков, пришедших в Даурию в конце XVI в. с Дона, пятисотенного полка, сформированного в 1741 г. из тунгусов и возникшего в 1764 г. шестисотенного бурятского полка. В первой четверти XIX в. забайкальские казаки делились в основном на городских и станичных казаков. Помимо службы они занимались хлебопашеством, скотоводством и промыслами. Служба заключалась в исполнении пограничной охраны (выезд не далее 150 верст от места жительства), охране казенных хлебных магазинов и ряда мелких поручений. Кроме городских и казачьих казаков в состав Забайкальского казачьего войска были зачислены около 29 тыс. нерчинско-заводских крестьян, сложных по своему этническому составу. Помимо

* Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: argudieva@mail.ru

этого в 1854 г. войско пополнили штрафованными нижними чинами гарнизонных батальонов внутренней стражи из Европейской России. Таким образом, уже в период создания Забайкальского казачьего войска, оно отличалось сложным этносословным составом. Общая численность Забайкальского казачьего войска составляла в 1854 г. 52 350 чел. Забайкальское войско стало базой для формирования амурского и уссурийского казачества [3].

В январе 1854 г. последовал царский Указ, которым ведение всех переговоров о восточной границе с Китаем было поручено непосредственно Н.Н.Муравьеву. Разрешено было сплавить войска по Амуру. Открытие к тому времени Г.И.Невельским судоходности устья реки Амур и обустройство в низовьях Амура нескольких постов позволяли воссоединить приамурские земли с Россией, использовать р.Амур как многокилометровую, наиболее дешевую и стратегически важную транспортную артерию.

Исследователи, анализируя процесс переселения забайкальских казаков на юг Дальнего Востока, выделяют три этапа [4]: 1855–1862 гг.; 1879 г.; 1895 г. – начало XX в. Каждый из этих этапов отличался своими особенностями.

Однако еще до начала первого этапа часть строевых забайкальских казаков попала в низовье р. Амур первым сплавом, осуществленным под руководством Н.Н.Муравьева.

Деятельная подготовка к первому сплаву осуществлялась в конце 1853 – начале 1854 гг. Население, войска, забайкальское казачество, предпринимательские круги с энтузиазмом восприняли известие о походе на Амур. Последовали крупные пожертвования сибирских купцов. В самые сжатые сроки была проделана огромная работа. На Шилкинском заводе подготовили для первого сплава войск по Амуру пароход «Аргунь», несколько лодок, вельботов, баркасов, барж, плашкоутов и плотов. На них было загружено 25 тысяч пудов продовольствия, размещены 754 пеших солдат сибирских линейных батальонов, шесть офицеров, 120 казаков Забайкальского казачьего войска с лошадьми, при двух офицерах, 14 музыкантов и 16 мастеровых. На баржи установили четыре артиллерийских орудия [5].

7 мая 1854 г. на Шилкинский завод прибыл Муравьев. 14 мая экспедиция двинулась по реке Шилке вниз к Амуру, 18 мая вышли к Усть-Стрелке – казачьему караулу при слиянии Шилки и Аргуни. Отсюда началось плавание по Амуру. Трубачи заиграли гимн. Н.Н.Муравьев, зачерпнув стакан амурской воды, поздравил экипаж с началом плавания по Амуру. 20 мая флотилия приблизилась к месту древнего Албазина. Оркестр снова заиграл гимн. Суда и баржи причалили к берегу. Путешественники почтили память «русских храбрецов», защищавших здесь рубежи России в XVII в. На следующий день караван продолжил плавание. Оно было нелегким, поскольку фарватер реки был неизвестен, и суда часто застревали на отмелях. Тем не менее 15 июня караван достиг Мариинского поста. Часть войск была отправлена на Камчатку, 200 чел. были поставлены на строительство дороги от Мариинского поста до Де-Кастри, остальных по Амуру сплавили в Николаевский пост. Казачья сотня и артиллерийская батарея были оставлены в Мариинском.

Таким образом, первый сплав по Амуру положил начало речному судоходству на Амуре. В результате этого сплава были существенно укреплены прибрежные территории низовьев Амура и пополнен гарнизон Петропавловска-Камчатского.

После завершения первого сплава, осенью 1854 г., Н.Н. Муравьев вернулся в Иркутск и начал подготовку нового сплава войск по Амуру. В сложившейся международной обстановке необходимо было усилить обороноспособность низовьев Амура. Намечено было также переселить сюда крестьянские семьи из Иркутской губернии и Забайкальской области.

20 апреля 1855 г. Н.Н.Муравьев отправился из Иркутска на Шилку. Начинался первый этап массового переселения казаков на Амур и Уссури.

На первом этапе, охватывавшем 1855–1862 гг., для закрепления за Россией земель по левобережью р.Амур и правобережью р.Уссури, была переселена большая группа забайкальских казаков. Вместе с ними для успешного обустройства на новом месте выделялись штрафованные нижние чины гарнизонных батальонов внутренней стражи, прозванные в народе «сынки». В помощь казакам выделялись также солдаты линейных батальонов, которые должны были помочь строить жилища, оказывать помощь в сельскохозяйственных работах.

29 апреля 1855 г. пароход, баржи и плоты двинулись вниз по Шилке, а затем по Амуру. В состав каравана входило около тысячи солдат и офицеров линейных батальонов, 51 семья (481 чел.) крестьян-переселенцев, сводный казачий полубатальон пеших казаков (317 чел. при 5 офицерах) и сотня конных, предназначенных для обороны устья Амура [6]. В его низовьях конные казаки образовали первую казачью станицу – Сучи. Недалеко от нее, в окрестностях озера Кизи, крестьяне-переселенцы этого сплава основали пять крестьянских сел. Войска и артиллерия были размещены в устье Амура.

В следующем, 1856 г., на Амуре были поставлены еще несколько постов – Кутомандский, Кумарский, Хинганский, Сунгарийский, а также Усть-Зейский, основанный на устье р.Зей, впадающей в Амур по его

левому берегу. Он положил начало основанию станицы Усть-Зейская (будущему г. Благовещенску). Всего на этих постах было размещено четыре сотни забайкальских казаков.

Переселение на Амур основной массы забайкальских казаков началось в 1857 г.

27 мая 1857 г. караван барж, плотов, лодок с двумя паровыми катерами, солдатами линейных батальонов, казаками, служащими, годовым запасом продовольствия и повседневными орудиями труда, во главе с Н.Н. Муравьевым, тронулся вниз по р. Шилке, затем по Амуру. 3 июня сплав был уже у Усть-Зейского поста. Сплавленные сюда солдаты начали обустривать территорию для семей казаков будущей Усть-Зейской станицы и готовить для себя зимние квартиры. Первоначально строили землянки и мазанки, которые, как показала практика, для суровой амурской зимы оказались непригодными.

Летом 1857 г. по левому берегу Амура от Усть-Стрелки до Хинганского хребта были основаны 15 казачьих поселений: Игнашино, Албазино, Бейтоново, Ольгинское, Кузнецовское, Аносово, Кумарская, Казакевичево, Корсаково, Бибикино, Усть-Зейская, Иннокентьевское, Пашково и др. Всего в них было расселено около двух тысяч человек казаков.

Названия селениям давались по именам землепроходцев XVII в. и активных соратников Муравьева в борьбе за решение Амурского вопроса.

На заседании Особого Амурского комитета в Петербурге Н.Н. Муравьеву поручили продолжать заселение Амура и переговоры о границах с Китаем.

Встреча с китайскими представителями Н.Н. Муравьева состоялась в пределах Китая – в Айгуне. Там 16 мая 1858 г. приемлемый для обеих сторон текст договора был согласован и подписан. Главный итог переговоров: левый берег Амура признавался принадлежащим России, правый берег Амура до р. Уссури – принадлежащим Китаю. Приморье было оставлено в совместном владении. Айгунский договор решил проблему взаимовыгодного геополитического размежевания пограничных территорий. Это был выдающийся успех многолетних усилий Н.Н. Муравьева, его надежных соратников, самоотверженности рядовых участников решения Амурской эпопеи.

Возвратившись в Усть-Зейскую станицу, Н.Н. Муравьев огласил приветственный приказ: «Товарищи! Поздравляю Вас! Не тщетно трудились: Амур сделался достоянием России!» [7]. Айгунский договор получил высокую оценку в Петербурге. По представлению Муравьева активные участники были награждены орденами, удостоены материального поощрения и повышены по службе. Н.Н. Муравьев был возведен в графское достоинство с прибавлением к фамилии титула «Амурский».

После подписания Айгунского договора необходимо было заселить Дальний Восток и организовать его хозяйственное развитие, административное управление, обеспечить обороноспособность региона и охрану его границ.

В 1858 г. на Амур было организовано переселение нескольких тысяч забайкальских казаков – трех сотен конного Амурского полка и пешего батальона. Многие казачьи семьи вселялись в уже существовавшие селения, но были созданы и 35 новых населенных пунктов.

29 декабря 1858 г. император Александр II подписал указ об образовании Амурского казачьего войска в составе двух конных полков и двух пеших батальонов – Амурского (по Амуру до Уссури) и Уссурийского (по Уссури). 1(13) июня 1860 г. императором было подписано специальное «Положение об Амурском казачьем войске», в котором регламентировалось правовое положение войска, его организационные основы, обязанности казаков и т. д.

В 1858 г. началось расселение забайкальских казаков и в Приморской области. Вблизи устья Уссури в трех станицах (Казакевичево, Корсаково и Невельской) обосновались семьи казаков Уссурийского пешего батальона общим количеством 1371 чел. С этих первых станиц началось расселение казачьих семей по всему правому берегу Уссури: в 1859 г. – 618 чел.; в 1860-м – 5 326 [8]. В частности, в 1859 г. на р. Уссури казаки-забайкальцы основали станицу Козловская и ряд поселков – Аргунский, Венюковский, Верхне-Никольский, Графский, Ильинский, Княжеский, Лончаковский.

Всего, начиная с 1857 г., на Амур и Уссури было переселено забайкальских казаков: в 1857 г. – 2400 чел. (включая и членов семей), в 1858-м – 1649, в 1859-м – 1649, в 1860-м – 1884, в 1861-м – 1291, в 1862-м – 743 чел. К середине 1860-х гг. было основано 55 казачьих станиц и поселков, в которых насчитывалось около 10 тыс. чел. [9].

После заключения Айгунского договора граф Н.Н. Муравьев-Амурский настойчиво добивался решения вопроса об окончательном признании прав России в Приморье Южно-Уссурийском крае). 2 ноября 1860 г. в результате усилий русской дипломатии был заключен Пекинский договор, признававший Приморье полностью владением России. Включение Приамурья и Южно-Уссурийского края в состав России упрочило ее положение в Тихом океане и способствовало экономическому освоению богатейшего Дальневосточного региона.

Второй этап переселения казаков на востоке России был осуществлен в течение 1879 г. Основная цель переселения – необходимость пограничной охраны русско-китайской границы от оз. Ханка в южном направлении вплоть до границы с Кореей и хозяйственное освоение Южно-Уссурийского края. В Южное Приморье было переселено более двух с половиной тысяч казаков, живших на р. Уссури. Казаками Уссурийского казачьего батальона было образовано десять новых поселков: Александро-Никольский, Благодатный, Богуславский, Борисовский, Комиссаровский, Константиновский, Нестеровский, Платоно-Александровский, Полтавский и Фадеевский [10].

Эта рассредоточенность и демографический прирост населения, вследствие улучшения условий жизни, позволили в 1889 г. выделить казачье население по берегам р. Уссури и Южно-Уссурийского края в самостоятельное Уссурийское казачье войско. В отличие от забайкальцев, переселившихся в 1858–1860 гг., в составе которых были только их земляки, к жителям этих поселков в конце XIX – начале XX в. подселяли часть казаков из Оренбургского и Донского войска, прибывших в этот период в Приморье. Население этих поселков пополнили также некоторые крестьянские семьи, приписанные в казаки.

Третий этап казачьего переселения на Дальний Восток начался в 1895 г. и завершился в первое десятилетие XX в. В этот период пополнялось в основном Уссурийское казачье войско. Основная цель этого перемещения казаков – обеспечение охраны территории вдоль строящегося полотна железной дороги Владивосток-Хабаровск, в пополнении молодого дальневосточного казачества «коренными» казаками из европейской части России и в общем увеличении численности казачества в Дальневосточном регионе. В этот период в Южно-Уссурийский край прибыли в основном представители Донского, Оренбургского, Терского, Кубанского войска, но были, хотя и в меньшем количестве, забайкальцы. Казаки-забайкальцы, в частности, в 1895 г. основали в Приморье Аргуньский, Ново-Троицкий и вторично заселили пос. Забайкальский (в 1858 г. первоначально основан забайкальцами, которые в 1879 г. переселились в Южно-Уссурийский край). Всего в 1895–1902 гг. в Приморье было переселено 7548 казаков [11], преимущественно выходцев из южных и центральных районов России.

Количество переселенцев-казаков в Амурскую область на третьем этапе переселения казаков в Дальневосточный регион, было значительно меньше, чем в Южно-Уссурийский край (137 семей в 1895–1901 гг. и 1667 – в 1901–1909 гг. [12]). Это были казаки из Донского, Кубанского и Оренбургского казачьих войска. Нового прилива забайкальцев в Амурское казачье войско в этот период не было.

Такова краткая история переселения казаков-забайкальцев на территории Амурского и Уссурийского казачьих войска. Оно было непростым. Согласно «Положению об Амурском казачьем войске» на амурских, а затем и уссурийских казаков возлагались довольно обременительные повинности: обеспечивать охрану границы, для чего требовалось постоянно вести патрулирование; поддерживать в надлежащем состоянии дороги между селениями; заготовливать дрова для пароходов; охранять и конвоировать заключенных; наблюдать за общественным порядком и спокойствием; осваивать выделенные войску территории и вести свое хозяйство, за счет которого обеспечивать себя продовольствием, одеждой и обмундированием, содержать коня (для конных полков), приобретать оружие; строить административные помещения и хозяйственные сооружения, осуществлять почтовую гоньбу и др.

Особенно тяжело было казакам-переселенцам первого этапа переселения. Их переселение на Дальний Восток, хотя и предполагалось по желанию или по жребию, на самом деле оказалось принудительным. Непривычные природные условия, гнус, оводы, наводнения, непродуманность начальства в организации мест поселения, принудительная разработка первых пашен в тайге и др. вызывали у казаков апатию. И хотя казакам предоставлялись некоторые льготы – налоговые, освобождение от государственного земского сбора, право беспроцентной торговли в пределах войсковой территории, пользование земельными, сенокосными и лесными угодьями и др. – освоиться и адаптироваться к местным условиям жизни они смогли лишь спустя несколько лет после своего водворения на Амуре и Уссури.

С точки зрения интересов государства создание казачьего пограничного населения в Дальневосточном регионе было выгодным делом. В необжитом крае, при бездорожье, отсутствии налаженного хозяйства, содержание регулярных пограничных войск было бы чрезвычайно затруднительно. Казак же обеспечивал себя сам. При незначительных затратах государства на первоначальное обустройство казаки могли исправно нести пограничную службу и выполнять иные многообразные повинности. И вместе с тем они обживали и осваивали новый край. Именно благодаря дальневосточному казачеству, основу которого составили забайкальские казаки, на Дальнем Востоке в середине XIX в. были успешно восстановлены суверенные права России на Приамурье и Приморье. Россия утвердилась на восточных рубежах, получив возможность стать мостом между азиатским Востоком и европейским Западом. Тем самым создавались исключительно благоприятные возможности для усиления роли России в мировом сообществе, превращения ее в мощный фактор геополитического влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Источники и литература

1. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. – М., 1985. – С. 54.
2. Там же. – С. 35.
3. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. – Благовещенск, 2008. – С. 262.
4. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. – М., 1983. – С. 65.
5. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века. – С. 242–243.
6. Там же. – С. 262.
7. Там же. – С. 257.
8. Там же. – С. 258.
9. Там же. – С. 262.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1582. Оп.1. Т.1. Л.97, 119-120, 170.
11. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. – С. 117, 118.
12. Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения: Дис... канд. ист. наук. – Владивосток, 1995. – С. 46.

Коми-зыряне Пермской губернии по материалам Первой всеобщей переписи 1897 г.

Ценнейшим источником по демографической истории России конца XIX в. являются материалы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи». Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской Империи проводилась по состоянию на 9 февраля (28 января) 1897 г. В основе ее организации и программы был проект В. П. Семенова Тянь-Шанского. В период с 1897 по 1905 г. ЦСК осуществил публикацию материалов переписи отдельно по каждой губернии, а также издал «Общий свод материалов переписи». Несмотря на то, что некоторые материалы переписи обладают неточностями по ряду вопросов, тем не менее современными исследователями признается достоверность большинства сведений переписи 1897 г. Перепись позволяет установить численность населения, его состав, брачную структуру, возрастную-половую, среднюю продолжительность жизни различных категорий населения и др. Материалы переписи также дают возможность определить этнический состав населения и раскрыть ряд вопросов, связанных с этнической проблематикой, что является крайне ценным по причине довольно небольшого числа источников XIX в. по данной тематике.

Демографическая характеристика различных народов, населявших Российскую империю на рубеже веков, представляет особый интерес для исследования, так как именно в этот период активно шли переселения, происходило усиление межнациональных связей, ослабевала этническая замкнутость. В данной работе рассматривается ряд вопросов, связанных с изучением коми-зырянского населения Пермской губернии конца XIX в. Отдельные материалы переписи 1897 г. неоднократно использовались в исследованиях по истории коми [1]. В основном ученые привлекали сведения о населении по Коми краю (условное название), состоящему из Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии и Печорского уезда Архангельской губернии. Разносторонняя характеристика жителей Коми края по материалам переписи 1897 г. была проведена О.Е. Бондаренко [2]. Ею были рассмотрены сословный, национальный, половой составы жителей региона, распространение грамотности среди различных категорий населения, миграционные процессы и хозяйственные занятия. Общая численность коми, проживавших в Российской губернии, а также подсчеты численности коми по губерниям были приведены в работе А.И. Терюкова [3].

Население Пермской губернии в рассматриваемый период было достаточно многообразным по этническому и конфессиональному составу. По численности доля русского населения в составе губернии являлась доминирующей. К другим довольно многочисленным этническим группам, проживающим на территории Пермской губернии во второй половине XIX в., относились коми-пермяки, башкиры и татары, затем в порядке убывания шли марийцы, удмурты, манси и коми-зыряне. Как отмечают исследователи, в Пермской губернии во второй половине XIX в. сложились постоянные ареалы расселения различных народов, их границы приобрели стабильность, а этническая структура губернии отражала соотношение народов, исторически её населявших [4]. Кроме того, во второй половине XIX в. произошло некоторое расширение этнического состава Пермской губернии за счет украинцев, белорусов, поляков, немцев, евреев, литовцев и латышей. По материалам переписи 1897 г. распределение населения по территории Пермской губернии выглядело следующим образом [5]. Почти исключительно русскими являлись Ирбитский, Камышловский и Оханский уезды. Коми-пермяки проживали в основном в двух уездах Пермской губернии – Соликамском и Чердынском; башкиры, главным образом, – в Осинском уезде, а также в Красноуфимском, Шадринском, Екатеринбургском и Пермском уездах. Татары сосредоточивались преимущественно в Красноуфимском, Осинском, Пермском, Кунгурском уездах. Марийцы проживали в Красноуфимском и двух деревнях Кунгурского уезда, удмурты – в Осинском и в небольшом количестве в Красноуфимском уездах, манси – в Верхотурском уезде и малым числом в Ирбитском и Красноуфимском уездах. Коми-зыряне в основном проживали в Верхотурском и Чердынском уездах.

По переписи 1897 г. в Пермской губернии насчитывалось 4474 коми-зырян (3 290 муж. и 1 184 жен.), что составляло 0,15 % от общей численности населения губернии. Всего в различных губерниях Российской империи проживали 153 618 коми-зырян. Основная доля комиязычного населения была сконцентрирована на территории Коми края. По Усть-Сысольскому уезду Вологодской губернии насчитывалось 82 936 зырян, в Яренском уезде той же губернии – 31 592, в Печорском уезде Архангельской губернии число зырян достигало 21 971 чел. В общей сложности в Вологодской губернии проживало 114 966 зырян (52 762 муж. и 62 204 жен.), в Архангельской губернии – 23 259 чел. (11 058 муж. и 12 201 жен.). Коми-зыряне составляли от численности всего населения этих губерний 8,6 и 6,7 % соответственно [6].

* Вишнякова Дарья Викторовна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.

В Пермской губернии зыряне проживали во всех её 12 уездах, однако распределение их по территории было неравномерным. В Пермском уезде насчитывалось 545 коми-зырян (319 муж. и 385 жен.), в Верхотурском – 1466 чел. (1334 муж. и 132 жен.), Екатеринбургском – 32 (15 муж. и 16 жен.), Ирбитском – 186 (149 муж. и 37 жен.), Камышловском – 9 чел. (4 муж. и 5 жен.), Красноуфимском – 68 (31 муж. и 37 жен.), Кунгурском – 745 (346 муж. и 399 жен.), Осинском – 48 (23 муж. и 25 жен.), Оханском – 20 (9 муж. и 11 жен.), Соликамском – 182 (131 муж. и 51 жен.), Чердынском – 1121 (902 муж. и 219 жен.), Шадринском – 53 чел. (27 муж. и 26 жен.). Демографический рост второй половины XIX в. способствовал развитию городов Пермской губернии и росту абсолютной численности населения, в особенности в крупных городах. Этническая структура городов губернии была достаточно сложной и насчитывала более 10 национальностей, при этом удельный вес русского населения преобладал абсолютно во всех городах. На долю коми-зырян в общегородском населении приходился незначительный процент, тем не менее, по данным переписи 1897 г., в г. Кунгуре зыряне составляли 3,3 % от всего населения, в г. Чердыни – 1,6 %. Всего в различных городах Пермской губернии проживал 741 коми-зырянин (356 муж. и 385 жен.): в г. Перми насчитывалось 47 чел. (16 муж. и 31 жен.), в г. Верхотурье – трое мужчин, г. Алопаевске – шестеро мужчин, в г. Екатеринбурге – 20 чел. (9 муж. и 11 жен.), г. Ирбите – 39 (19 муж. и 10 жен.), в г. Камышлове – 2 (1 муж. и 1 жен.), в г. Красноуфимске – 29 (14 муж. и 15 жен.), в г. Кунгуре – 476 (216 муж. и 260 жен.), в г. Осе – 20 (6 муж. и 14 жен.), в г. Соликамске – 18 (1 муж. и 17 жен.), в г. Чердыни – 60 (49 муж. и 11 жен.), г. Шадринске – 31 чел. (16 муж. и 15 жен.). В целом городское коми-зырянское население составляло 16,5 % от численности всех зырян, находившихся на территории губернии, в то время как в Вологодской губернии зыряне, проживающие в городах составляли 3,5 % от общей своей численности, в Архангельской – 3,3 %.

Материалы переписи 1897 г. позволяют также судить и о составе коми-зырянского населения Пермской губернии. Подавляющее большинство зырян относилось по вероисповеданию к православию. Из 4464 зырян Пермской губернии только 10 чел. (6 муж. и 4 жен.) числились по Переписи как приверженцы старообрядчества. Социальный состав зырянского населения в 1897 г. выглядел следующим образом: один человек из представителей духовного сословия, 237 мещан (164 муж. и 73 жен.), 4234 крестьянина (3123 муж. и 1111 жен.) и двое человек, не принадлежащих к этим группам. Таким образом, структура комиязычного населения Пермской губернии по вероисповедальной и социальной принадлежности была достаточно однородной. Аналогичным образом выглядела и структура коми населения, проживающего на территории Вологодской и Архангельской губерний. Так, по Вологодской губернии православные среди зырян составляли 98 %, по Архангельской – 99,6 %, по Пермской – 99,8 %. В социальном составе зырянского населения этих губерний подавляющее большинство принадлежало крестьянам.

Половозрастной состав коми-зырянского населения Пермской губернии имел ряд особенностей. Данные переписи 1897 г. свидетельствуют о значительном превалировании удельного веса мужской части населения над женской среди зырян населявших губернию. Так, на долю мужчин приходилось 73,5 %, а на долю женщин – 26,5 % от их общей численности. Возможно, подобное положение было связано с более высокой миграционной активностью мужского населения, переселявшегося с исконной этнической территории коми в более отдаленные края. В целом же для коми были характерны самые низкие среди других восточно-финских народов общие показатели соотношения численности полов. А в возрастных группах 20-29 лет и 30-39 лет дефицит мужского населения был выражен еще более ярко. По подсчетам С.Лаллуки, у коми на 100 женщин в возрасте от 20 до 30 лет приходилось 72 мужчины той же возрастной категории, на 100 женщин в возрасте от 30 до 40 лет мужчин приходилось 78,1. В то время как по Российской империи в целом на 100 женщин в возрастной группе 20-29 лет приходилось 97,1 мужчин, а в следующей возрастной категории соотношение полов было равным [7]. Таким образом, как показывают материалы переписи 1897 г., среди зырянского населения Пермской губернии, находящегося за пределами традиционных этнотерриторий, соотношения численности полов имели обратный порядок.

Для возрастной структуры коми-зырян Пермской губернии была характерна высокая доля юношеских и средних возрастных групп. Дети до года среди коми-зырян Пермской губернии составляли 1 %, по Вологодской и Архангельской губерниям по 4 %; от года до 9 лет – 7 %, 26 % и 25 % соответственно; жители в возрасте от 10 до 19 лет – 24 %, 22 %, 23 % соответственно; в возрастной группе от 20 до 29 лет – 29 %, 15 % и 15 % соответственно; в возрасте от 30 до 39 лет – 17 % в Пермской губернии и по 11 % в Вологодской и Архангельской губерниях; от 40 до 49 лет – 13 % и по 9 % соответственно; от 50-59 лет – 5 % и по 6 % соответственно; от 60 лет и старше – 4 % и по 7 % соответственно. В целом же различия в пределах всего коми-зырянского населения были незначительными, также не существенными были различия возрастных структур в сравнении со всем населением России. Таким образом, превалировала модель населения с высокой рождаемостью и низкой продолжительностью жизни. Тем не менее следует отметить, что доля лиц нетрудоспособных возрастов среди коми населения Пермской губернии была меньше, чем среди коми

населения Вологодской и Архангельской губерний, в связи с чем удельный вес лиц трудоспособного возраста был более весомым.

Трудовая деятельность коми-зырян Пермской губернии была довольно разнообразной. До конца XIX в. Пермская губерния являлась главным районом горнозаводской промышленности России. В течение длительного периода край оставался основным поставщиком меди, золота и платины в стране. Постоянно увеличивалось производство соли. В 1881–1883 гг. с пуском Березниковского содового завода появилась химическая промышленность. К концу XIX столетия часть металлургических заводов изменила или расширила свою специализацию, преобразовавшись в машиностроительные. Довольно значительная часть комиязычного мужского населения была занята в лесном производстве – 1666 чел. Мужчины трудоспособных возрастов также занимались земледелием – 353 чел., изготовлением одежды – 206 чел., были заняты в сфере обслуживания – 112 чел., ремонтно-строительных работах – 50 чел., 80 мужчин были задействованы в работах, связанных с добычей руд, выплавкой и обработкой металлов, 68 чел. занимались обработкой продуктов животноводства и продуктов питания. Торговлей занималось 30 чел., врачебной и санитарной деятельностью – восемь мужчин, двое – учебной деятельностью, 9 чел. состояло на государственной службе. Женское население было занято в лесных промыслах – 102 женщины, в сфере обслуживания – 135 женщин, земледелии – 38, 30 коми-зырянок были вовлечены в деятельность по поддержанию чистоты и гигиены, 29 женщин избрали в качестве основного рода занятий богослужение.

Распространение грамотности среди населения, по данным переписи, было незначительным. Тем не менее коми-зыряне по уровню грамотности занимали среднее положение между русскими и другими финно-угорскими народами Пермской губернии. Среди зырян грамотными числилось 25,8 % мужчин и 5,9 % женщин, для сравнения среди русских грамотой владели 29,3 % мужчин и 10,8 % женщин, среди манси – 19,4 % и 5,8 % соответственно, среди коми-пермяков – 11,4 % и 1,3 % соответственно, среди удмуртов – 10,1 % и 0,7 % соответственно, среди марийцев – 7 % и 0,4 % соответственно.

Материалы переписи 1897 г. позволяют также рассмотреть еще один немаловажный вопрос, касающийся семейного состояния населения. Статистики, как правило, выделяют три его вида: никогда не состоявшие в браке, вдовы и разведенные. Зыряне, никогда не состоявшие в браке, составляли 49 % от общей своей численности по Пермской губернии и насчитывали 2198 чел. (1607 муж. и 591 жен.), в браке находилось 46 % зырянского населения: 2094 чел. (1634 муж. и 460 жен.), вдовы составляли 4 %: 178 чел. (47 муж. и 131 жен.), в разводе числилась одна коми-зырянка, также двое мужчин и одна женщина не указали своего семейного положения. Таким образом, около половины зырянского населения губернии составляли холостые и девицы (в эту категорию включались также лица еще не достигшие брачного возраста), чуть менее половины составляли лица, находящиеся в браке. Следует отметить, что большая часть среди вдовых принадлежала женщинам. Данное положение было связано не столько с большей смертностью мужской части населения, сколько с тем обстоятельством, что повторные браки заключались преимущественно мужчинами. Вторично женившись, мужчины выбирали, как правило, себе в жены женщин значительно моложе их, тогда как повторные замужества вдов были малочисленными. Возможность вторичного замужества вдовы получали, либо рано потеряв супруга, либо не имея большого числа детей. Подобное положение было характерно и для зырянского населения уездов Коми края. Приблизительно только одна треть повторных браков по Коми краю приходилась на женщин и две трети на мужчин. Схожие тенденции наблюдались также в целом по Европейской России, однако там на долю женщин в повторных браках приходилось около 39 %.

Таким образом, коми-зырянское население Пермской губернии, проживающее за пределами исконной этнической территории, имело схожие демографические характеристики с коми-зырянским населением в целом. Тем не менее, вовлеченность в сложную этническую структуру жителей губернии, стирание этнической замкнутости, тесные контакты с иноязычным населением определенным образом повлияли и на демографическое, и на хозяйственное, и на культурное развитие рассматриваемой этнической группы, представленной среди других народов Пермской губернии в конце XIX в.

Источники и литература

1. История Коми с древнейших времен до конца XX в. В 2 т. – Сыктывкар, 2004. – Т. 1. – С. 386–388; Пинаевский Д.И. Трудоспособное население Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в конце XIX–XX вв. // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. – Сыктывкар, 1997. – С. 94–96; Сорокин П.А. Современные зыряне // Этнографические этюды / Сост. Д.А. Несанелис, В.А. Семенов. – Сыктывкар, 1999. – С. 112.
2. Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX в. (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. – Сыктывкар, 1983. – С. 154 – 163. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР; Вып. 29).
3. Терюков А.И. Комиын 1897 воын перепись йылъсь // Войвыв кодзыв. – 1977. – № 6.
4. Козлова В.Ю. Этническая, конфессиональная и социальная характеристика населения городов Пермского Прикамья на рубеже XIX–XX веков // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: сборник научных трудов.

Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.). – М.; Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 185; Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. – Екатеринбург, 2002. – С. 28–29.

5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. XXXI. – СПб., 1904. – С. 96–97.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния. Тетр. 3. – СПб., 1904. – С. 110–111; Вологодская губерния. Тетр. 2. – СПб., 1904. – С. 66–69; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения. Т. II. – СПб., 1905.

7. Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. – СПб., 1997. – С. 175.

Выходцы из стран Западной, Центральной и Северной Европы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.

Большая часть выходцев из стран Западной, Центральной и Северной Европы на время появления в Туркестане были российско-подданными и прибыли сюда вместе с русскими переселенцами после 1867 г. Однако в это же время в край начали прибывать и европейцы-иностранноподданные.

Некоторых из них привлекали перспективы экономического роста, других – научные исследования, третьи приезжали сюда в поисках большего заработка, а иные ради путешествий. Причем среди тех, кого привлекали экономические возможности Туркестана явственно можно выделить две группы: одни ехали лишь с кратковременными торговыми и коммерческими целями – закупить сырье или выгодно продать продукцию тяжелой промышленности, в которой нуждался край вследствие быстрого роста потребностей? связанных с появлением новых капиталистических отношений; другие, приезжая в Туркестан, основывали здесь производства с применением новых методов и технологий и использованием дешевого сырья, приносившие немалый доход.

К тем, кто прибывал в Туркестан в поисках заработка, можно отнести не только гувернанток и учителей иностранного языка, но и музыкантов, артистов, гастролирующих по Туркестану. Известны случаи, когда европейцы различных профессий приезжали сюда с целью посещения клиентов [1], например: стоматологи, парикмахеры, ювелиры.

Немало сохранилось сведений и о европейцах-ученых, работавших в крае. Среди них были как российско-подданные, так и подданные иностранных государств. Интересен тот факт, что даже о тех европейцах, которые приезжали сюда лишь с целью путешествий, сохранились подробные архивные сведения, сообщающие о маршрутах, некоторых предметах багажа и даже о благонадежности [2]. Все это говорит о том, что за въезжающими иностранцами был установлен контроль, который, как мы видим из документов, периодически усиливался [3].

О контроле над иностранцами говорит наличие четких правил посещения иностранцами Туркестана [4], негласного надзора и списка мест, куда доступ иностранцам был строго воспрещен. Отношение к европейцам со стороны русского правительства в Туркестане в рассматриваемый период обусловлено международными взаимоотношениями, которые можно проследить на основе договоров между Россией и европейскими государствами. На базе этих договоров разрабатывается законодательная основа пребывания здесь европейцев.

С особой осторожностью российское правительство относилось к подданным Великобритании, Германии и Австрии. Более благосклонно из рассматриваемых европейцев принимались чехи, французы и итальянцы [5].

Существует мнение, что вследствие пристального внимания со стороны русского правительства к гражданам Великобритании последние стали с меньшей охотой посещать Туркестан. Но архивные документы говорят об обратном. Подданные Великобритании не потеряли интерес к краю, а даже наоборот он возрос. Их пребывание и деятельность здесь освещены архивными документами, пожалуй, лучше, чем, скажем, деятельность французско-подданных. Возможно, данный факт связан с более пристальным вниманием со стороны царского правительства, а сведения о подданных других европейских государств вносились в документы не так тщательно или хранились не столь длительный срок, вследствие чего были утеряны, и мы не можем судить о них в полной мере. Тем не менее можно сказать, что с 1911 по 1917 г. подданных Британской короны, прибывших в Туркестан, на порядок больше, чем подданных Франции.

Хотя все немцы и австрийцы, проживающие в Туркестане в период Первой мировой войны, были объявлены военнопленными, надо сказать, что национальная принадлежность все же не была решающим фактором в вопросе благонадежности иностранцев [6]. Иногда достаточно было прошения-поручительства либо денежного залога для снятия статуса военнопленного [7]. Были даже составлены списки германских и австрийских подданных, которые по возрасту своему должны были считаться военнопленными и высылаться, но вследствие того, что были признаны благонадежными, оставались на местах своего прежнего проживания [8]. Кроме того, надо отметить, что даже те германские и австрийские подданные, которые все же подлежали аресту и выселению, содержались в весьма удовлетворительных условиях. Об этом свидетельствует ряд фактов: семьям военнопленных разрешалось следовать за ними; труд военнопленных обычно применялся

* **Котюкова Татьяна Викторовна** (Москва) – кандидат исторических наук, ученый секретарь Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела. E-mail: kotyukovat@mail.ru

как бесплатная рабочая сила, но согласно документам им выплачивались, пусть и незначительные, деньги за работу; в холодное время года военнопленных отправляли на работы в военных мундирах низших чинов [9].

Та часть европейцев, которая приезжала в Туркестан в поисках заработка, не находилась под пристальным вниманием правительства. Скорее наоборот, оно содействовало приезду сюда специалистов, способных справиться с новой техникой и знающих специфику того или иного производства. Иностранцы, располагавшие крупными финансовыми средствами и создававшие здесь торгово-промышленные фирмы, могли составить серьезную конкуренцию русскому капиталу в Туркестане, и поэтому для них предусматривался ряд законодательных ограничений.

Известно, что в 1901 г. Министр финансов, обратив внимание на то, что «городами и земствами приобретаются за границей или у заграничных фирм на территории России, минуя русские заводы, много таких предметов, которые с успехом могли бы изготавливаться на русских заводах», обратился с просьбой к Министерству внутренних дел оказать содействие тому, чтобы в интересах отечественных производителей ограничить деятельность фирм, продукция которых может с успехом изготавливаться в России [10].

Но основным ограничением явились статьи 207 и 262 Положения об управлении Туркестанским краем, которые запрещали приобретение «земель и вообще недвижимых имуществ лицами, не принадлежащими к русскому подданству...». Позже запрет приобретать земли был распространен и на акционерные общества, в которых имелись капиталы иностранцев-европейцев [11]. Но даже эти ограничения не могли уменьшить заинтересованность европейских предпринимателей в создании в крае своих предприятий и торговых фирм.

Надо сказать, что российское правительство не хотело своими ограничениями полностью изъять иностранный капитал из экономики Туркестана, а лишь желало, чтобы посредниками в этих экономических отношениях выступали русские банки и предприятия, чтобы доходы полностью не ускользали за границу.

Кроме того, иностранцы-европейцы были весьма рачительными хозяевами и умели организовать производства, приносящие большой доход. Многие из них нажили в Туркестанском крае значительные состояния. Чтобы обойти ограничения, часть европейцев старалась перейти в российское подданство [12]. Особенно часто принимали российское гражданство немцы, так как законом в Германии разрешалось иметь двойное гражданство. Многие европейцы принимали российское подданство еще до приезда в Туркестан. К числу таких европейцев можно отнести осевших еще в 50–60-е гг. XIX в. в России немцев братьев – Вогау, баронов Кноп, француза Гудэ и др. [13].

Интересно, что при рассмотрении вопроса о получении российского гражданства одним из главных факторов являлась экономическая выгода для России, а потом уже политическая благонадежность и национальная принадлежность [14]. Правда, на имущество подданных враждебных государств во время Первой мировой войны накладывался секвестр, но и из этой ситуации многие находили выход. Некоторым удавалось избежать наложения секвестра с помощью фиктивных продаж, доверенностей на управление производством, включения в число пайщиков российско-подданных, переименования предприятия и т.д. [15].

Меры по отношению к подданным враждебных государств, проживающих на территории Туркестана, варьировались: здоровые, призывного возраста подлежали выселению в слабозаселенные районы, а невоеннообязанным нужно было либо срочно выехать (причем на их имущество налагался секвестр, а счета в банках замораживались), либо они тоже выселялись. В 1915 г. множество немцев, австрийцев, живших еще до войны в Средней Азии, были оторваны от прежних мест жительства и вместе с семьями переселены в Самарканд, Ашхабад, Аулие-Ата, Актюбинск, Скобелев, Наманган и т.д. без права выезда и под надзор полиции [16].

После войны положение европейцев опять изменилось в лучшую сторону, так как Туркестан испытывал нехватку высококвалифицированных специалистов, особенно в отраслях, связанных с ирригацией, сельском хозяйством и строительством, и им было вновь разрешено переходить в российское подданство.

Правда, на основании выписки из свода «Закона о состояниях Т. IX.», изданной еще в 1899 г., следовало, что до подачи прошения о принятии в русское подданство иностранец должен был прожить на территории России пять лет [17]. К тому времени срок пребывания здесь многих выходцев из Европы был гораздо более продолжительный, но даже в тех случаях, когда этот срок еще не достигал пяти лет, многим европейцы писали ходатайство о разрешении работать в Туркестане до принятия в подданство, и им без особых препон разрешалось работать в крае.

Интересен случай, когда французскому гражданину Гастону Страссу разрешили до принятия в русское подданство работать в горнодобывающей промышленности – производить разведку и добычу золота, даже несмотря на существование правил, по которым иностранцы «не имели права проводить разведки золота и добывать таковое» и вообще, принимать участие во всех стратегически важных производствах [18].

Множество немецких имен мы находим среди тех, кто стоял у истоков разработки и добычи нефти, серебряной и свинцовой руды, ртути, золота, железа, известняка, кварцевого песка, серы, бирюзы и других полезных ископаемых края.

Однако все они приняли российское подданство, а вот попытка австрийско-подданного Фр. Дауера в июле 1876 г. проникнуть в нефтяную промышленность Туркестана не увенчалась успехом [19].

Справедливости ради надо отметить и тот факт, что часть европейцев после окончания Первой мировой войны предпочла вернуться на родину.

Весьма толерантно относилось царское правительство и к европейцам, посещающим Туркестан с целью научных исследований. И даже содействовало в некоторых научных изысканиях, которые соприкасались с интересами правительства. Политическая выгода играла не последнюю роль и здесь. Это хорошо можно проследить на примере отношения правительства к известному шведскому путешественнику Свену Гедину. В 1890 г. он посещает Кашгар, в 1899 г. – Тибет и Индию.

Если говорить о количестве европейцев – выходцев из стран Западной, Центральной и Северной Европы в Туркестане, то в соотношении с 7,5 миллионами населения [20] края, процент их, несомненно, мал. Так, например, к 1911 г. в Туркестане насчитывалось: 8–8,5 тыс. немцев, более 70 выходцев из Великобритании (англичан, шотландцев или ирландцев [21]), около 60 выходцев из Франции, около 50 итальянцев, около 40 чехов (в том числе и чехи – австрийско-подданные), 17 австрийцев [22], 22 шведа (из них четыре миссионера были в Туркестане лишь проездом), 21 бельгиец, 16 датчан, менее 15 выходцев из Норвегии, около 10 швейцарцев, три выходца из Голландии, два выходца из Испании [23]. Выходцев из Португалии в Туркестане в рассматриваемый период обнаружено не было.

В исследовании А.М. Матвеева указывается, что финнов в Туркестане было не менее 25-30 чел. [24]. Но в данном исследовании приводятся данные, собранные в Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан, и сведений о финнах, кроме финно-угорской экспедиции 1898 г. (в составе трех человек) [25], мастерах калачного дела, приглашенных в Ташкент из Выборга в начале XX в. (в таком же количественном составе) и одного члена Туркестанского кружка любителей археологии финна В.А. Каллаура, не обнаружено. Однако сохранились документы, свидетельствующие о том, что правительство собирало в 1910 г. подробные сведения о присутствии финнов или лиц знающих финский язык в Туркестане, и таковых найдено не было. Об этом приводится подробный отчет [26].

Как мы видим среди всех выходцев из стран Западной, Центральной и Северной Европы преобладающее большинство осталось за немцами. В чем причина столь большого численного перевеса немцев по сравнению с другими европейцами и как они появились в Туркестане? Часть немцев – русских подданных появилось в Средней Азии в 60-х гг. XIX в. в результате завоевания Туркестана. В основе своей они являлись военнотрудовыми Оренбургских, Западно-Сибирских и Кавказских батальонов и происходили из прибалтийских губерний. Затем начали приезжать в Туркестанский край, по мере его завоевания, немцы – подданные германских государств. Так, во второй половине 1869 г. в Ташкенте уже было трое прусских и один саксонский подданный. В 1877 г. в Ташкенте было 17 подданных германских государств [27].

В последующие годы небольшие группы выходцев непосредственно из Германии продолжали приезжать в Среднюю Азию.

Стоит отметить, что еще в конце XVIII в. из Германии в Россию по различным причинам эмигрировало значительное число крестьян. Среди них было немало членов секты меннонитов. С разрешения или по приглашению царского правительства немецкие крестьяне-переселенцы (меннониты в том числе) селились главным образом в Поволжье, а также в Таврической, Екатеринославской и других губерниях Российской империи.

Введенная в 1876 г. всеобщая воинская повинность распространялась и на немцев-меннонитов, так они и попали в Среднюю Азию. Только за последние 20 лет XIX в. в Среднюю Азию переселилось 500 немецких крестьянских семей [28]. Но далеко не все переселившиеся в Туркестан немецкие крестьяне были сектантами.

Расселение и устройство немцев-крестьян в Туркестане, занимающихся по большей части земледелием и скотоводством, как и русских переселенцев, натолкнулось на трудности из-за отсутствия свободных земель, и отказа меннонитов нести военную службу в силу религиозных убеждений. По этой же причине немцы-меннониты не могли дать отпор кочевникам-туркменам в Хивинском ханстве, которые разоряли своими грабительскими набегами их хозяйства. Поэтому часть немецких крестьян после неудачных попыток получить или арендовать землю и заняться земледелием начинает расселяться по городам. Здесь они стали заниматься ремеслом, торговлей, извозом и другими видами деятельности.

Так, в русской части Ташкента, например, в начале XX в. проживало около 100 немцев-меннонитов, ставших горожанами [29]. Однако большая часть немецких крестьян-переселенцев получила или арендовала земли главным образом в Сырдарьинской и Закаспийской областях Туркестанского края. Интересен тот факт, что в результате переселения немецких крестьянских семей появились целые немецкие деревни [30].

Немцы-крестьяне, в отличие от других европейцев, контактировали по большей части с коренным населением и очень скоро освоили узбекский язык и местные наречия той области, где проживали. Местной

администрации приходилось даже посылать людей, знающих либо немецкий язык, либо тюркский для сбора информации о немецких переселенцах. Что касается других выходцев из Европы, то они в основном контактировали с русским (русскоязычным) населением.

В Туркестанском крае были представлены европейцы абсолютно всех социальных прослоек и профессий: военнослужащие, прислуга, рабочие, крестьяне, ремесленники, купцы, предприниматели, учителя, врачи, юристы и другие служащие. Но если проследить соотношение этих профессий, то можно выявить следующие тенденции.

Основная часть чехов, австрийцев были владельцами гостиниц, лавок, подрядчиками, медиками, учителями, музыкантами и др. (только один или два чеха были заняты земледелием) [31]. Среди немцев наоборот – большая часть занималась сельским хозяйством, особенно преуспели в этом немцы-меннониты. В основном немецких крестьян-переселенцев получила или арендовала земли и в качестве земледельцев и животноводов в Сырдарьинской и Закаспийской областях Туркестанского края.

Кроме того, немцы-иностранныеподданные занимались в Туркестане предпринимательской, торговой деятельностью, а также были квалифицированными специалистами в различных областях социально-экономической сфере. Они занимали должности машинистов, механиков, мастеров и т.п. и поэтому, как правило, оплачивались лучше, чем рабочие других национальностей, не исключая русских, не имевших высокой квалификации.

С другой стороны, значительная часть этнических немцев, чьи предки много лет назад перебрались в Россию, пришла в край с русскими войсками. После завоевания региона Россией многие немцы занимали высокие административные посты в Туркестане: в 1867–1882 гг. генерал-губернатором Туркестана был генерал-адъютант К.П. фон Кауфман, в 1884–1889 гг. – генерал от инфантерии Н.О. фон Розенбах, в 1914–1916 гг. – генерал от инфантерии Ф.В. фон Мартсон. В 1913–1914 гг. генерал от инфантерии В.Е. Флуг был помощником Туркестанского генерал-губернатора и командующим войсками Туркестанского военного округа. В 1905–1906 гг. военным губернатором Самаркандской области был генерал-майор С.Д. Гескет, в 1911–1917 гг. военным губернатором Ферганской области был генерал-лейтенант А.И. Гиппиус и т.д.

Членами Ташкентской лютеранской общины были 73 высокопоставленных немца (военной или штатской службы) [32]. Кроме того, та небольшая часть немецких переселенцев, чьи попытки получить или арендовать землю и заняться земледелием не увенчались успехом, начинают расселяться по городам населенным пунктам. Здесь они стали заниматься ремеслом, торговлей, извозом и другими видами деятельности [33].

В конце XIX – начале XX в. численность немцев, занятых ремеслом, колебалась в пределах 200–250 чел. Это были работавшие сами владельцы и рабочие мелких ремесленных мастерских и предприятий. Около 50 немцев, включая живущих в Хивинском ханстве, занимались плотницкими, столярными и кузнечными работами. В результате в их руки попала также починка различного сельскохозяйственного инвентаря и машин по очистке хлопка. Особенно эти виды деятельности хорошо освоила та часть немцев-менонитов, которые сделались горожанами. Они систематически выполняли различные заказы хана хивинского и стали «пользоваться его расположением».

В числе скандинавов были ремесленники, служащие, представители и рабочие торговых и промышленных фирм. В числе шведов, норвежцев и датчан, принявших русское подданство, было несколько чиновников. Наиболее многочисленную группу французов и швейцарцев составляли учителя (особенно французского языка), гувернантки, врачи и другие представители интеллигенции, реже они были ремесленниками, содержателями ресторанов и гостиниц, представителями торговых, швейцарцы – представители часовых фирм.

Среди итальянцев преобладали рабочие и инженеры (в том числе специалисты по прокладке туннелей), были также содержатели трактиров и предприятий по изготовлению прохладительных напитков, торговцы и ремесленники. Выходцы из Англии – преподаватели английского языка, гувернантки, портные, представители торговых и промышленных фирм. Бельгийцы – квалифицированные инженеры и рабочие (связанные с Бельгийским акционерным обществом Ташкентского трамвая), ремесленники и торговцы.

Что привлекало в Туркестан всех этих людей?

Граждан Италии больше всего привлекала дешевизна сырья для изготовления шелка. Местное шелководство питало своим сырьем шелкоразмоточную промышленность иностранных государств. Французам принадлежит заслуга наладки производства грены в крае. Им также принадлежит первенство открытия бумагопрядильных фабрик. Немцев привлекала сельскохозяйственная сфера – природные условия края, при которых возможно получать по несколько урожаев в год, а также животноводство и связанные с ними производство и торговые операции.

Достаточно широкий круг интересов был в Туркестане у выходцев Великобритании, начиная от закупки хлопчатобумажного волокна и шерсти до закупки солодкового корня и различных лекарственных сборов. Есть сведения, что англичан интересовала и добыча меди [34].

В крае начала развивается сфера туризма. Сюда прибывают не только туристы-одиночки, любители путешествий, но и целые группы туристов. Англичанин В. Перон неоднократно обращался к царскому правительству за разрешением привезти в Туркестан партию туристов и туристок, и наконец получил разрешение [35].

Значительная часть европейцев в Туркестане была интеллигенция, которая с энтузиазмом занималась изучением Средней Азии. Европейцы внесли свой вклад как в экономическое развитие, так и в образование, научно-культурное развитие края. Этот вклад был очевиден тогда и ощущается до сих пор, несмотря на столь небольшое их количественное присутствие.

Источники и литература

1. ЦГА РУз (Центральный государственный архив Республики Узбекистан), Ф. И-20. Оп. 1. Д. 1241. Л. 86.
2. Там же. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5366. Л. 21, 21об., 25, 25об., 28, 29.
3. Там же. Оп. 1. Д. 2537. Л. 14-15об.
4. Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 222. Л. 3.
5. Там же. Ф. И-19. Оп. 4. Д. 170. Л. 38, 86.
6. Там же. Л. 1, 18, 90.
7. Там же. Л. 32, 76, 80, 116, 118, 132, 138, 154 и т.д.
8. Там же. Л. 44-46, 99, 105-107, 203-216, 282-284.
9. Там же. Ф. И-737. Оп. 1. Д. 90. Л. 35, 42, 147 и др.
10. Там же. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1251. Л. 13.
11. Там же. Ф. Р-2813 Вексельман М.И. 1905-1991. Личный фонд. Диссертационная работа на соискание ученой степени доктора исторических наук. (Машинописная копия. 1988). – С. 55.
12. Там же. Ф. И-19. Оп. 4. Д. 170. Л. 117.
13. Там же. Ф. Р-2813 Вексельман М.И. Указ. соч. – С. 53-54.
14. Там же. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 5468. Л. 15.
15. Там же. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 28. Л. 179.
16. Там же. Д. 10. Л. 16, 23, 29.
17. Там же. Оп. 4. Д. 483. Л. 3.
18. Там же. ЛЛ. 4, 6-9, 11-14, 16.
19. Там же. Оп. 15. Д. 257. Л. 1-11.
20. Цифра приводится по данным книги: Центральная Азия в составе Российской империи. – М., 2008. – С. 382-383.
21. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 32. Д. 322. Л. 249, 402.
22. Учесть собственно численность австрийцев в Туркестане крайне сложно, так как среди австрийско-подданных встречаются зачастую немцы, чехи, словаки.
23. Численность европейцев в Туркестане, приведенная в данном труде, основана не на данных, использованных предшествующими авторами, изучавших данную тему, а на сборе собственно сохранившихся данных ЦГА РУз.
24. Матвеев А.М. указывает, что численность была подсчитана на основании следующих источников: Гиршфельд, Галкин. Военно-статистическое описание Хорезмского оазиса, ч. II, Ташкент. 1903. табл. 3; Обзор Семиреченской области за 1909 г. Верный. 1911. вед. № 2; Обзор Самаркандской области за 1910 г. – Самарканд, 1912. Пр. № 3; Обзор Сырдарьинской области за 1909 г. – Ташкент, 1911. – С. 17-19; Статистический обзор Ферганской области за 1910 г. Скобелев. 1912. Пр. № 3; Обзор Закаспийской области за 1911 г. – Асхабад, 1915. – С. 69-70; Конопка С.Р. Туркестанский край. – Ташкент, 1912. – С. 8, 114, 115, 171, 177, 194, 210, 250, 295.
25. ЦГА РУз, Ф. И-71. Оп. 1. Д. 11. Л. 78.
26. Там же. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 39. Л. 1-15.
27. Матвеев А.М. К вопросу о выходцах из Германии в Средней Азии в конце XIX – начале XX в. (Материалы к истории пришлого населения Средней Азии) // Научные труды ТашГУ. Материалы по истории и археологии Средней Азии. – Ташкент, 1970. – Вып. 392. – С. 61.
28. История народов Узбекской ССР. – Ташкент, 1947. – Т. 2. – С. 350.
29. Дмитриев-Мамонов А.И. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. – СПб., 1903. – С. 358; Матвеев А.М. К вопросу о выходцах... – С. 6.
30. Назаров Р.Р., Алиева В.Р., Юнусова Д.М. К истории формирования немецкой диаспоры в Туркестане // Узбекистонда этнодемографик жараёнлар (халқаро конференция материаллари) I қисм. – Ташкент, 2005. – С. 215.
31. ЦГА РУз, Ф. И-17. Оп. 1. Д. 11873. Л. 297,299; Ф. И-128. Оп. 2. Д. 1387. Л. 9, Д. 1388. Л. 37; Ф. И-1. Оп. 32. Л. 201, 203.
32. Назаров Р.Р., Алиева В.Р., Юнусова Д.М. Указ. соч. – С. 214.
33. Садыков А.С. О ремесленниках Хивинского ханства конца XIX—начала XX в. // Научные труды ТашГУ. – Ташкент, 19. – Вып. 281. – С. 39.
34. ЦГА РУз, Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3996. Л. 18-19.
35. Там же. Д. 3770. Л. 6.

Семья и брак в старообрядческих общинах коми в конце XIX–XX вв.

Социально-экономические и исторические реалии требовали от староверов создание такой структуры организации конфессионального общества, которая была способна совместить строгие требования, предъявляемые к верующему (аскетизм, неприятие «мира антихриста», сохранение старины), с необходимостью адаптироваться к постоянно изменяющимся жизненным условиям. Таким религиозным институтом стала старообрядческая община, в рамках которой выделялись социально-функциональные страты: истые, соблюдавшие сложную систему запретов, ограждающую их от антихристового мира и мирские, ориентированные нормы и ценности общины, но не соблюдающие все установления. Структурный состав общин, являясь одним из важных инструментов самоорганизации, обеспечивал их жизненную устойчивость, за счет сочетания таких факторов как стабильность, консерватизм и в то же время изменчивости [1]. Эти положения представляют общетеоретический взгляд на структуру и функции старообрядческих общин. Можно предположить, что между конкретными общинами существовали значительные отличия, обусловленные историческими и социально-экономическими факторами, догматическими установками того или иного согласия. В предлагаемой работе сделана попытка проследить связь между структурой общин коми староверов и брачно-семейными отношениями в конце XIX – XX вв. на основе архивных материалов, материалов, собранных в 1960-е гг. Ю.В. Гагариным, и полевых материалах автора.

Староверие было распространено в трех районах, заселенных коми: на Удоре (среднее течение р. Вашка, приток Сев. Двины, современные Важгортский, Пучкомский и Чупровский с/с, Удорский район Республики Коми); в верховьях р. Вычегда (совр. Керчомский и Вочевский с/с, Усть-Куломский район РК); на верхней Печоре (совр. Троицко-Печорский, Вуктыльский и Печорский районы РК). На Удоре и Печоре большинство жителей следовало учению поморского согласия, здесь было незначительное число филипповцев, с конца XIX в. в этих районах появляются последователи учения истинно-православных христиан (странствующих) или, как их называли, бегунов, скрытников. Крестьяне верхней Вычегды являлись приверженцами нетовского толка. В XIX – начале XX в. в большинстве коми деревень староверы и сторонники официального православия проживали совместно, причем последние, как правило, составляли большинство, исключение составляли печорские деревни (табл. 2). Эти факторы оказали значительное влияние на местные религиозные традиции, в том числе и на структуру общин и брачно-семейные отношения.

Имеющиеся данные о половозрастном составе старообрядческих групп фрагментарны. В отчетах о численности староверов указывалось число мужчин и женщин в конкретных приходах. Данные представленные в табл. 1 свидетельствуют о том, что женщин-старообрядок было значительно больше, чем мужчин (их численность иногда в 2-3 раза превышала численность мужчин, напр., в 1864 г.).

Таблица 1

Численность старообрядцев (мужчин / женщин) в Усть-Сысольском и Яренском уездах в конце XIX – начале XX в. [2]

Уезд	1888 г.		1898 г.		1905 г.		1910 г.	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Яренский	45	91	73	161	63	144	105	212
Усть-Сысольский	381	597	916	1206	916	1300	872	1183

Исследователи установили, что на протяжении XIX в. наблюдался значительный дефицит мужчин у коми в возрастных группах от 20 до 30 лет, а также и в более старших возрастных категориях [3]. Данные, представленные в табл. 2, показывают, что численное преобладание женщин характерно практически для всех приходов, в которых имелись староверы; в то же время очевидно, что в старообрядческой среде эта диспропорция является более явной.

В настоящее время сложно сказать, была ли подобная демографическая картина характерна для всех старообрядческих групп. М.В. Пулькин, характеризуя основные демографические тенденции, проявившиеся в старообрядческих скитах на Выге, приводит данные, согласно которым женщины численно значительно превосходили мужчин [5]. Миссионеры указывали, что у коми «женщины являются опорой семьи, воспитательницами детей и устроительницами порядка в доме». Именно они ищут «удовлетворения своим аскетическим стремлениям в мнимых подвигах странничества» [6]. Эти рассуждения перекликаются

* Власова Виктория Владимировна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.

с утверждением П.С.Смирнова, который, анализируя роль женщин в старообрядческом движении, писал, что невозможность полноценного участия в общественной жизни привела к тому, что женщины реализовывали себя в духовной, став «великой силой в русском расколе» [7].

Таблица 2

Численность староверов и официально православных в приходах Яренского и Усть-Сысольского уездов [4]

Приходы	1885 г.				1910 г.			
	РПЦ		Староверы		РПЦ		Староверы	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Важгортский	800	875	28	58	1258	1236	76	154
Чупровский					679	686	28	57
Вочевский	1209	1211	3	5	539	581	19	28
Керчомский					1372	1320	31	54
Помоздинский					1703	1753	7	11
Печорский	229	272	48	74	596	628	17	24
Покчинский					53	48	215	272
Подчерский.					10	8	248	291
Савиноборский	93	163	188	311	91	81	182	247
Усть-Ильчешский					199	224	10	19
Щугорский	143	170	100	157	82	82	143	237

Информация о возрастных характеристиках также неполная, что обусловлено отсутствием систематического сбора информации, картину возрастного состава общины можно представить, основываясь на сведениях, представленных за отдельные годы в следственных документах, полицейских и миссионерских отчетах. В семейных списках староверов Яренского уезда за 1844 записаны Петр Афанасьев Бозов 66 лет, жена его Марья Егорова 56 лет (Важгорт), вдовы Ирина Панкратова Сурина 76, Дарья Андреева Сурова 76, Елена Андреева Лукина 68 (Кривой Наволок) и еще несколько человек в возрасте от 48 до 72 лет из дер. Чирки, Выльгорт, Пучкома. В семейных списках Керчомского сельского общества за этот же год напротив 62 семей из 242 стоит пометка, что они «не признают священства». Отмечено, что в некоторых семьях представители старшего поколения вовсе «не признают священства», тогда как «младшие бывают у исповеди», в других – староверами были и родители, и дети. Например, семья А.Ф. Ваддорова – он сам, и жена, и трое его сыновей 26, 24 и 16 лет, и дочь [8]. В 1860 г. под следствие попали крестьяне Важгортского прихода: 12 мужчин (от 33 до 86 лет, трое – от 80 до 86; большинство в возрасте – 50-60 лет) и 16 женщин (от 29 до 69 лет, шестеро в возрасте от 60 лет, пятеро до 47 лет, четверо от 50) [9]. В судебных делах 1854–1859 гг. встречаются указания на возраст староверов, самому молодому – Емельяну Шахтарову – было 18 лет, он был перекрещен во время болезни, остальные были старше 30 лет [10].

В начале XX в. удорский священник Василий Вишерский писал, что «последователи всех сект первоначально получают крещение православного священника и только уже под старость лет они перекрещиваются» [11]. В 1904 г. волостной старшина С. Шахтаров писал, что в Савиноборской волости «случаев оставления детей раскольников без крещения по обрядам Православной церкви не встречается», также он характеризует и ситуацию в Печорской волости [12]. Факты, приведенные выше, позволяют утверждать, что активную позицию в религиозной жизни старообрядческих общин коми занимали люди среднего и старшего возраста, а молодежь не принимала в ней активного участия. Схожая ситуация была характерна для Русского Севера. Например, среди староверов Архангельской губернии: «отход в раскол бывает наиболее с 50 лет, то есть после «мирских походов» [13].

Последние статистические данные о численности староверов содержатся в научных отчетах Ю.В. Гагарина. В 1963 г. в с. Керчомья староверов было 20-30 человек, только трое «истых», несколько большее количество староверов (точное количество не указано) проживало в деревнях Вочевского и Дзельского сельских советов [14]. Соответственно, численность староверов на верхней Вычегде составляла около 100 чел. Община состояла преимущественно из пожилых женщин. В 1967 г. в ходе опроса 698 чел. на верхней Печоре (с. Покча, Курья, Усть-Унья, дер. Скаляп, Волосница, Пачгино, Светлый Родник, Бердыш) 293 чел. «признали себя верующими», из них 159 (128 женщин, 31 мужчина) – староверами, 120 – скрытниками, причем по оценке исследователя число староверов в районе достигало 500-600 чел., а скрытников – 250 [15]. В Печорском районе (с. Савинобор, Лемты, Лемтыбож, Щугор, дер. Аранец, Даниловка, Концебор, Подчерье) из 701 опрошенного 171 чел. (145 женщин и 26 мужчин) были староверами, 24 – скрытниками и 48 – официально православными. Староверы составляли большинство верующих в дер. Даниловка, Аранец, Щугор [16]. В 1967 г. в Троицко-Печорском районе из 159 староверов наибольшее число верующих приходилось на возрастную группу старше 60 лет – 80 чел. [17]. Опросы населения проводились в с. Пучкома

Удорского района: в 1964 г. здесь было 43 верующих – 34 старовера и девять официально православных, в 1970 г. – 31 верующий (30 староверов (22 истых, 8 мирских), 1 скрытник) [18]. Ю.В. Гагарин отметил, что в 1960-е гг. на Удоре и верхней Печоре часть жителей из официального православия перешла в староверие [19], это привело к тому, что местная религиозная традиция (крещение, погребально-поминальная и праздничная обрядность) оказалась под сильным влиянием староверия.

На Удоре в ходе опросов, проведенных в 1999 г., было выяснено, что лишь немногие пожилые женщины называли себя староверами (10-12 чел.), несколько человек назвали себя мирскими, собирающимися перейти в староверы. В селах Керчомья, Нижняя и Верхняя Воч в 1999 г. все опрошенные нами информанты считали себя мирскими, более того, все утверждали, что староверов здесь уже нет. В с. Нижняя Вочь пожилая женщина назвала «староверами» группу молящихся, которые ходят на поминки, участвуют в молебнах [20]. В данном случае подобная оценка связана со сложившимся в народной среде образом староверов, и, возможно, с тем, что именно они исполняли требы. На верхней Печоре (в деревнях, где издавна было староверие, а большинство населения составляют коми) сохраняется деление на бегунов, староверов и официально православных / мирских. Несмотря на то, что разделение между этими тремя группами верующих существует и осознается, четкое внутриобщинное деление в староверческих общинах отсутствует. Среди верхнепечорских бегунов можно выделить несколько групп: полностью отрекшиеся от мира (в 2007 г. четыре пожилые женщины, проживали в дер. Скаляп); пожилые женщины (до 10 человек), готовящиеся принять «истинное» крещение.

Повсеместно бытуют представления о том, что староверами могут быть только пожилые люди. «Молодой человек быть не может. Молодой так жить не может. Скажем в младенчестве отец и мать не пускают в мир, а выходить начнешь, вот как-то и стесняешься, что старовер. В мирские выходишь» [21]. Подобные воззрения существуют и у истинно-православных на верхней Печоре. «Говорят, что кто не крещенный, того легче дьяволу достать. Теперь у нас в деревне нет верующих, крещенных, кто дети постарше, тех крестили. Вот православные (бегуны – В.В.) не принимают младенцев <...> наверное, раньше тоже маленьких крестили <...> Мне сейчас 70 лет, если я захочу креститься мне надо отказаться от жизни, отказаться от пенсии и всего. Поэтому и не крестятся молодые, мне семьдесят, а я до сих пор не крестилась» [22]. В настоящее время приобщение женщин к активной религиозной жизни начинается в возрасте 50-60 лет. Схожая ситуация наблюдалась в начале 1990-х гг. у устьцилемов [23]. В некоторых случаях религиозное служение начинают раньше: женщины, не вышедшие замуж (из-за физических недостатков или по другой причине), потерявшие близких родственников или детей. Подобные установки существовали и ранее, о чем говорят приведенные выше сведения о возрастном составе общин в XIX в. С одной стороны, эти представления отражают традиционные взгляды на молодость, присущие крестьянской культуре. Т.А. Бернштам отмечает, что в основе разделения на молодых – старых (у русских крестьян) лежал биосоциальный признак: способность к браку, воспроизводству и трудовой деятельности [24]. Строгое следование старообрядческим нормам было весьма затруднительно для молодежи, особенно в условиях совместного проживания с официально православными на Удоре и верхней Вычегде: оно существенно ограничивало выбор брачного партнера, делало практически невозможной совместную трудовую деятельность и т.д. С другой стороны, дополняя вышесказанное, особая ритуальная значимость стариков характерна для половозрастной организации общин традиционного типа, где старость воспринималась как «достойное увенчание жизни верующего человека», время приготовления к смерти и размышлений о спасении души [25].

Исследователи отмечают, что большое значение в сохранении малой конфессиональной группы имеет стабильность генофонда, которая достигается преимущественно за счет внутригрупповых брачных связей [26]. Заключение браков строго внутри локального сообщества (в рамках собственной конфессиональной группы) отмечается как характерная особенность различных староверческих групп [27]. Описанные выше особенности религиозной общины коми староверов, социально-экономические условия отразились и на семейно-брачных отношениях.

А.А. Чувьуров указывает, что в дореволюционный период на верхней Печоре преобладали конфессионально однородные семьи, важна была принадлежность будущих супругов к одному согласию [28]. На Удоре уже во второй половине XIX в. принадлежность к разным староверческим согласиям не рассматривалась как препятствие для заключения брака. Например, крестьянка дер. Чупрово У.С. Екимова принадлежала к филипповскому согласию, а ее муж С.П. Екимов – к даниловскому [29], что свидетельствует как о постепенном стирании различий между этими согласиями, так и о том, что для рядовых верующих эти различия не казались непреодолимыми. Здесь же зафиксированы случаи «присоединения к православию» староверов, для того чтобы вступить в брак [30]. Определяющее значение играла принадлежность к «старой вере», либо приверженность к старым обрядам – двуперстию, почитание старых икон. Большая часть жителей изучаемых районов, числясь официально православными, посещая церковь, крестилась двумя перстами, «почитала старинные иконы и книги» («государственные крестьяне, все веры православной, но придерживаются раскола по сложению креста и почитанию старинных книг и икон» [31]), что сближало их со староверами. Об этом

свидетельствуют и наши полевые материалы. «Староверы венчались в церкви, жен себе брали из любых, только чтобы не щепотники. Невест чаще брали из местных» [32]. Вероятно, поэтому отношение к браку с «чужим» (неместным) оценивалось отрицательно, особенно со стороны представителей старшего поколения: «Тут люди другие, молятся по-другому. Я так и молюсь щепотью, потому что свекровь сказала, что крест менять нельзя, как научили, так и молись. Родители мужа были против этого брака, потому что подыскали сыну невесту из местных» [33].

В начале XX в. миссионеры отмечали, что «к незаконным сожителствам <...> большинство раскольников, относится как к явлениям греховным, незаконным» [34]. Сведений о половой свободе до брака в староверческих селах на Вашке и верхней Вычегде ни в отчетах миссионеров, ни в записках путешественников не встречается. Одним из распространенных и тиражируемых официальными властями и духовенством был тезис о царящем «среди печорских раскольников разврате», причем не только коми, но и русских (устыцилема) [35]. П. Волков писал: «На Печоре по причине раскола страшный разврат. Я нарочно собирал сведения и оказалось, что там три части незаконнорожденных и одна часть прижитых законно (детей – В.В.). В Печоре нет почти ни одной девки, которая бы вышла замуж не имевши ранее детей» [36]. Историко-архивные материалы середины XIX в. свидетельствуют о свободе половых отношений. Например, в ходе следствия по делу одного из наставников, его дочь Ирина Денисова, принадлежавшая к филипповскому толку, показала: «С кем я прижила незаконнорожденных своих детей именно показать не могу, так как я имела любовную связь с разными неизвестными мне людьми, проезжающими и проплывающими по реке Печоре мимо нашей деревни Красноборской» [37]. Сделаем небольшое отступление, которое, на наш взгляд, важно для понимания ситуации. Описывая свою поездку по Печоре, Ф.Д. Прокошев пишет, что местные жители настолько знают друг друга, что «каждому известны даже вещи» [38], схожая ситуация существовала и в других деревнях, где жизнь конкретного человека проходила под пристальным вниманием сельского общества: как правило, односельчане прекрасно знали, кто является отцом ребенка. Сама Ирина Денисова была незаконнорожденной, однако, в следственном деле было указано, что она – дочь печорского наставника Федора Куньгина [39].

Сведения о «половой свободе» печорских жителей позволили П.А. Сорокину предположить существование группового брака у зырян, закрепленного распространенным здесь старообрядчеством [40]. Побывавший здесь практически в это же время Ф. Прокошев отмечал, что «мнение о необычайной легкости нравов сильно преувеличено, чему причиной то обстоятельство, что церковного венчания здесь нет, браки представляют собой не более как сделку, заключаемую не всегда даже в волостном правлении» [41]. В 1886 г. староверы Щугорской и Савиноборской волостей заключили 28 браков (из них пять для одного из супругов были повторными, большая часть приходилась на возрастную группу > 20 и до 25 лет), в 1907–1909 гг. в Савиноборском волостном правлении было заключено 14 браков [42]. Посетившая в 1950-е гг. верхнюю Печору О.Н. Воздвиженская написала в отчете: «в семейно-брачном быту существует значительная свобода добрачных и даже послебрачных связей» [43], в 1960-е гг. эти факты были отмечены Л.Н. Жеребцовым и Ю.В. Гагариным [44]. Интересно, что рождение детей вне брака в досоветский период исследователи связывали с культурной отсталостью и влиянием староверия («Паденье Бог простит»), это же явление в 1960-е гг. объяснялось ими «текучестью населения, особенно мужского состава. Мужчины, приезжающие работать вахтовым методом, заводят семьи, а по окончании срока договора уезжают на родину, оставляя и жену, и ребенка» [45]. На наш взгляд, это объяснение может быть принято во внимание и при анализе сведений дореволюционного периода: как известно, Печора издавна была основной транспортной артелью Печорского края, здесь торговали выходцы из разных регионов Коми края и России.

В XIX – начале XX в. большая часть браков удорских и верхневычегодских старообрядцев заключалась в церкви. В 1843 г. крестьяне дер. Чирской Вильгортской волости Л.М. Логинов, его дочь Ксения, Д. Худяков изъявили желание присоединиться «из раскола в православие», так как намеревались вступить в брак [46]. Дочери известного удорского наставника М.В. Бозова венчались в церкви, чем он был крайне недоволен. Местный священник в рапорте указал, что девушки из старообрядческих семей хотят венчаться в церкви, «считая это более надежным» [47]. Представления о «непрочности неоформленного союза» существовали и у устыцилемов [48]. Сохранились свидетельства о том, что заключение брака в официальной церкви случалось и среди верхнепечорцев. Так, в 1858 г. В. Чуркин писал А. Мартюшеву (д. Подчерье): «Ежели задумаешь сына женить дак невозможно ли как через деньги **избыть** венчания и без венцов, а венчают так по правилам весьма грешно и тебе тоже будет грех» [49]. В 1895 г. благочинный А. Журавлев писал, что печорские староверы рассматривают церковный брак как «временную и ложную предбрачную измену расколу»; венчаются в православной церкви лишь для того, чтобы получить права.

На проходивших в 1909, 1913 гг. Всероссийских Соборах поморцев вопросу брака было уделено значительное внимание. По итогам обсуждений было принято решение: «Смешанные же браки, совершенные вне церкви Христовой, признавать терпимыми и не расторгать и христианскую часть на покаяние прини-

мать» [50], т.е. фактически венчание в официальной церкви хоть и осуждалось, но человек не исключался из общины верующих. Это решение по сути узаконило существовавшую практически повсеместно практику, несмотря на возражения со стороны некоторых наставников.

Сведения о рождаемости в старообрядческих селах в конце XIX – начале XX в. представлены фрагментарно. В 1886 г. пристав второго стана Усть-Сысольского уезда приводит данные о рождениях староверов в Керчомской, Савиноборской и Щугорской волостях: здесь родилось 160 детей, из них 21 – незаконнорожденный [51]. Согласно выписке из метрической книги Савиноборского волостного правления для записи родившихся староверов за 1902–1905 гг. здесь родилось 14 мальчиков и 19 девочек, трое записаны как незаконнорожденные; в 1906 г. – родилось 14 детей [52]. Доля внебрачных детей в этих районах превышала такую по Усть-Сысольскому уезду [53].

Сейчас женщины по-разному комментируют рождение детей вне брака. «Но вот если гуляешь – это очень плохо. Последнее дело ребенка принести, очень большой грех. Аборт сделать тоже очень большой грех» [54]. Можно заметить, что порицается в первую очередь недостойное поведение женщин. Наши записи, сделанные на верхней Печоре, свидетельствуют: как правило, женщина имела одного постоянного партнера, хотя и не состояла с ним в браке. «Муж у меня был N, я с ним не расписывалась так жила, дети были с моей фамилией ... мне бабушка говорила: «Сколько будет детей, столько и рожай, аборт не делай, а то душегубцем станешь». Рождение ребенка вне брака на Удоре и верхней Вычегде порицается обществом, тогда как на верхней Печоре к этому относятся более лояльно. Долгое время искусственное прерывание беременности считалось неприемлемым, оценивалось как тяжкий грех. Данные утверждения женщины, как правило, подтверждают ссылками на книги или слова богомолков: «раньше говорили, что если женщина сделает аборт, то на том свете сварят младенца, которого из утробы вытащили, подадут этой женщине и заставят ее съесть его ...» [55].

Наши материалы позволяют говорить о том, что многодетность не всегда оценивалась положительно. «Мама до тридцати лет была скрытницей, потом, когда стали их арестовывать, вышла замуж. Отец, узнав об этом браке, проклял ее, сказал, пусть Бог пошлет ей много детей, так и вышло» [56]. Для женщин частые беременности и роды были тяжелым испытанием, отражавшимся на их физическом здоровье. «Я помню, что Наталь заболела, прощаться к ней приходили. Она ушла в келью, роды были тяжелые, муж домой привез из кельи, а она мужу сказала, что все, я больше не твоя. Он во второй раз женился, вторую жену привел, а она еще жила с ними. <...> В 17 лет вышла замуж, ей было 32, она уже 16 детей родила, каждый год рожала. Так-то женщины остерегались забеременеть» [57]. Л.Н. Жеребцов отмечал, что многие женщины, с которыми они беседовали в 1962 г., говорили, что рожали 12, 15, 20 раз, однако выживали далеко не все дети [58]. Статистические данные конца XIX в. свидетельствуют о высоком уровне детской смертности. В 1885 г. из общего числа умерших староверов шестеро были дети до месяца, 11 – в возрасте 1-3 месяца; 14 детей – 3-6 месяцев; 6 месяцев – 1 год – 36; 1-2 года – 26; 2-3 года – 8. В возрасте от 5 до 10 лет умерло четыре ребенка [59]. Детская смертность оставалась стабильно высокой во всех волостях Усть-Сысольского и Яренского уездов до начала XX в., не были исключением и семьи староверов [60]. В 1960-х гг. половина и более верхнепечорских семей (в селах, где проживало коренное население и было сильно влияние староверческой традиции: Покча, Скаляп, Митрофан, Савинобор, Дутово, Возино, Лемты) насчитывала в среднем 4-5 детей. Ю.В. Гагарин связывал данный факт не с улучшением качества жизни в советский период, а с влиянием старообрядческой традиции (аборт в этих районах по-прежнему рассматривался как тяжкий грех) [61].

Взаимоотношения в семье определялись традициями, которые обуславливали права и место в семье каждого ее члена. В связи с тем, что большинство мужчин было занято на промыслах, основные работы по дому ложились на женщин. При совместном проживании с родителями мужа или жены, главой семьи считали представителей старшего поколения, которые обладали значительным авторитетом, принимали активное участие в воспитании внуков, в том числе объясняли основы веры. В семье дети получали первые знания вере: они учили молитвы, знакомились с существующей системой запретов, касавшейся религиозного и бытового поведения. Уделялось внимание и обучению детей началам старославянской грамоты, этим могли заниматься молящиеся, на Печоре часто это делали скрытницы. По книгам постигали не только основы старославянской грамоты, но и основы вероучения [62].

Мы рассмотрели только некоторые аспекты брачно-семейных отношений коми староверов. На наш взгляд, значительное влияние на них оказало внутреннее устройство староверческих общин у коми. В XIX – начале XX в. их костяк составляли пожилые люди, в основном женщины. Особенности обрядовой практики (возможность заключения брака в церкви), хозяйственно-экономические нужды привели к тому, что молодежь брачного возраста «исключалась» из жизни общины на Удоре и верхней Вычегде. Лишь на верхней Печоре, где по официальной статистике староверов было больше чем православных, выписки из метрических книг фиксируют заключение браков в волостных правлениях, хотя именно в этом районе наиболее часто встречалось добрачное сожителство. Влияние атеистической идеологии, социально-экономических и демографических изменений (урбанизация, приток мигрантов), а также традиционное «исключение» молодежи из религиозной

жизни привели к тому, что значение конфессиональной принадлежности будущих супругов на протяжении XX в. снижалось. Однако многие установки (запрет на аборт, приобщение к вере детей и др.), сформировавшиеся под влиянием староверия, сохранились в изучаемых районах до сих пор.

Источники и литература

1. Поздеева И.В. Книга – личность – община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Материалы научной конференции. – Пермь, 2001. – С. 17–20; Приль Л.Н. «Беседа» староверов: функции социального // URL: <http://www.vsu.ru/science/sch-sem/publication/docs/pril01.html> (дата обращения 04. 2003)
2. Таблица составлена на основе документов: ГАВО Ф. 18. Оп. 1. Д. 587 (1832 г.), 1388 (1840 г.), 1591 (1854 г.); Ф. 496. Оп. 1. Д. 1582 (1854 г.), 14424 (1869 г.), 14819 (1874 г.), 16111 (1888 г.), 15679 (1898 г.), 18990 (1910 г.). Отчет о деятельности Стефано-Прокопиевского Братства // Прибавления к ВЕВ. – 1905. – № 20. – 15 октября.
3. Вишнякова Д.В., Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнический состав, рождаемость и смертность населения в XIX – начале XX в. // Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI в.). – Сыктывкар, 2006. – С. 53.
4. Выбор именно этих лет обусловлен наличием материала. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15679, 15806 (1885 г.); Ф. 496. Оп. 1. Д. 18990 (1910 г.).
5. Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). – М., 1999. – С. 131.
6. Отчет о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1903 г. // Приложение к ВЕВ. – 1904. – № 7-8. – С. 37.
7. Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. – СПб., 1895. – С. 57.
8. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1416. Л. 43-43об., 67-120.
9. НАРК. Хр. 1. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1068.
10. НАРК. Хр. 1. Ф. 99. Оп. 1. Д. 731, 911.
11. Отчет о деятельности Великоустюжского Православного Стефано-Прокопиевского Братства за 1903 г. // Приложение к ВЕВ. – 1904. – № 7-8. – С. 40.
12. НАРК. Хр. 1. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 40, 41об.
13. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Раскол среди сельского населения // Труды этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. V. Т. XXX. – Вып. 1. – С. 214.
14. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 130. Л. 123.
15. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 20, 21.
16. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 167. Л. 36, 39, 42, 48, 50, 52, 55, 56.
17. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 21.
18. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 70. Л. 8.
19. Там же.
20. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 570. Л. 23; Ф. 5. Оп. 2. Д. 167.
21. Созонова Ф. М. 1917 г.р., дер. Острово, Удорский р-н., зап. 1999 г. Шлопова Л.Н., Власова В.В.
22. Растворова Н.М. 1937 г.р., с. Покча, Троицко-Печорский р-н., зап. 2007 г. Власова В.В.
23. Волкова Т.Ф. Этноконфессиональное самосознание и круг чтения современных старообрядцев Средней Печоры // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 191.
24. Барнштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. – С. 262.
25. Фишман О. М. Жизнь по вере ... – С. 239.
26. Липинская В.А. Об устойчивости малых конфессиональных групп в однонациональной среде (по материалам юга Западной Сибири) // Традиционная духовная и материальная культура ... – С. 214; Данилко Е.С. Отношение к браку и некоторые особенности свадебного обряда у южно-уральских старообрядцев // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. – Пермь, 2001. – С. 184–193.
27. Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале ... – С. 180.
28. Чувьуров А.А. Старообрядческая традиция в культуре современного коми населения верхней и средней Печоры (молодежь и старшее поколение: механизмы взаимодействия и межпоколенной передачи религиозного опыта) // Традиции и обычаи народов России. Вторая российская конференция с международным участием. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2000. – Т. 2. – С. 175–179.
29. НАРК. Хр. 1. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1068. Л. 192, 193.
30. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12116. Л. 1-12.
31. НАРК. Хр. 1. Ф. 99. Оп. 1. Д. 640. Л. 20об.
32. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 570. Л. 26, 14.
33. Там же. Л. 3, 5.
34. В Печерском крае // Приложение к ВЕВ. – 1904. – № 14. – С. 366.
35. Дронова Т.И. Свадебная обрядность // Русские староверы-беспоповцы ... – С. 200.
36. Волков П. Раскол в Печорском крае Усть-Сысольского уезда // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1865. – № 40.

37. НАРК. Хр. 1. Ф. 99. Оп. 1. Д. 911. Л. 109.
38. Поездка по Вологодской губернии ... – С. 84.
39. НАРК. Хр. 1. Ф. 99. Оп. 1. Д. 911. Л. 109.
40. Сорокин П. Современные зыряне ... – С. 60.
41. Поездка по Вологодской губернии ... – С. 84.
42. НАРК. Хр. 1. Ф. 1. Д. 148. Л. 56. Д. 27. Л. 21–24.
43. НА КНЦ УрО РАН ф. 1. Оп. 13. Д. 21. Л. 178–179.
44. НА КНЦ УрО РАН ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 159, 167.
45. НА КНЦ УрО РАН ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 46, 58.
46. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12116. Л. 10, 11.
47. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18314. Л. 11, 15об.
48. Дронова Т. И. Указ соч. – С. 200.
49. НАРК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 911. Л. 24 об.
50. Выписки из книг Деяний соборных о браке I и II Всероссийских Соборов христиан-поморцев приемлющих брак // Староверие в документах [сайт] URL: <http://starajavera.narod.ru> (дата обращения 03. 2009)
51. НАРК. Хр. 1. Ф. 6. Оп. 1. Д. 148. Л. 55.
52. НАРК. Хр. 1. Ф. 6. Оп. 1. Д. 27. Л. 21–24 об.
53. Вишнякова Д.В. и др. Этнический состав, рождаемость и смертность населения ... – С. 37–38.
54. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 569. Л. 27.
55. Шарапов В.Э. Христианские сюжеты в фольклоре коми старообрядцев средней Печоры // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. – Сыктывкар: Коми науч. центр, 1996. – Т. II. – С. 312 (310–320).
56. Там же. Л. 16.
57. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2.
58. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 51.
59. НАРК. Хр. 1. Ф. 6. Оп. 1. Д. 148. Л. 57 об. – 58.
60. Вишнякова Д.В. и др. Этнический состав, рождаемость и смертность ... – С. 49–50.
61. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 79. Л. 100–119.
62. Сивкова А. Заповедная книга // Арт (Лад). – 2000. – № 4. – С. 138 (138–144).

Миграционные процессы в Карелии в годы НЭПа

В первые годы нэпа важнейшей задачей в Карелии была стабилизация демографической ситуации. Гражданская война привела к сокращению численности городского населения края. Города Кемь, Петрозаводск, Олонец оказались в зоне активных боевых действий. Большую часть горожан мобилизовали в армию, рабочие промышленных предприятий, семьи совслужащих были эвакуированы из прифронтовой зоны. С другой стороны, в города начался приток беженцев из районов, где шли кровопролитные бои. В городских поселениях были расквартированы воинские части. Все это обострило продовольственный и жилищный кризис. Изнуренные голодом люди покидали города в поисках продовольствия.

К концу Гражданской войны значительно сократилась численность сельского населения Северной Карелии, за границу ушло около 12 тыс. чел. Значительная часть беженцев поддалась антибольшевистской агитации или попросту была мобилизована антибольшевистскими силами и покидала родные места из-за боязни наказания за участие в боевых действиях на стороне антиправительственных сил. Уже в 1922 г. они стали возвращаться в Карелию. До 1 мая 1923 г. на родину возвратились из Финляндии 4,3 тыс. чел. По ходатайству Карельского правительства 1 мая 1923 г. был принят декрет об амнистии карбеженцам. Они получили право возвратиться на прежнее место жительства. Государство гарантировало им предоставление гражданских прав. Амнистия не распространялась только на «участников расстрелов и идейных вдохновителей их». Был определен порядок возвращения. Дорожные расходы возмещались. Часть беженцев получила материальную помощь и хозяйственную ссуду. Немного сохранившееся к тому времени имущество возвращалось прибывшим. Согласно декрету об амнистии беженцы должны были возвратиться до 15 августа 1924 г, но поскольку не все успели уложиться в это время, срок амнистии был продлен. По просьбе правительства республики ВЦИК РСФСР 16 марта 1925 г. предоставил право ЦИК АКССР персонально амнистировать карбеженцев сроком до 1 января 1926 г. Отказов в амнистии было относительно немного: в 1923–1925 г не получили визу на въезд в СССР 282 чел. (156 мужчин, 60 женщин и 66 детей). За это же время в Карелию возвратились 2786 чел. (1199 мужчин, 698 женщин, 889 детей). Во время амнистии раздавались голоса, что амнистия ошибочна, поскольку карбеженцы потенциальные противники советской власти. Однако примерно каждый третий возвращенец – ребенок, а всего женщины и дети среди амнистированных составляли 57 %. Помогая вернуться на родину, власти спасали людей, волею судьбы попавших в жернова гражданской войны, от скитаний на чужбине без крова и работы. Большинство вернувшихся осели в Ухтинском и Кемском уездах, т.е. в тех частях Карелии, которые особо страдали от малонаселенности, нехватки рабочих рук [1].

Нормализация жизни, оживление хозяйственной деятельности в период нэпа привели к стабильному росту населения. Прирост городского населения в Карелии в 1920-е гг. был самым высоким на Европейском Севере России. В 1926 г. почти половину неместных уроженцев (47 %) в городских поселениях Карелии составляли лица, прибывшие в 1921–1926 гг. Причем в 1924–1925 гг. в городские поселения республики приезжало в полтора раза больше мигрантов, чем в 1921–1923 гг., а в 1926 г. – в два раза больше, чем в предшествующем году. Механический прирост становится главным фактором увеличения численности горожан в республике.

Различным был социальный состав уроженцев городов и переселенцев. Среди уроженцев городов наиболее многочисленную группу составляли служащие (42 %), среди городских мигрантов – рабочие (48 %). Особенно резкими были различия в численности группы, которую в переписях 1920-х гг. обозначали как «хозяева, одиночки, помогающие члены семьи». Среди уроженцев городов они составляли 27 % населения, немногим уступая численности рабочих, составлявших 31 %, а среди городских мигрантов хозяев, одиночек, помогающих членов семьи было заметно меньше – 14 % [2].

Представляет интерес опыт переселенческой политики, накопленный в период нэпа правительством республики и Транспортно-промышленным колонизационным комбинатом Мурманской железной дороги. В 1923 г. Мурманская железная дорога получила в свое распоряжение сроком на 10 лет территорию размером 3,3 млн. гектаров вдоль трассы от Петрозаводска до Мурманска. На этой малообжитой территории колонизационный отдел Мурманской железной дороги и Транспортно-промышленный комбинат МЖД развернули активную экономическую деятельность. Основную часть поступлений в Колонизационный фонд дороги составляла попенная плата за лес. Основная часть денег шла на землеустройство, мелиорацию, обустройство переселенцев.

* **Филимончик Светлана Николаевна** (Петрозаводск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета. E-mail: EsKay@yandex.ru

Первое время были сомнения, найдутся ли желающие переселяться в необжитой северный край. Однако желающих устроиться на колонизационных землях оказалось больше, чем имелось возможностей принять. Довольно продуманной была реклама: в 1925 г. Госкино даже выпустило фильм о колонизации Карело-Мурманского края. Отбор переселенцев проводили особые комиссии, учрежденные при местных советах. Опыт показал, что наиболее прочными переселенцами являлись лица, прибывшие на заработки и привычные к северному климату – 55,6 % прибывших являлись выходцами из северо-западной области, в том числе 35 % – из Карелии. Не менее четверти переселенцев устраивались на железную дорогу в качестве технического персонала, конторщиков и т.д. Более половины переселенцев поступали на службу в государственные учреждения и промышленные предприятия. Среди них было немало квалифицированных специалистов – судовых механиков, техников, бухгалтеров, инженеров и т. д. На лесозаготовительных и рыбных промыслах были заняты более 20 % переселенцев [3].

Для переселенцев был установлен ряд льгот: они освобождались на 10 лет от воинской повинности, переезд на новое место жительства осуществлялся за счет колонизационного фонда, всем переселенцам предоставлялось право бесплатной вырубке леса для строительных нужд, выдавались материальные и денежные ссуды на строительство дома и мелиоративные работы. Ссуды должны были быть возвращены после двух льготных лет в течение 10 лет равномерными ежегодными взносами без начисления процентов. При успешном ведении хозяйства одна треть ссуды могла быть перечислена в безвозвратное пособие. Правда, ссуды были сравнительно небольшими: в 1924 г. их размер составлял в среднем 914 руб. на одно хозяйство, в 1925 г. – 337 руб., в 1926 г. – до 500 руб. на одну семью.

Каждая переселившаяся семья была обязана в течение первых двух лет построить себе дом, а до постройки дома оплачивать за свой счет нанимаемое жилье. Будущий переселенец должен был обладать определенным капиталом для устройства на новом месте. На постройку одного только дома требовалось потратить от 1 тыс. до 2,5 тыс. руб. Как правило, дома выстраивались площадью 10 x 12 м из двух половин, одну из которых сдавали внаем. К концу 1920-х гг. около 75 % всех переселенцев жили в своих домах и только около 3 % не приступили к строительству жилья. Для начала успешного ведения хозяйства у переселенца должны были быть в наличии лошадь или корова, сельскохозяйственный и промысловый инвентарь. На практике крупный рогатый скот имели около 46 %, мелкий домашний скот – около 42 %, лошадей – только 9 % прибывших [4].

Переселенец в Карелии с самого начала находился в тяжелых условиях. Он приезжал на место, где нередко не был расчищен даже лес, не было ни жилья, ни дорог. В переселенческих поселках жители сами устраивали торговые лавки, сообща организовывали базарный день, строили бани. Лучшие условия жизни имели работники Мурманской железной дороги. У них была хорошая зарплата, обязательные ежегодные отпуска, страхование, детские ясли, железнодорожные школы и больницы. Гордостью Колонизационного отдела стал санаторий в Медвежьегорске.

За 5 лет деятельности комбинат переселил 1282 семьи, около 6 тыс. чел. Общее число переселенцев невелико, но в 1920-е гг. акцент делался на том, чтобы переселенец мог закрепиться в суровых условиях севера. Поэтому каждый новый дом, построенный колонистом, рассматривался как «новый шаг к хозяйственному и экономическому пробуждению края, к развитию в нем культуры». В это время было заложено 20 поселков переселенцев около ст. Медвежья Гора, Надвоицы, Сегежа, Парандово, Лоухи, Кереть, Чула, Кандалакша и др.

Если Транспортно-промышленный колонизационный комбинат МЖД стремился заселить безлюдные участки трассы, то Совнарком КАССР основное внимание уделял обеспечению рабочей силой индустриальных центров. Наиболее значительной стройкой в Карелии в годы нэпа являлось сооружение Кондопожской ГЭС и бумажной фабрики. Строительство велось в сложных условиях. Остро стояла проблема обеспечения Кондопоя рабочей силой. В 1923 г. на Кондопое трудилось чуть более 300 рабочих, а в 1927 г. – более 2,5 тыс. чел. К строительным работам широко привлекли крестьян окрестных сел. По оргнабору, в порядке промпереселения в Кондопогу прибывали крестьяне из других районов Карелии, из северо-западных губерний России, а также из Сибири, Урала, Поволжья, Украины, Белоруссии. Только за второе полугодие 1926 г. через Кондопое прошло почти 11 тыс. рабочих [5]. Большинство прибывших не имели строительных специальностей, их обучение организовывали на месте.

Правительство Карелии в 1920-е гг. начало целенаправленное переселение в республику финских эмигрантов. Большая часть их оседала в городах и, прежде всего, в столичном Петрозаводске. Мы попытались дать социально-демографическую характеристику этой группы городских мигрантов на основе семейных карт Всеобщей демографической переписи 1926 г., выделив и обработав 227 карт, где главой семьи являлся финн по национальности [6].

В середине 1920-х гг. в Петрозаводске претерпела изменения на индивидуальном уровне, но сохранилась в целом традиционная для города группа финнов-ремесленников: сапожников, столяров, извозчиков и т.д. В нашей базе данных 22 карты, относящиеся к этой группе. Заметно больше семейных карт (55) заполнены на глав семей – рабочих. Половина из них трудилась на Онежском заводе, ведущем машиностроительном

предприятия Карелии, и на столярной фабрике – новом предприятии, оснащенном передовым оборудованием. Любопытно, что всего три финна работали на МЖД, хотя именно на железной дороге было занято очень много мигрантов.

Наиболее многочисленной (98 карт) оказалась группа служащих. Среди них особо выделим глав семей – финнов, работавших в сфере образования (24 карты). В основном они трудились в финском педтехникуме, финских школах, финском детдоме. В 1921–1924 гг. был принят ряд постановлений, узаконивших в Карелии официальный статус двух языков – русского и финского. Началось активное развитие институтов финской культуры. Республика и ее столица нуждались в специалистах со средним и высшим образованием, владевших финским языком.

19 карт заполнены на высших чиновников, партийных работников. Если в конце XIX в. финнов, состоявших на военной службе, не было вовсе, то семейные карты переписи 1926 г. содержат характеристики 26 финнов – командного состава Егерского батальона, так называемых «красных офицеров». Для 1920-х гг. был характерен резкий рост числа служащих за счет появления новых вакансий на самых нижних уровнях бюрократического аппарата (курьеры, делопроизводители и т.п.). Особенностью финского населения Петрозаводска была повышенная доля служащих средней и высшей квалификации. В руководстве республикой и городом финны занимали важные посты: председатель СНК, секретарь обкома ВКП(б), председатель правления треста «Кареллес», главный бухгалтер треста «Карелгранит» и т.д.

Среди финских мигрантов в Петрозаводске практически не было безработных, хотя в целом безработица в годы нэпа оставалась одной из самых острых проблем городской жизни. Безработные в Петрозаводске в 1923 г. составляли 9 %, в 1926 г. – 7 % самодеятельного населения.

В адресной части семейной карты указаны номер квартала, улица и номер строения. Выяснилось, что финны проживали во всех районах города, однако расселение финских семей на городской территории было неравномерным: доля финских семей была пониженной на окраинах, в новых районах и значительно превышала норму в центре. В целом, жилищные условия финнов-эмигрантов были лучше, чем у большинства горожан: 6 % финских семей занимали целый дом, 15 % имели отдельную квартиру, 12 % получили несколько комнат в квартире, 43 % имели отдельную комнату, 22 % занимали часть комнат, 1 % проживали в кухне, 1% не указали условий проживания. Как правило, собственниками жилья были торговцы и часть ремесленников. Значительное большинство педагогов проживало на государственной площади, а военнослужащие обычно снимали частное жилье в русских семьях. Большая часть высших чиновников жила в ведомственных домах на пр. К.Маркса, ул. Троицкого, пл. 25 Октября и других центральных улицах города.

Таким образом, в сложных послевоенных условиях город смог обеспечить финских мигрантов работой и жильем. Сказанное отнюдь не означает, что иммигранты не испытывали проблем с адаптацией к жизни в новых, во многом непривычных условиях. Из 227 семейных карт 61 документ заполнен на одиночек, 166 – на семьи. Более 28 % семей состояли только из брачной пары. Среди семей, в которых росли дети, чуть менее половины (46 %) составляли семьи с одним ребенком, 14 % семей имели 4 и более детей. Большое количество семей с одним ребенком, несомненно, связано с отсутствием собственного жилья, с недавней переменой места жительства, с предшествующей военной и революционной эпохой.

Различия в переселенческой политике руководства МЖД и правительства республики вызывали между ними острые споры. На пленуме Карельского обкома партии 15 декабря 1926 г. глава правительства КАССР Э. Гюллинг критиковал МЖД за недостаточное внимание к обеспечению рабочей силой промышленных центров, за «капиталистические методы эксплуатации» рыбаков и лесорубов-переселенцев. В свою очередь руководитель комбината МЖД А. Арнольд доказывал нереалистичность линии карельского руководства на привлечение в республику в основном финно-угорских мигрантов: «От нас требуют, чтобы заселение шло главным образом карелами. Мы посылали предложения в Тверскую область, но карелы оттуда отказываются переселяться» [7]. Однако, несмотря на различия в подходах, миграционная политика в период нэпа основывалась на добровольности, экономической заинтересованности переселенцев, размер и темпы колонизации на север определялись возможностью обеспечить переселенцев работой и жильем.

В то же время в 1920-е гг. на севере Карелии началось использование труда принудительных мигрантов. В 1923 г. был создан Соловецкий лагерь особого назначения. Число заключенных в нем выросло с 3 тыс. в 1924 г. до 60 тыс. в 1930 г. Большинство заключенных составляли осужденные за уголовные преступления лица. Помимо них в лагере содержались бывшие участники белого движения, репрессированные члены социалистических партий. Во второй половине 1920-х гг. среди заключенных стало расти число репрессированных вследствие «политической неблагонадежности» представителей интеллигенции. Получили поддержку идеи одного из осужденных – Н. Френкеля – о создании особой лагерной экономики. В лагере работали птицеферма, ферма для выращивания свиней и крупного рогатого скота, сельскохозяйственная опытная станция, кожевенная фабрика и предприятие по торфоразработке. В конце нэпа управление Соловецкого лагеря занимало десятое место в списке самых крупных торговых организаций Карелии,

имело свой магазин в Кеми, предлагало заключенных в качестве рабочей силы строительным организациям республики. Условия содержания заключенных были тяжелыми. ОГПУ вынуждено было направить в 1930 г. в лагерь особую комиссию, по результатам работы которой 60 заключенных и представителей администрации, виновных в истязаниях и убийствах людей, были расстреляны. Тем не менее масштабы использования в экономике Карелии труда принудительных переселенцев с конца 1920-х гг. резко возросли.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 689. Оп. 1. Д. 18/187. Л. 178–181.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Ленинградско-Карельский район. Отдел III. Т. 35. – М., 1928. – С. 104–106, 147–148, 200. Труды ЦСУ. Т. 20. Ч. 1. Вып. 1. – М., 1924. – С. 1-10; – Ч. 2. – Вып. 1. – М., 1924. – С. 2, 7, 17.
3. НА РК. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 4/37. Л. 122.
4. Там же. Ф. 685. Оп. 2. Д. 2/15. Л. 296–297; Д. 3/25. Л. 388; Ф. 1465. Оп. 1. Д. 7/85. Л. 46; Д. 3/38. Л. 8; Д. 4/32. Л. 162а. Д. 9/129. Л. 2. Карело-Мурманский край. – 1927. – № 3. – С. 7–9.
5. Вавулинская Л.И. Роль Кондопоя в формировании национальных рабочих кадров // Кондопожский край в истории Карелии и России. – Петрозаводск; Кондопога, 2000. – С. 182–186.
6. НАРК. Ф. 659. Оп. 1. Д. 49/892–60/983.
7. Там же. Ф. 690. Оп. 1. Д. 7/47. Л. 4-10.

Демографическая характеристика семьи орочей (1951–1995 гг.)

Орочи относятся к байкальскому типу североазиатской расы – большой монголоидной расы – и говорят на орочском языке, относящемся к амурской подгруппе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских языков. Многолетние исследования В.И. Цинциус привели ее к выводу о том, что орочский язык стоит ближе к эвенкийскому, чем уйльтский (орокский), нанайский и ульчский. Впоследствии этот вывод никем не оспаривался. Еще в начале XX в. орочский язык делился на тумнинский, хадинский и хунгарийский диалекты. В настоящее время обособленность сохраняется только у хунгарийского диалекта. Язык орочей – бесписьменный. Современные орочи двуязычны, а молодое поколение владеет только русским языком. По данным переписи 1989 г. орочский язык родным считали лишь 18,8 % орочей, русский – 79,5 %; перепись 2002 г. показала, что орочского языка в Приморском крае никто не знает, а в Хабаровском крае орочским владели 0,9 %, а русским – 99,1 % [1].

В конце XIX – XX вв. орочи проживали в прибрежной полосе Татарского пролива и северной части Японского моря, простирающимися между хребтом Сихотэ-Алинь и морем. На побережье орочи селились в низовьях и устьях рек, впадающих в море (Тумнин, Копи, Уй и др.), а также в их среднем течении. Жили орочи и по среднему течению р. Анюй, обитали в бассейне Тунгуски, значительное число орочей проживало в бассейне Хунгари (р. Гур), и совсем незначительное число этого этноса имеется в Приморском крае в с. Красный Яр, где преимущественно обитают бикинские нанайцы и удэгейцы.

Настоящая статья посвящается демографической ситуации в орочской семье, преимущественно сложившейся в годы советской власти и первые годы постсоветского периода.

В первое десятилетие советской власти брак у орочей был преимущественно однонациональным. Встречались и смешанные браки, но, как правило, с представителями других аборигенных народов. Неизменным оставалось и положение женщины в семье. Однако уже в конце 1920-х гг. ситуация постепенно стала меняться. Первый туземный съезд Дальневосточного края запретил полигамный брак, продажу девушек и женщин за калым. Вместе с тем было решено не разрушать уже сложившиеся полигамные семьи, если этого не желали жены [2].

С появлением на территории обитания орочей промышленных предприятий и коллективных хозяйств орочская женщина стала работать не только в семье, но и на производстве. С одной стороны, это усложняло жизнь женщины, с другой – экономически и морально раскрепощало ее. Женщины стали все чаще не соглашаться с мнением мужа, отстаивать свои права. «Порою голос хозяйки при обсуждении семейных и хозяйственных вопросов бывает решающим», – отмечал В.Г. Ларькин в начале 1960-х гг. [3].

Таким образом, женщина уже в первые десятилетия советской власти стала отходить от традиционных семейных норм и обычаев, что впоследствии во многом и отразилось на национальной чистоте браков орочей.

В начале 1960-х гг. орочи концентрировались преимущественно на территории Усскийского сельского Совета. Здесь имелось 357 орочей (163 муж. и 194 жен.), входивших в состав 78 семей (домохозяйств). 14 из них (17,9 %) были созданы в результате браков с приезжими, преимущественно русскими мужчинами [4]. Дети от смешанных браков составляли у орочей 18 % [5]. Спустя 30 лет здесь и на территории Датгинского поселкового Совета численность орочей сократилась на 41,2 %, число же хозяйств выросло до 82.

Изменения в численном составе семей орочей в 1963–1993 гг. отражены в табл. 1 [6]. Как видно из приведенных данных, у них в этот период в основном завершился переход от крупных к небольшим по размерам семьям. Если в 1963 г. доля семей из пяти человек и более составляла 60 %, то в 1993 г. – 12,4 %, причем доля семей из семи человек и более снизилась с 25,7 до 3,6 %.

Наиболее распространенной в настоящее время является семья из 2-3 чел. Абсолютная численность таких семей выросла в 1,7 раза, их доля – в 1,6 раза, одновременно более чем в 2 раза выросло число одиночек, не сумевших создать семьи. Средний размер семьи у орочей в 1993 г. составлял 2,9 чел., против 4,8 в 1963 г. При этом особенно сократился средний размер в чисто орочских семьях – с 5,5 до 3,3 чел., в то время как в семьях, сформировавшихся в результате браков с русскими и другими приезжими, эта величина изменилась незначительно – с 3,6 до 3,3 чел. Как видно из приведенных цифр, состав однонациональных и смешанных семей у орочей в 1990-е гг. ничем не отличается.

* Старцев Анатолий Федорович (Владивосток) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Численный состав семей орочей в 1963–1993 гг.

Численность семьи	Число семей		Доля в процентах	
	1963 г.	1993 г.	1963 г.	1993 г.
1.	10	22	12,8	26,9
2.	15	20	19,2	24,4
3.	7	14	9,0	17,0
4.	9	4	11,5	4,9
5.	10	4	12,8	4,9
6.	6	2	7,7	2,4
7.	5	1	6,4	1,2
8.	6	–	7,7	–
9.	1	–	1,3	–
10.	2	–	2,6	–
Одиночки	7	15	9,0	18,3

На территории Уськинского сельского Совета размещалось 78 ороческих и смешанных семей (359 орочей), из них имелось 10 русско-орочских (26 орочей) и четыре смешанные семьи с мужчинами нерусской и неорочской национальностей (12 орочек). В начале 1990-х гг. на территориях Уськинского сельского Совета и п. Датты насчитывалось 82 ороческие семьи (225 орочей), из них 23 смешанные (63 ороча) преимущественно с русскими мужчинами и женщинами (16 семей).

К 1963 г. по сравнению с началом 1950-х гг. русско-орочские браки составляли 15,1 % от числа ороческих. Буквально за два года ситуация изменилась в сторону двукратного повышения русско-орочских браков, а к началу 1990-х гг. русско-орочские и другие смешанные браки уже составляли 90,9 %, в том числе русско-орочские – 81,8 %.

Рассмотрим брачные процессы за последние 40 лет на специальной табл. 2.

Таблица 2

Смешанные и однонациональные ороческие браки (в процентах к общему числу браков)

Тип брака	1951–1955 гг.	1961–1965 гг.	1971–1975 гг.	1981–1985 гг.	1991–1995 гг.
Однонациональный	73	67	25	–	9
Национально-смешанный	27	33	75	100	91
в т.ч. с русскими	9	33	65	91	82
с другими народами	18	–	10	9	9

Вышесказанные материалы текста и таблицы наглядно показывают, что процесс создания национальной семьи вплоть до середины 1960-х гг. можно было считать относительно благополучным, потому что более половины ороческих семей создавались среди людей своей национальности. Это позволяло в ороческих семьях сохранять свою традиционную культуру и национальный язык.

В 1950–1960 гг. ареал распространения орочей ограничивался несколькими крупными поселениями, находящимися в административном подчинении Советско-Гаванского горисполкома. К таким поселениям следует отнести с. Уська-Ороческая, Уська-Русская, п. Датта, с. Коппи, с. Джугжа, п. Нельма и др., где орочи имели постоянную работу на государственных предприятиях или в колхозах.

Начиная с середины 1960-х гг., в жизни орочей Советско-Гаванского района произошли существенные изменения. Среди коппинских орочей была ликвидирована рыбобазы в п. Иннокентьевка, а сам поселок, в котором ранее проживало 4 тыс. чел., к концу 1969 г. практически прекратил свое существование. На его территории осталось всего 124 чел. Ороческое село Коппи, находившееся в 6 км от Иннокентьевки, тоже из-за закрытия рыбобазы практически ликвидировалось. Если там ранее жило 130 чел., то к 1969 г. осталось только 15 [7]. Тумнинские орочи из сел Уська-Ороческая и Русская, Джугжа и др., работавшие в колхозе «Ороч», также потеряли статус своей «независимости». Колхоз «Ороч» в 1967 г. был объединен с хозяйством «Даттинец» в единый рыболовецкий колхоз «50 лет Октября», который имел основную базу в п. Датта. В связи с этим отделения колхоза «Ороч» были ликвидированы в селах Джугжа и Имбо. По этой и другим причинам в ороческих и других поселениях среди местного населения возникла проблема безработицы. Орочи стали покидать свои села и разъезжаться по всему Хабаровскому краю и Советско-Гаванскому району.

В 1970 г. численность орочей в Хабаровском крае достигла 522 чел., из них в Советско-Гаванском районе проживали 379 чел., в Комсомольском – 64, в Амурском – 30, в г. Хабаровске – 15, остальные – в г. Комсомольске, Верхнебуреинском, Хабаровском, Вяземском, Нанайском, Тугуро-Чумиканском, Ульском районах и районе им. Лазо.

Из приведенных данных видно, что численность хунгарийских орочей из Комсомольского района в 1970 г. по сравнению с 1959 г. уменьшилась почти на 40 чел. В связи с объединением орочского колхоза «Красная тайга» с русским колхозом «Север» и ликвидацией Кунского сельского Совета [8], хунгарийские орочи переселились в с. Новое Омми и другие населенные пункты Хабаровского края и за его пределы.

Ликвидация государственных и коллективных хозяйств среди орочей прямым образом отразилась не только на миграционном процессе в рамках Комсомольского и Советско-Гаванского районов Хабаровского края, но и на создании орочских семей. Так, например, кроме указанных выше поселений, коппинские и тумнинские орочи стали осваивать г. Советская Гавань, поселки Ванино, Заветы Ильича, Высокогорный, Октябрьский и др. Все это привело к тому, что орочские женщины стали чаще выходить замуж за русских мужчин или вступать с ними во временную супружескую связь. Этим и объясняется то, что в начале 1970-х гг. по сравнению с предыдущими десятилетиями количество орочских браков сократилось в 2,9, а в 1990-е гг. – в 8 раз, соответственно число смешанных браков увеличилось в 9-10 раз преимущественно за счет русских.

К концу 1970-х гг. численность орочей в Хабаровском крае по разным причинам сократилась с 522 до 460 чел. Неустроенность быта и повышение образовательного уровня оказали существенное влияние на миграционный процесс народа. Многие орочи стали покидать свои традиционные места жительства и переселяться в города и крупные поселки с промышленным производством. Так, например, численность орочей в 1979 г. по сравнению с предыдущим десятилетием увеличилась в г. Хабаровске в 3,3 раза, в г. Комсомольске – в 4,1. Также орочи по одной семье с общим количеством в 16 чел. обосновались в Аяно-Майском, Бикинском, Солнечном районах и в районе им. П.Осипенко.

С миграцией орочей в Хабаровском крае наблюдается новый отток орочей из Комсомольского района, где ранее они проживали в с. Кун, а затем в п. Снежном. Там на конец 1970-х гг. осталось всего 44 чел. С выделением из Советско-Гаванского Ванинского района тумнинские и коппинские орочи большей частью (213 чел.) стали проживать в Ванинском районе, меньшее их число (87 чел.) – в Советско-Гаванском районе.

Миграционный процесс орочского общества особенно усилился в 1980-е гг. Согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., зарегистрировавшей 915 чел., орочи в небольшом числе проживали в пределах Украины, Грузии, Узбекистана, Казахстана и Молдавии. Однако основное число орочского населения (883 чел.) находилось на территории РСФСР [9], из них 492 ороча обитало в районах Хабаровского края, в Приморском крае – около 50 чел. Остальные орочи в числе до 350 чел. отдельными представителями и семьями разъехались по всей Российской республике. Переселение орочей в густонаселенные поселки и города с русским и другим населением естественно привело к уменьшению орочских браков и увеличению смешанных. Это не могло не повлиять на рождаемость детей от орочей. Для наглядности мы предлагаем следующую таблицу:

Таблица 3

Рождаемость в орочских семьях, %

Показатели	1951–1955 гг.	1961–1965 гг.	1971–1975 гг.	1981–1985 гг.	1991–1995 гг.
Полная орочская семья: муж и жена орочи	53,3	50	15,7	39,4	Нет
Смешанная семья:					
а) муж русский, жена орочка					
б) муж ороч, жена русская	6,5	8	33,3	24,3	46
в) один из супругов ороч	–	–	9,8	6	8,1
другой не русской национальности	1,3	12	9,8	3	5,4
Неполная семья – мать-одиночка:					
а) ребенок от русского мужчины	3,9	2	11,7	27,3	32,4
б) ребенок от мужчин других наций, в том числе и от орочей	35	28	19,7	–	8,1
Семья, где один из супругов или сожителей русской национальности	10,4	10	54,8	57,6	86,5

Исходя из приведенной таблицы наглядно видно, что реальная рождаемость в орочских семьях за последние 40 лет (с 1950-х по 1980-е гг.) сократилась в 3,1 раза, а в 1990-е гг. полностью отсутствует. В это же самое время рождаемость в смешанных семьях с одним из супругов или сожителем русской национальности, начиная с 1950-х гг., в 1970-е гг. увеличилась – в 5,3 раза; в 1980-е гг. – в 5,5; в 1990-е гг. – в 8,3 раза. Иными словами из каждых десяти рожденных детей в чисто орочских и смешанных семьях в 1950-е гг. один ребенок был от русских; в 1960-е гг. – тоже один; в 1970-е гг. – 5; в 1980-е гг. – 5-6 и в 1990-е гг. – 8 иногда 9 детей.

Количество детей в семьях орочей зависит не столько от образовательного уровня супругов и экономического благосостояния семьи, сколько от традиционной установки на многодетность, что наглядно просматривается на предлагаемой таблице.

Численность детей в семьях орочей

Число детей в семье	1951–1955 гг.		1961–1965 гг.		1971–1975 гг.		1981–1985 гг.		1991–1995 гг.	
	Число семей	Доля в %	Число семей	Доля в %	Число семей	Доля в %	Число семей	Доля в %	Число семей	Доля в %
1	14	18,1	7	14	25	49	13	39,4	18	48,7
2	22	28,6	6	12	8	15,8	10	30,3	3	8,1
3	22	28,6	9	18	7	13,8	4	12,2	7	18,9
4	12	15,6	6	12	3	5,9	2	6,05	2	5,4
5	5	6,5	4	8	–	–	1	3	3	8,1
6	2	2,6	8	16	–	–	–	–	3	8,1
7	–	–	6	12	4	7,8	1	3	1	2,7
8	–	–	3	6	2	3,9	–	–	–	–
9	–	–	1	2	1	1,9	2	6,05	–	–
10	–	–	–	–	1	1,9	–	–	–	–
	77	100	50	100	51	100	33	100	37	100

Материалы таблицы показывают, что наибольшее количество детей в семьях имелось в годы, когда среди орочей меньше было русско-орочских и других смешанных браков, когда в деторождении принимали участие орочки более старшего возраста и уже имеющие по несколько детей в семье. До 1970-х гг. во многих семьях орочей, независимо от экономического благосостояния семьи, еще продолжала жить традиция иметь в семьях много детей. С ростом русско-смешанных браков эта традиция отпала, потому что представители русской нации большое внимание уделяют материальному благополучию семейной жизни и по этой причине в эти годы предпочитали иметь не более трех детей. Таким образом, русское самосознание в значительной мере повлияло на сокращение численности детей в семьях, что и отразилось на сокращении общей численности исследуемого населения.

За исследованный период естественный прирост орочей от орочских и смешанных браков по годам выглядит так:

Таблица 5

Естественный прирост населения, чел.

Показатели	1951–1955 гг.	1961–1965 гг.	1971–1975 гг.	1981–1985 гг.	1991–1995 гг.
Рождаемость	77	50	51	33	37
Смертность	34	26	36	22	24
Естественный прирост	43	24	15	11	13

В пересчете на 1000 чел. [10] естественный прирост в 1950-е гг. округленно составил 24-25 чел., в 1960-е – 16, 1970-е – 10, 1980-е – 7 и 1990-е гг. – 8-9 чел.

Все орочские браки за исследованный период (1951–1955, 1961–1965, 1971–1975, 1981–1985 и 1991–1995 гг.) делятся на две категории: чисто национальные (муж и жена орочи) – 30,5 % и смешанные (один из супругов ороч, а другой иной национальности) – 69,5 %. Чисто орочские и смешанные браки создаются независимо от уровня образования супругов, их занимаемой должности или специальности на производстве, но с учетом взаимной симпатии, любви и уважения друг к другу.

Возраст мужчин, вступающих в браки, колеблется от 19 до 72 лет, у женщин – от 18 до 65 лет. Возраст брачных пар также не всегда одинаков. К наиболее распространенным бракам относятся пары, когда муж или жена старше одного из супругов на 1-5 лет – 66,8 %, при этом молодые женщины в возрасте до 25 лет и выше предпочитают иметь мужа моложе себя на 1-4 года. Орочские мужчины от 25 и более лет чаще женятся на женщинах гораздо моложе себя. Так, например, из 100 % орочских браков зафиксировано 16,6 %, когда мужчина старше жены на 7-8 лет, 11,1 % – на 11-14 лет и 5,5 % – на 27 лет. В начале 1960-х гг. 68,9 % орочских семей состояли из представителей двух поколений (в том числе 11,3 % матери-одиночки с детьми) и 31,1 % – из трех поколений [11].

Из 100 % смешанных браков наибольшее число приходится на русско-орочские пары, из них 75,6 % – брак во главе с русским мужчиной и 9,7 % – браки орочских мужчин с русской женщиной. При этом если до 1950-х гг. браки чаще всего заключались только между жителями, проживающими в с. Уська-Орочи, Уська-Русская, Датта, Джугжа, Коппи и др., то с 1970-х гг. начинается повсеместное создание семей во главе с русскими мужчинами, преимущественно проживающими за пределами традиционных орочских поселений – это в поселках Ванино, Вьючном, Датте и Иннокентьевке, г. Советская Гавань и др. За 1971–1975 гг. было создано 13 браков, за 1981–1985 гг. – 9 и в 1991–1995 гг. – 8 браков. Преимущественно в брак впервые вступали русские мужчины в возрасте до 20 лет (10 %), 21-24 года (60 %), 25-27 лет – 10 %. Вторичный брак

создавался русскими мужчинами в возрасте 32-37 (16,7 %) и 46 лет (3,3 %). Возраст женщин, вступивших в брак в эти годы, колеблется от 17 до 37 лет. Причем преимущественно мужчины в возрасте до 25 лет старше своих жен на 1-5 лет (41,9 %), а мужчины в возрасте от 32 до 46 лет старше своих жен на 6-10 лет (19,3 %), муж старше жены на 13 лет (3,2 %). Из всех русско-орочских браков 16,1 %, когда жена старше мужа на 1-4 года и 9,7 % – жена старше мужа на 6-7 лет. 9,8 % – супруги одногодки.

Повторные браки за рассматриваемые годы среди орочей полностью отсутствуют, за исключением одного случая, когда 72-летний вдовец официально оформил брачный союз с 65-летней орочкой. В смешанных русско-орочских браках со стороны русских наблюдается 19,3 % повторных браков, а со стороны орочей – 9,7%.

За исследованный период в 77 семьях орочей имелось по одному ребенку, причем 40 из них были матери-одиночки. Возраст матерей из супружеских пар не превышал 28 лет. Возраст матерей-одиночек значительно моложе – 17-23 года. По два ребенка имелось в 48 семьях, из них было матерей-одиночек 20 чел. Возраст супругов не превышал 39 лет, а возраст матерей-одиночек был от 20 до 33 лет. По три ребенка имелось в 45 семьях, из них 14 женщин считались матерями-одиночками. По четыре ребенка было в 25 семьях, из них пять женщин-одиночек. По пять ребятишек было в 13 семьях, из них две матери-одиночки. Супружеские пары и матери-одиночки имели по 37-39 лет. По шесть детей было в девяти семьях. По семь – в 13, одна из них мать-одиночка в возрасте 41 года, по восемь – в пяти и по девять детей имели две семьи, по десять – одна семья. Возраст супругов многодетных семей (5-6 детей) – у мужчин был равен 42-63 года, у женщин – 31-48 лет. Возраст супругов, имеющих 7-10 детей, – минимум 31-35-40 лет.

Следует особо отметить такую социальную категорию ороческой семьи как – «мать-одиночка». За исследуемый период эти «одиночки» произвели на свет 82 ребенка при наличии еще 81 – всего 163 ребенка. Многие из них имеют по 2-5 и более детей. В актовых записях о рождении детей указывается только национальность отца, поэтому не всегда можно определить, действительно ли это мать-одиночка или она живет с мужем, но не оформила при этом свой брак. Материалы показывают, что некоторые матери-одиночки специально не регистрируют свой брак, чтобы пользоваться определенными льготами, которые предоставлялись государством одиноким матерям.

В 1950–1960-е гг. матери-одиночки в основном базировались в с. Уська-Орочская, Уська-Русская, Коппи и других селах. С объединением ороческого колхоза «Ороч» с колхозом «Даттинец» и созданием объединенного рыболовецкого колхоза «50 лет Октября» с центральной усадьбой в п. Датта, матери-одиночки в 1980–1990 гг. полностью осели в п. Датта, частично в п. Иннокентьевке, городах Ванино и Советская Гавань.

Большое количество матерей-одиночек свидетельствует о ненормальном социально-экономическом положении ороческих женщин, морально ущемляющих не только себя, но и то поколение, которое они производят наравне с полными семьями.

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод, что сокращение чисто ороческих и увеличение смешанных браков свидетельствует о разобщенности ороческого общества и стремительной ассимиляции его населения. Не далек тот день, когда со смертью старых людей орочи полностью будут представлять из себя только ассимилированное поколение, не знающее ни своего языка, ни своей традиционной культуры. Это будут уже совершенно другие люди (другой народ), хотя по внешним антропологическим признакам и ряду документальных записей они будут относиться к ороческой национальности.

Источники и литература

1. Коренные малочисленные народы Севера Хабаровского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Статистический сборник. – Хабаровск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, 2006. – С. 15.
2. РГИАДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 1182. Л. 503.
3. Ларькин В.Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). – М.: Наука, 1964. – С. 158.
4. ГАХК. Ф. 1897. ОП.1. Д.115-130. – Похозяйственные книги № 1 – 16 Устьинского сельского Совета за 1961–1963 гг.
5. Ларькин В.Г. Указ. соч. – С. 159.
6. Там же.
7. ГАХК. Ф. 137. Оп. 23. Д. 326. Л. 2, 5.
8. ГАХК. Ф. 137. Оп. 23. Д. 260. Л. 2-3.
9. Нас 285.761.976 человек, и все мы живем в одной стране // Союз (Энциклопедия «Союза»). – 1990. – Август. – № 32.
10. В данном случае мы берем примерную численность Советско-Гаванского и Ваннинского районов за исследованные годы: 1951–1955 гг. – 350 чел.; 1961–1995 гг. – по 300 чел.
11. Ларькин В.Г. Указ. соч. – С. 157.

Динамика этнического состава населения Удмуртской Республики. 1959–2002 гг.

Для Удмуртской Республики, принадлежащей к многонациональным регионам Российской Федерации, крайне важен учёт этнодемографического фактора развития населения республики.

Рассмотрим этнический состав населения Удмуртской Республики, используя данные Всесоюзных переписей населения и Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2002 г. Сведения о численности всех национальностей страны, о характере динамики этнического состава можно получить только из материалов переписей населения.

С момента проведения последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. прошло 12 лет, за которое произошли кардинальные изменения в социально-политической и экономической сферах жизни российского общества. Первая Всероссийская перепись населения Российской Федерации 2002 г. продемонстрировала на основе количественных данных определенные изменения, которые произошли в населении на протяжении 12 лет.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. на территории Удмуртии проживает 122 национальностей. В многонациональном составе населения Удмуртской Республики русские составляют численное большинство – 60,1 %, доля титульной национальности составляет 29,3 %, доля татар – 6,9 %. Остальные национальности составляют менее 1 % (каждая национальность) от общей численности населения республики, общая доля их составила 3,3 %.

Среди малочисленных национальностей одна из самых многочисленных – украинцы (11 527 чел.), их доля в общей численности населения республики составляет 0,7 %. Далее следуют марийцы (8 985 чел., 0,5 %), башкиры (4 320 чел., 0,2 %), азербайджанцы (3 908 чел., 0,2 %), белорусы (3 308 чел., 0,2 %), армяне (3 283 чел., 0,2 %), бесермяне (2 998 чел., 0,1 %), чувашаи (2 764 чел., 0,1 %), немцы (1 735 чел., 0,1 %).

Доля русских во всем населении Удмуртии существенно выросла за период с 1926 по 1939 г., в последующие периоды продолжался ее рост, тогда как доля титульной национальности постоянно сокращалась. Если в 1926 г. доля удмуртов в общей численности населения республики составляла 52,3 %, доля русских – 43,3 %, то в 1939 г. относительное большинство составляло русское население: 39,4 % и 55,7 % соответственно [1].

Соотношение городского и сельского населения Удмуртии было также неоднородным. Подавляющую часть населения городов в первые годы Советской власти по-прежнему составляли русские. Доля русских в городах Удмуртии в 1926 г. составляла 89,8 %, доля удмуртов – 3,9 %, в сельской местности – 38,0 и 57,9 % соответственно. К 1939 г. удельный вес русских, проживающих в городах республики, сократился и составил 81,4, доля удмуртов, напротив, возросла – 11,2 %. В сельской местности доля русских повысилась – 46,6 %, доля удмуртов сократилась – 49,4 %.

Во второй половине XX в., по данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., сохранялись тенденции увеличения численности русского и сокращения удмуртского населения в республике. Среди городских жителей сохранилась тенденция сокращения русского и увеличения удмуртского населения. Что касается сельских жителей, то доля русского населения сократилась по сравнению с данными довоенного периода с 46,6 % в 1939 г. до 42,9 % в 1959 г. и далее продолжала сокращаться. Удельный вес удмуртского населения села, напротив, повысился с 49,4 % в 1939 г. до 52,1 % в 1959 г. и далее наблюдалось увеличение.

Среди городского населения доля русских является преобладающей. За период с 1959 по 1989 г. доля русского населения сокращалась с 74,2 до 68,1%, в то время как доля удмуртского населения несколько увеличилась с 14,8 до 19,8 %. Позиция татарского населения сохраняла стабильность на уровне 8 %.

В сельской местности большинство среди национальностей составляет титульная нация – более 50 %. На протяжении нескольких десятилетий с 1959 до 1989 г. доля удмуртского населения увеличивалась с 52,1 до 56,5 %, доля русских сокращалась – 42,9 и 37,5 % соответственно. Доля сельского населения среди татар практически не изменилась – 3 %.

Таким образом, наблюдались тенденции сокращения доли русского населения среди городского и сельского населения и увеличение доли удмуртов соответственно. Однако в аспекте общей численности населения картина совершенно иная: доля русского населения увеличивалась, доля удмуртского населения сокращалась.

Доля русского населения по данным Всесоюзной переписи 1989 г. составляла 945 тыс. чел. (58,9 %). К титульной национальности себя причислили 496 тыс. чел. (30,9 %). Численность татар составила 110 тыс. чел. (6,9 %). Остальные национальности составляли менее 1 % от общей численности населения республики.

* **Чернышева Ирина Васильевна** (Ижевск) – кандидат исторических наук, доцент Удмуртского государственного университета.

Таблица 1

Изменение национального состава населения Удмуртской Республики. 1959–2002 гг., %

Национальности	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Все население					
Русские	56,8	57,1	58,3	58,9	60,1
Удмурты	35,6	34,2	32,1	30,9	29,3
Татары	5,4	6,1	6,6	6,9	6,9
Городское население					
Русские	74,2	71,3	69,7	68,1	69,1
Удмурты	14,8	16,9	18,6	19,8	18,6
Татары	8,1	8,5	8,4	8,4	8,5
Сельское население					
Русские	42,9	38,2	36,6	37,5	39,4
Удмурты	52,1	57,2	57,2	56,5	53,8
Татары	3,2	3,0	3,2	3,3	3,3

Сравнение данных Всероссийской переписи населения 2002 г. с предыдущей переписью 1989 г. продемонстрировало незначительное изменение, но стоит отметить увеличение доли русского (на 0,6 %), татарского (на 0,5 %) населения и сокращение доли удмуртского населения (на 1,9 %). Русские, как и прежде, составляют преобладающую долю в общей численности населения республики.

Увеличение доли русского населения объясняется, во-первых, в 1990-е гг. миграционным потоком извне и, во-вторых, ассимиляционными процессами. Активные контакты русских с другими народами вели к образованию национально-смешанных семей, к ассимиляции, особенно, это отразилось в следующих поколениях, что увеличивало численность, как правило, русского населения.

Что касается показателей татарского населения, то, вероятно, следует иметь в виду, не только демографические составляющие (миграция и рождаемость), но прежде всего результаты повышения процесса этнического самосознания и процесса этнической ассимиляции.

Следует отметить, что снижение доли удмуртов в общей численности населения республики, происходило за счет отрицательного естественного прироста, миграции сельского населения за пределы Удмуртии и за счёт процессов ассимиляции, в основном в городах.

Если посмотреть на ситуацию в соседних восточно-финских республиках наблюдается аналогичная тенденция – сокращение титульных национальностей восточно-финских народов (финно-угорской группы). В многонациональном составе населения этих республик абсолютное большинство составляет русское население. Анализируя материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г., финский исследователь Сеппо Лаллукка, отмечал, что коми, марийцы, мордва и удмурты оказались на положении национально-меньшинства не только в масштабе России, но и в пределах соответствующих титульных республик [2].

Таблица 2

**Этнический состав в восточно-финских республиках
(по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г.)**

Население	Марий Эл	Мордовия	Удмуртия	Коми
Все население	727979	888766	1570316	1018674
Русские	345513	540717	944108	607021
Марийцы	312178	227	8985	3202
Горные марийцы	17715	2	5	7
Лугово-восточные марийцы	52696	2	84	56
Мордва	1255	283861	1157	2390
Мордва-мокша	7	47406	13	18
Мордва-эрзя	2	78963	8	5
Удмурты	2166	147	460584	2336
Бесермяне			2998	3
Коми	78	45	242	256464
Коми-ижемцы	1		1	12689
Коми-пермяки	42	34	367	1118

В свое время известный советский этнодемограф В.И. Козлов писал об этнодемографических особенностях финно-угорских народов, что «численность мордвы к 2000 г. уменьшится, не исключено, что из-за развивающейся этнической ассимиляции начнет снижаться численность у коми и удмуртов» [1].

Безусловно, необходимо учитывать и тот факт, что при проведении переписи 2002 г. отдельно стали учитывать бесермян, коми-ижемцев, горных марийцев, лугово-восточных марийцев, мордву-мокшу, мордву-эрзя.

По мнению В.А. Тишкова, важен и фактор смены идентичности, особенно если распространены меж-этнические браки. По прошлой переписи известно, что почти 76 % украинцев в России живут в этнически смешанных семьях, в основном – русско-украинских. В Приволжском федеральном округе во время переписи 1989 г. украинцами себя назвали свыше полумиллиона человек. То же двойное этническое самосознание характерно для белорусов, мордвы, удмуртов. Не только браки, но и распространение городского образа жизни влияет на перемену в этническом самосознании. Нередко оно становится двойственным, а этого перепись 2002 г. уловить не смогла из-за несовершенной методики опроса. Можно предположить, что трудности учета неоднозначной этнической идентичности стали существенной причиной сокращения численности мордвы, удмуртов, марийцев, хотя, будь методика несколько иной, другими были бы и результаты. Определенную роль сыграло и появление «новых», как правило, очень маленьких этнических групп. Так, в списке народов теперь числятся бесермяне, тогда как раньше их учитывали в составе удмуртов [3].

Численность 15 народов финно-угорской группы различна: от нескольких сотен ижорцев до более миллиона мордвы. Как отмечает С.Лаллукка, «ассимиляционные потери играют весьма существенную роль в динамике населения восточно-финских национальностей. В течение длительного промежутка времени дисперсия восточно-финских национальностей способствовала их ассимиляции, главным образом, русскими». К сожалению, восточно-финские меньшинства далеко продвинулись по пути ассимиляции. Более того, демографические структуры национальностей приобрели такие регрессивные черты, что уже из-за этого в обозримом будущем следует, вероятнее всего, ожидать либо стагнационной, либо сокращающей динамики развития их численности. Наиболее тревожными являются перспективы языков: численность носителей восточных финно-угорских языков постоянно снижается. Но несмотря на все проблемы выживания, стремительного исчезновения национальностей не предвидится. Тот факт, что у меньшинств сохраняются определенные культурные институты, несомненно, сдерживает их обрусение. При условии, что определенный уровень устойчивости этнической самобытности, пусть и частично размытой, будет сохранен, родные края восточно-финских народов могут избежать превращения их в обыкновенные русские провинции [2].

Источники и литература

1. Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. – М., 1982.
2. Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. – СПб., 1997.
3. Тишков В.А. Этнический состав населения России (первые итоги переписи 2002 г.) / www.valerytishkov.ru

**Всероссийские переписи населения 1959 г. и 2002 г.
как источники демографической информации и ... не только**

Еще несколько десятилетий тому назад вопросы, связанные с природой и происхождением разнообразных свидетельств прошлого, их взаимоотношением с исследователем и создаваемыми им историческими полотнами, относились исключительно к компетенции большой академической науки. В своей обыденной жизни они не часто выходили за пределы очерченного им предназначения и, как правило, воспринимались фотографически точным слепком исследуемой реальности. Однако по мере интеллектуального брожения, все глубже погружающего историю в омут дисциплинарной саморефлексии, подобного рода вопросы приобретают не только самостоятельную значимость, но и становятся непременным атрибутом исследовательского поиска. И если раньше историк удовлетворялся лишь простым перечислением использованных им источников, то теперь он вынужден задаваться вопросами о необходимости обращения именно к этому виду исторических источников, их информационной емкости и самое главное – о природе их происхождения. В этом отношении достаточно показательна ситуация, складывающаяся с так называемыми источниками официального происхождения, теми, которые формируются по инициативе и при непосредственном участии государства.

Одним из таких источников как раз и являются переписи, дающие, по свидетельству специалистов, самые точные и всеобъемлющие сведения о населении. Проводимые и разрабатываемые по инициативе государства они всегда соотносятся с его интересами, отражая не только состояние общества в целом, но и официально принятые представления о значимости составляющих его элементов. Информация, которую с помощью переписи предполагается получить в течение короткого промежутка времени, содержит ответы на многие вопросы, прежде всего, необходимые для удовлетворения информационных потребностей государства. Именно оно выступает основным заказчиком определенным образом собираемой информации, разрабатывая через соответствующие организации программы переписей, индикаторы которых как раз и позволяют собрать о каждом человеке «совокупность заранее намеченных признаков на единый хронологический срез». В этом заключается их основное преимущество перед другими массовыми статистическими источниками: они дают одновременный «сколок» общества, причем очень высокой степени достоверности.

Вместе с тем, переписям, как и иным источникам статистической информации, присущи недостатки. Так, программа переписи 1926 г. оказалась наиболее полной по сравнению со всеми другими. При этом изучение народов огромной страны, живших в разных формациях, «по единой, пусть и весьма обширной программе, неизбежно смазывало картину, как бы подтягивая отсталые народы к уровню передовых и численно преобладающих, поскольку программа переписи, в конечном итоге, ориентирована именно на них» [1]. А накануне проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г. статистическое управление Адыгейской автономной области столкнулось с рядом фактов завышения возраста «отдельных групп, находящихся на грани перехода от трудоспособного к нетрудоспособному возрасту». Только одна из выборочных проверок по Теучежскому району выявила около 100 случаев завышения возраста от 1 до 16 лет. Однако данные факты «в виду отработанности программы предстоящей переписи» отражения в ней так и не подучили [2].

В данной связи обращает на себя внимание ряд особенностей, связанных с использованием переписей населения. Прежде всего, при работе с переписями исследователь никогда не имеет дела с первичным массивом данного источника – с анкетами-опросниками. Он изучает лишь вторичную, обработанную и обобщенную информацию и не имеет возможности изучить анкету конкретного человека. Подобного рода неудобства компенсируются тем, что во вторичной информации содержится анализ всего массива источника; она представляет собой первичный анализ данных переписи по одному из признаков или их совокупности. Существует перечень таблиц, диаграмм и прочих схем, содержащих комбинации этих учетных признаков. В них переводится первичная информация, которая была заключена в массиве анкет переписи.

Для характеристики динамики, численности и структуры населения России после 1917 г. имеются данные восьми переписей населения: 1920, 1926, так называемая «репрессированная перепись» 1937, материалы которой вплоть до недавнего времени считались утерянными, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. Из них перепись 1937 г. была аннулирована, перепись 1939 г. не «удостоилась отдельной публикации» и ее результаты известны специалистам только в сопоставлении с итогами других переписей. На сегодняшний день полностью опубликованными оказались итоги лишь четырех всесоюзных (1926, 1959, 1970, 1979 гг.)

* Хлынина Татьяна Павловна (Ростов-на-Дону) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. E-mail: tatiana_xl@mail.ru

и одной всероссийской (1920). Результаты последней переписи все еще не получили своего окончательного оформления.

Не будучи профессиональным демографом, мне, как и большинству коллег-историков, доводилось в свое время работать с материалами ряда из этих переписей. Тем не менее профессиональное внимание привлекли только две из них: 1959 и 2002 гг. Причинами тому оказались нахождение материалов (программы, листов-опросников и их первичной обработки) переписи 1959 г. в одном из региональных архивохранилищ страны, а также собственное участие в переписной кампании 2002 г. Ощущения от прикосновения к первоисточнику остались довольно путанные. Причем эта путанность нарастала по мере добросовестно предпринимаемых попыток «продраться» сквозь плохо прочитываемые строки опросных листов, неоднократно вымаранных и переписанных, к окончательным ответам респондентов. В конечном итоге, осталась лишь твердая убежденность в приблизительности результатов переписей, все более подтверждаемая процессом участия в проводимых опросах населения.

Тем не менее, невзирая на отмеченные погрешности, рассмотрим подробно, как организовывались указанные переписи и к каким результатам они привели. Так, переписи 1959 г. предшествовало обсуждение ее программно-методологического обеспечения на Всесоюзном совещании статистиков, состоявшемся 4-8 июня 1957 г. в Москве. В совещании кроме непосредственных организаторов переписи приняли участие и многие ученые, которые внесли целый ряд важных предложений для включения в программу переписи. Однако большинство из них не было принято тогдашним руководством советской статистики [3]. По основным программным вопросам она мало чем отличалась от переписи 1939 г. за исключением вопроса о грамотности, который не включался в дальнейшем ни в какие другие переписи в качестве самостоятельного. Переписной лист содержал всего 15 вопросов, среди которых особое внимание уделялось национальной принадлежности и владению родным языком, для более точного определения которых был специально разработан «Словарь национальностей и языков народов СССР». В отличие от переписи 1939 г. значительные изменения претерпела графа «прочие народы и народности». Теперь к ним относились только те, «чье наличие в стране невозможно было предсказать» [4].

Вместе с тем, она оказалась весьма важным мероприятием, так как было «необходимо получить подробную информацию о населении страны и всех изменениях, происшедших в его структуре со времени предыдущей переписи 1939 года» [5]. Ее проведение на территории Адыгейской автономной области, как и по всей стране в целом, сопровождалось разработкой всевозможных памяток населению на русском и национальном языках, методических указаний и лозунгов [6]. Наиболее популярным обращением к трудящимся области стал лозунг: «Рабочие, колхозники, интеллигенция, все граждане! С 15 по 22 января проводится Всесоюзная перепись населения. От вашего активного участия зависят итоги проведения переписи. Точно отвечайте на все вопросы переписного листа» [7].

Материалы переписи 1959 г. были опубликованы в 16 томах: один том итогов по СССР в целом и 15 – по каждой союзной республике в отдельности. Численность населения СССР по переписи 1959 г. составила 208,8 млн. чел.; 48 % всего населения составляли городские жители и 52 % – сельские [8]. Изменился и возрастно-половой состав населения. В результате военных потерь соотношение между численностью мужчин и женщин в населении было нарушено, мужчин было 45 % и женщин 55 %. В возрастных группах, принимавших участие в боевых действиях, оно оказалось еще более неблагоприятным. Значительно увеличился удельный вес старших возрастных групп. Основной причиной этого явилось существенное снижение рождаемости, а также значительные военные потери в молодых возрастах [9].

Результаты переписи вызвали большой научный резонанс. Перепись послужила мощным стимулом к активизации научных исследований не только в демографии, но и в экономике, социологии и других общественных науках. Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что перепись населения 1959 г. проводилась практически сразу же после XX съезда КПСС, когда в стране наступила «оттепель», а общественные науки впервые за долгие годы получили относительную свободу развития [10].

В демографии также происходили определенные изменения. После переписи 1959 г. резко активизировались демографические исследования динамики структуры населения и демографических процессов, расширились публикации научной демографической литературы, активизировались дискуссии по теоретическим проблемам самой науки. В этом отношении большое значение имело проведение Всесоюзного симпозиума по вопросам марксистско-ленинской теории народонаселения, состоявшегося в ноябре 1966 г. в Москве, на котором обсуждались вопросы становления демографии как самостоятельной общественной науки, ее предмета и взаимоотношений с другими научными дисциплинами [11]. Именно в этот период времени происходит значительное расширение официальных статистических публикаций, в том числе и демографического характера.

Переписи 2002 г. предшествовала микроперепись населения 1994 г. Она проводилась в соответствии с постановлением Правительства РФ от 15 марта 1993 г. № 231 повсеместно (за исключением Чеченской

республики) и охватывала 5 % населения [12]. Она существенно отличается от всех предыдущих переписей, прежде всего, значительно более широким кругом вопросов, которых было 41. Из них 36 включали сведения личного характера и пять – о жилищных условиях [13]. Наряду с традиционными для каждой переписи вопросами о поле, возрасте, брачном состоянии, национальности и родном языке, уровне образования был и ряд новых вопросов. Так, вместе с вопросом о родном языке впервые предлагался вопрос о разговорном языке, т.е. том, которым человек преимущественно пользуется в жизни. Причем на этот вопрос нужно было дать три ответа: каким языком человек пользуется преимущественно у себя дома, в учебном заведении (или дошкольном учреждении) и на работе. Также относительно новым был вариант ответа на вопрос о состоянии в браке: зарегистрирован брак или нет. Среди вопросов, посвященных изучению рождаемости, к вопросу о планируемом (ожидаемом) женщинами числе детей впервые добавился очень важный вопрос о желаемом ими же числе детей [14]. Ряд вопросов преследовал цель выяснить различные аспекты занятости и безработицы. К этой же теме примыкал и вопрос о наличии садового или дачного участка либо огорода. Вновь присутствовал и вопрос о сумме дохода, правда, в отличие от микропереписи 1985 г. требовалось указать общую сумму дохода лишь за январь 1994 г. [15].

Полноценная перепись населения была назначена на 1999 г. В данной связи появились обсуждения новых методологических подходов в ее организации и проведении, в том числе – и проблем определения этнического состава населения [16]. Для ее подготовки в 1995 г. было организовано Всероссийское совещание статистиков, а на ноябрь 1996 г. планировалось проведение пробной переписи. Однако пробная перепись была осуществлена только в 1997 г. Она охватила 307 тыс. чел. в четырех регионах Российской Федерации. В качестве эксперимента некоторые бланки были розданы населению для самозаполнения, что, конечно, упрощало процедуру опроса. Результаты показали, что все же наиболее эффективен старый метод опроса при помощи счетчиков, так как бланки переписи, собственноручно заполненные населением, содержали много ошибок. Пробная перепись, помимо возложенных на нее экспериментальных задач, выявила факт, не связанный со статистикой: новая государственная система управления оказалась неспособной мобилизовать значительные финансовые ресурсы для проведения сплошного опроса населения [17].

Наблюдатели указывали на отсутствие политической воли руководства страны в решении этой проблемы. В прессе не единожды высказывалось мнение о том, что главная причина задержки переписи не финансовая, а политическая. Указывалось, в частности, что властям, как в центре, так и в регионах невыгодно иметь точные сведения о численности населения перед проведением выборов. Тем не менее, но уже в процессе тренировочной переписи стало очевидно, что денег не хватает даже на оплату труда счетчиков. Поэтому, чтобы снизить нагрузку на исполнителей, было решено не проводить общероссийскую перепись в зимний период. Пробная перепись 1997 г., осуществленная в феврале, показала, что основную перепись следует перенести на более теплый сезон года, но такой, чтобы миграционная подвижность населения была минимальной. Для проверки провели еще раз пробную перепись в 2000 г. в октябре. Все эти действия неизбежно требовали переноса сроков основного опроса [18]. Отказавшись от проведения переписи в 1999 г., российское правительство вначале планировало ее на 2000, затем – на 2001 г. Окончательная дата проведения была назначена на 9-16 октября 2002 г. [19].

Постановление о проведении переписи и формировании соответствующей Государственной комиссии было подписано президентом РФ 22 сентября 1999 г. На своем первом же заседании, состоявшемся 14 марта 2000 г., Комиссия пришла к выводу, что в условиях добровольности участия в переписи проводить ее бессмысленно, поскольку любая группа лиц сможет легитимно ее проигнорировать и, в конечном итоге, сорвать. Госкомстату был дан еще один месяц на доработку соответствующего закона. Между тем, 27 марта Госкомстат утвердил первый вариант вопросника переписи населения. Всего в программу вошло 22 позиции, 14 из них задавались всем постоянным жителям, а еще 8 – в каждом четвертом домохозяйстве. Для лиц, находящихся на территории России временно, была предусмотрена сокращенная программа, включающая в себя семь вопросов.

Наконец, 27 декабря 2001 г. после многочисленных согласований Закон «О Всероссийской переписи населения» был принят Государственной Думой, а 25 января 2002 г. подписан президентом. В соответствии с ним перепись проводилась с соблюдением прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни и жилища. Однако участие в переписи являлось «общественной обязанностью человека и гражданина» [20]. Тем самым, свое главное назначение – разрешить дилемму всеобщности и добровольности переписи – Закон так и не выполнил.

С методологической точки зрения перепись 2002 г. заметно отличалась от предыдущих целым рядом особенностей и новшеств. Необычным, а по мнению ряда экспертов, и скорее неудачным, был выбор октября месяца в качестве срока проведения переписи. Однако главным отличием оказался отказ от учета наличного населения. Продиктованный, вероятнее всего, малым бюджетом, он был удобен и в ряде других отношений и для благовидности освящен авторитетом Научно-методического совета Госкомстата России. Учету

подлежало лишь одно постоянное население, критерием которого являлась продолжительность проживания на данном месте не менее чем один год. Другим нововведением, отвечавшим международным рекомендациям статистиков, стало то обстоятельство, что впервые после 1897 г. в качестве единицы наблюдения выступала не семья, а домохозяйство. Серьезнейшим новшеством оказалась и анонимность переписных листов [21].

Из окончательной программы переписи «выпали» такие важные вопросы, как профессия или позиционирование на рынке труда. Осталось лишь деление населения на трудящихся и всех прочих: иждивенцев, студентов, пенсионеров и инвалидов. В программе не оказалось и вопроса о вероисповедании населения, который был снят, не в последнюю очередь, и по просьбе самих конфессий. Предметом дискуссий стал и принцип «добровольно-выборной» этнической самоидентификации, вплоть до самоназваний, что открыло дорогу для весьма значительных корректив в итоговой этнической структуре населения России. Теперь в ней помимо ряда «экзотических национальностей» (скифы, хоббиты, эльфы) присутствуют и два вполне самостоятельных народа – поморы и казаки [22]. Впрочем, при статистической обработке эти данные будут неизбежно сличаться со сводным перечнем национальностей, подготовленным Институтом этнологии и антропологии РАН и насчитывающим около 800 этнических позиций.

По данным переписи, численность постоянного населения Российской Федерации составила 145,2 млн. чел. По сравнению с 1989 г. численность населения уменьшилась на 1,8 млн. чел., в том числе проживающих в городских поселениях – на 1,6 млн. чел., в сельской местности – на 0,2 млн. чел. [23]. Сокращение численности населения происходило в основном из-за его естественной убыли. С 1992 г. миграция стала единственным источником восполнения потерь в численности населения: всего за 1989–2002 гг. естественная убыль была на три четверти замещена миграционным притоком населения из-за рубежа, подавляющая часть которого приходится на иммигрантов из СНГ и стран Балтии [24].

Как свидетельствуют статистические данные, в России практически прекратился процесс урбанизации. Соотношение горожан и сельских жителей сохранилось на уровне 1989 г. (соответственно 73 и 27 %), основной причиной чему послужили значительные преобразования в административно-территориальном устройстве субъектов Российской Федерации. В России сохранилось характерное для страны превышение численности женщин над численностью мужчин – на 10,0 млн. чел. против 9,6 млн. чел. в 1989 г., что связано с преждевременной смертностью мужчин. Преобладание женщин отмечено с 33-летнего возраста. В России продолжается свойственная европейским странам тенденция старения населения – по сравнению с 1989 г. средний возраст жителей страны увеличился на 4,3 года и составил 37,1 лет. Для мужчин этот показатель равен 34,1 лет, для женщин – 39,8 лет.

Итоги последней Всероссийской переписи населения с момента ее проведения неоднократно подвергались различным количественным уточнениям. Так, до сих пор по отдельным субъектам РФ, в частности Чеченской Республике, называются лишь приблизительные данные [25]. При этом полученная информация о населении в целом зачастую оценивается в качестве «весьма сомнительной», хотя впервые в результате проведения переписи были получены сведения о гражданстве; незарегистрированных браках; населении, имеющим послевузовское образование; статусе населения в сфере занятости; населении, указавшем источники средств к существованию [26].

Как показали итоги двух переписных кампаний, в стране изменилась не только демографическая ситуация, но и отношение самого государства к переменам, происходящим в обществе. Расширение программы переписей, ее обязательно всеохватный характер свидетельствуют о возрастающем беспокойстве государства относительно сокращения наличного состава населения, его традиционно составляющих компонентов. Вместе с тем, хорошо прослеживается и обратная тенденция, идущая со стороны общества, начинающего играть по собственным правилам и нередко вводящего государство в заблуждение относительно интересующих его сведений. В складывающейся ситуации неизбежно возникает вопрос не столько о степени допустимой погрешности данных переписей населения, сколько о возможностях и характере решаемых при помощи данного вида источника исследовательских задач. Тяжелее всего придется и уже приходится историкам, для которых наличие любой относительности в основании возводимого ими здания прошлого означает неминуемую катастрофу... или все же шанс на спасение от тирании факта?

Источники и литература

1. Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. – 1990. – № 3. – С. 86–87.
2. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАРА). Ф.Р.–4. Оп. 3. Д. 352. Л. 123.
3. Всесоюзное совещание статистиков 4-8 июня 1957 г. – М., 1958. – С. 152.
4. ГУ НАРА. Ф.Р.–4. Оп. 3. Д. 352. Л. 56, 245 об.
5. Борисов В.А. Демография. – М., 1999. – С. 43.

6. ГУ НАРА. Ф.Р.–4. Оп. 3. Д. 352 «Указания и разъяснения ЦСУ СССР по проведению Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г.».
7. Там же. Л. 53.
8. Численность, состав и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М., 1961. – С. 5-8.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. – М., 1963. – С. 81–86.
10. Борисов В.А. Указ. соч. – С. 44.
11. Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения: Всесоюзный симпозиум, Москва, 24-26 ноября 1966 года. – М., 1969.
12. Основные итоги микропереписи населения 1994 г. // Общество и экономика. – 1995. – № 1. – С. 81.
13. Жилищные условия населения (по данным микропереписи 1994 г.). – М., 1995. – С. 5.
14. Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). – М., 1995. – С. 124–126.
15. Демографическая характеристика населения по итогам переписи 1989 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demography.narod.ru/>
16. Исупов А. Перепись населения России 1999 года // Вопросы статистики. – 1997. – № 3. – С. 21–29.
17. Соколин В., Збарская И.О результатах пробной переписи населения 1997 года и подготовке к Всероссийской переписи населения 1999 года // Вопросы статистики. – 1997. – № 11.
18. Степанов В.В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп. – М., 2001. – С. 9.
19. Степанов В.В. Указ. соч. – С. 9.
20. О Всероссийской переписи населения: Федеральный Закон от 25 января 2002 № 8–ФЗ // Российская газета, 2002. – 29 янв.
21. Тишков В. Перепись населения: опросный лист и логика жизни // Независимая газета, 2002. – 7-8 июня; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Вопросы статистики. – 2003. – № 3. – С. 3–4.
22. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М., 2004. – С. 6.
23. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Вопросы статистики. – 2003. – № 3. – С. 4.
24. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – М., 2005. – С. 12–18.
25. Демографическое чудо в одном отдельно взятом регионе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/>.
26. Там же.

Современные социально-демографические процессы у удэгейцев и нанайцев Приморья

Довольно полное представление об объекте исследования – о современных социально-демографических процессах у бикинских удэгейцев и нанайцев Приморского края – можно получить путем анализа различных социальных структур: социально-демографической, профессиональной, образовательной и пр. Сравнительный анализ структурных характеристик тех или иных национальных общностей позволяет выявить и изучить специфику и тенденцию их социального развития. Социально-демографические структуры дают представление об удельном весе трудоспособного населения, соотношении половозрастных групп, уровне образования, типе и величине семьи, количестве детей, уровне брачности, а также о характере «вымывания» молодежи в процессе «постарения» деревни.

Исходя из специфики научного интереса автора статьи, главное внимание будет уделено демографическим характеристикам, полученным на основе анализа похозяйственных книг с.Красный Яр Пожарского района Приморского края.

Похозяйственная книга – один из основных источников информации по населению того или иного населенного пункта. Она содержит данные об отдельном индивиде и семье в целом. Пол, национальность, возраст, образование, профессия, место работы, род занятий, показатели миграции индивидов (откуда и когда прибыл) – это исчерпывающая информация по основным (исходным) демографическим характеристикам, профессиональной, социальной, образовательной структурам населения и семьи. Особенно ценную информацию содержит похозяйственная книга по семье. Прежде всего она дает возможность всесторонне проанализировать состав семьи: удельный вес сложных парных семей, одиночек, количество детей и их половозрастную структуру; удельный вес лиц, являвшихся членами семьи, но находящихся в дальнем родстве; структуру браков, в том числе смешанных; частоту встреч мужчины или женщины в качестве главы семьи. Она помогает определить тип семьи по национальному составу; предпочтительность в выборе второго члена брачной пары, соотношение возрастов состоящих в браке. Особенно интересно проследить создание смешанных браков, зависимость их от уровня образования, характера профессий и т.д.

Достаточно достоверной информацией делает то обстоятельство, что ее заполнением и хранением занимается, как правило, секретарь сельского совета, т.е. квалифицированный работник, знающий жителей села. Выработанная годами система заполнения и ведения похозяйственных книг обуславливает серьезность подхода к этой работе на местах, хотя иногда приходилось сталкиваться с небрежным ведением записей, с отсутствием в них важных (прежде всего это касается специальности и работы) характеристик. В ряде случаев отсутствие записи о работе вызывалось и объективными условиями: на момент заполнения человек не был занят на производстве. Другая причина отсутствия необходимых записей, в частности касающейся характеристики хозяйства той или иной семьи, заключается, на наш взгляд, именно в хорошем знании работником сельсовета местного населения. Дело в том, что данные похозяйственных книг должны обновляться раз в пять лет, в течение которых в материальном плане жителей села мало что меняется, поэтому секретарь и делает в новой книге пометки только об изменении демографических характеристик (родился-умер; прибыл-убыл и т.д.), а заполнение остальных граф оставляет на потом.

На момент исследования в с.Красный Яр было зарегистрировано 170 семей (100 %) коренных малочисленных народов (390 удэгейцев (215 муж. и 175 жен.) и 118 нанайцев (45 муж. и 73 жен.)), из которых однонациональные удэгейские семьи составляли 38,5 % (65), однонациональные нанайские – 7 % (12), удэгейско-нанайские – 12,4 % (21), нанайско-удэгейские – 7 % (12), удэгейско-славянские – 7 %, славянско-удэгейские – 11,8 % (20), нанайско-славянские – 2,9 % (5), славянско-нанайские – 4 % (7), удэгейско-прочие и прочие-удэгейцы – по 3,5 % (6), нанайско-прочие и прочие-нанайцы – по 1,2 % (по 2).

Размеры и тип семьи в значительной степени определяются характером хозяйства, образом жизни, условиями обитания каждой конкретной группы народов.

В классификации семей по родственным связям нами было выделено восемь типов семьи: 1) две и более брачные пары с детьми; 2) брачная пара без детей; 3) брачная пара с детьми; 4) одна брачная пара с детьми и одним из родителей; 5) одна брачная пара без детей и одним из родителей; 6) матери-одиночки; 7) отцы-одиночки; 8) прочие (табл. 1).

* **Фадеева Елена Викторовна** (Владивосток) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: ev_fadeeva@mail.ru

Таблица 1

Структура удэгейских и нанайских хозяйств (однациональных и смешанных семей в общем),
% от общего числа хозяйств

Тип хозяйства (семьи)	Удэгейцы	Нанайцы
Всего хозяйств	118 (100 %)	50 (100 %)
Две и более брачные пары с детьми	5 (4,2 %)	1 (2 %)
Одна брачная пара без детей	12 (10,2 %)	7 (14 %)
Одна брачная пара с детьми	59 (50 %)	23 (46 %)
Одна брачная пара с детьми и одним из родителей	5 (4,2 %)	2 (4 %)
Одна брачная пара без детей и одним из родителей	2 (1,7 %)	1 (2 %)
Мать-одиночка	24 (20,3 %)	12 (24 %)
Отец-одиночка	9 (7,6 %)	2 (4 %)
Прочие	2 (1,7 %)	2 (4 %)

Примечание: Рассчитано по похозяйственным книгам с.Красный Яр Пожарского района Приморского края.

Согласно таблице, у удэгейцев и нанайцев наибольшая доля (по 50 и 46 % соответственно) приходилась на семьи 3-го типа, т.е., брачную пару с детьми; на втором месте шли семьи матерей-одиночек (по 20,3 и 24 %), на третьем – семьи бездетных пар (по 10,2 и 14 %).

Средняя численность однациональных удэгейских семей составляет 2,9 чел.; однациональных нанайских – 1,8 чел.; смешанных удэгейско-нанайских – 4 чел.; удэгейско-славянских – 4,1 чел.; удэгейско-прочие – 4,6 чел.; прочие-удэгейцы – 7,8 чел. В смешанных нанайско-славянских семьях средняя численность составляла 3,8 чел.; славянско-нанайских – 3,5 чел.; нанайско-прочие – 4,5 чел.; прочие-нанайцы – 6 чел.

У удэгейцев в 15,4 % однациональных семей жена была старше мужа, а 49,2 % жен является главой семьи (у нанайцев - 83,3 % жен). В удэгейско-нанайских семьях в 4,8 % жена старше мужа, а в 38 % – глава семьи; в нанайско-удэгейских – это 16,7 и 50 % соответственно; в удэгейско-славянских семьях супруга старше в 16,7 % случаев; в славяно-удэгейских этот процент составляет 55 %, а в 45% случаев жена – глава семьи; в удэгейско-прочих семьях – это 16,7 и 50 % соответственно; в семьях «прочие-удэгейцы» в 33,3 % случаев семью возглавляет женщина. В смешанных нанайско-славянских семьях в 20 % жены старше мужей и являются главами семей; в славяно-нанайских семьях этот процент составляет 28,6 %; в браках нанайцев с представителями прочих народов возраст супругов обычно совпадает, но в 50 % семью возглавляет женщина. Главой семьи женщина является, как правило, в тех случаях, когда она имеет более высокий образовательный уровень и социальный статус, а в трети случаев супруга еще и старше мужа. Подобные цифры свидетельствуют о достаточной независимости и самостоятельности женщин, о перераспределении ролей в современной семье.

Рассмотрим браки с точки зрения образования супругов. В однациональных удэгейских и нанайских семьях в равных количествах (48,3 и 50 % соответственно) случаев уровень образования супругов либо совпадает, либо жена более образованна; в смешанных удэгейских преобладают браки между людьми, чье образование одинаково, тогда как в смешанных нанайских – браки мужчин с более образованными женщинами. Эти данные подтверждает общая картина уровня образования местного коренного населения.

На момент исследования среди удэгейцев 41,4 % мужчин имело неполное среднее образование, 38,9 % – среднее общее, высшее и начальное образование имело по 6,8 % мужчин; женщины в 45 % случаев получили среднее общее образование, в 26 % – неполное среднее, а 15,3 % – среднее специальное. У нанайцев 60 % мужчин имели среднее общее образование, 28,6 % – неполное среднее, 8,6 % – начальное; женщины в 36,7 % получили среднее общее образование, в 21,6 % – среднее специальное, в 16,7 % – начальное. Таким образом, становится очевидным, что у женщин в целом более высокий уровень образования, чем у мужчин. Вторая особенность заключается в том, что среди нанайцев больше образованных людей, как среди мужчин, так и среди женщин по сравнению с удэгейцами. Возможно, вторая тенденция объясняется тем, что большинство нанайцев прибыло в с.Красный Яр из Хабаровского края, где ситуация для получения образования представителями коренных малочисленных народов более благоприятна, нежели в Приморском крае. Это, отчасти, подтверждается тем фактом, что нанайская молодежь и сегодня учится в средне-специальных учреждениях и ВУЗах городов Николаевск-на-Амуре и Хабаровск.

Основным местом работы 31,8 % удэгейских мужчин и 39,4 % нанайских мужчин является ОАО НОХ «Бикин», 17,8 % мужчин-удэгейцев являются пенсионерами и инвалидами, 17 % числятся безработными, а 14,7 % составляют учащиеся и студенты; среди женщин доля пенсионеров и инвалидов составляет 25,5 %, безработных – 20 %, 14,5 % женщин-удэгейек работают в сфере образования, по 8,2 % – в сфере здравоохранения, либо учатся в различных учебных заведениях. Среди мужской части нанайцев учащиеся и

студенты составляют 21,2 %, представители рабочих специальностей – 15,2 %, пенсионеры – 9,1 %; женская часть нанайского населения в равной степени (по 9,4 %) трудится в сферах здравоохранения и образования, доля студентов и учащихся у них составляет 7,5 %, однако велика среди них доля безработных (17 %) и пенсионеров (32 %). Отсюда можно сделать вывод, что основная часть мужского населения либо трудится в национальном охотничьем хозяйстве, либо числится безработными, большая же часть женщин находится, как правило, на пенсии или инвалидности, либо также считаются безработными. Большой процент безработных женщин объясняется, отчасти, тем, что женщинам приходится сидеть дома с детьми и вести домашнее хозяйство. Вторая закономерность, вытекающая из большей образованности нанайцев, заключается в том, что среди нанайцев больший процент людей, имеющих более высокую рабочую квалификацию, нежели среди удэгейского населения.

Главой семьи, как у удэгейцев, так и у нанайцев до сих пор считается муж, а там, где его нет, – хозяйка семьи. В семьях не стало такого резкого разделения труда, как это было раньше. Например, сегодня женщины наравне с мужьями и отцами занимаются заготовкой женьшеня, тогда как раньше это было сугубо мужским занятием. Родители и их семейные дети, проживая в одном селении, имеют каждый свое хозяйство. В то же время сыновья имеют право на хозяйство родителей, и наоборот. Дети могут поселиться у родителей в любое время, пользуясь материальными ценностями родителей и их вещами по своему усмотрению. До сих пор большая забота проявляется о пожилых и нетрудоспособных людях, а также о сиротах. Последних часто берут на воспитание; старики также живут в семьях своих родственников и находятся на их иждивении.

Почти каждая семья имеет детей. Так, средняя численность детей в однонациональных удэгейских семьях составляет 1,9 чел., однонациональных нанайских – 1,2 чел.; смешанных удэгейских – 1,8 чел.; смешанных нанайских – 1,6 чел. Количество детей в семье значительно колеблется в зависимости от возраста и образования главы семьи. Больше всего их в семьях, где возраст главы 40-44 года. В старших возрастных группах число членов семьи, естественно, снижается: дети уезжают на учебу, в армию, создают свои семьи. Наблюдается прямая зависимость: чем выше уровень образования главы семьи, тем меньше детей. В селе существует серьезная проблема с появлением не запланированных детей. Это связано, во-первых, с отсутствием новейших средств контрацепции и не желанием мужчин предохраняться, во-вторых, с недостаточным медицинским обслуживанием (женщинам приходится ездить на консультацию к врачу-гинекологу в г. Лучегорск, что достаточно затруднено из-за транспортных и финансовых проблем населения). Отсутствие правильной диагностики и невозможность вовремя сделать аборт порождают высокий процент детей-инвалидов, зачастую с рождения, у удэгейцев и нанайцев. Вероятно, немаловажное значение в этом играют также алкоголизация коренного населения и психофизические особенности удэгейцев и нанайцев, вытекающие из близкородственных браков между ними.

В большинстве смешанных браков, как удэгейских, так и нанайских, национальность детей определяется как «удэгеец» и при этом сохраняется фамилия отца, тогда как в браках прочие-удэгейцы национальность детей определяется, главным образом, по отцу. Аналогичная ситуация наблюдается и у нанайцев, у которых во всех смешанных браках, кроме браков «прочие-нанайцы» национальность детей определяют по родителям-нанайцам. Фамилии детям также дают по отцу. Исключение составляют лишь браки «прочие-удэгейцы» и «прочие-нанайцы», в которых матери стремятся сохранить для детей свою национальную фамилию (табл. 2).

Таблица 2

Национальность детей в семьях удэгейцев и нанайцев, %

Типы семей	Национальность отца	Национальность матери	Фамилия отца	Фамилия матери
Однонациональные удэгейские	–	–	55,1 %	44,9 %
Однонациональные нанайские	–	–	57,1 %	42,9 %
Удэгейско-нанайские	95,2 %	4,8 %	95,2 %	4,8 %
Нанайско-удэгейские	92,9 %	7,1 %	64,3 %	35,7 %
Удэгейско-славянские	70,6 %	29,4 %	70,6 %	29,4 %
Славяно-удэгейские	36,4 %	63,6 %	77,3 %	22,7 %
Нанайско-славянские	100 %	–	100 %	–
Славяно-нанайские	20 %	80 %	100 %	–
Удэгейские – прочие	85,7 %	14,3 %	85,7 %	14,3 %
Прочие – удэгейские	62,5 %	37,5 %	25 %	75 %
Нанайские – прочие	100 %	–	100 %	–
Прочие – нанайские	100 %	–	–	100 %

Примечание: Рассчитано по похозяйственным книгам с. Красный Яр Пожарского района Приморского края.

Таким образом, очевидно, что национальное самосознание лиц, выросших в смешанных по национальному составу семьях, в значительной степени воспитывается тем этническим окружением, в котором вырастают эти лица (при условии, что отец или мать данного лица происходят из среды этого народа).

Сегодня основным языком общения коренного населения является русский язык. В семье говорят по-русски. Свой родной язык знает только старшее поколение. В определенной степени знает среднее поколение. Молодое поколение не знает, за исключением некоторых слов и выражений. Преподавание в школе ведется на русском языке, что обусловлено тем, что в школах обучаются дети разных национальностей. Все общение с лицами других национальностей, с государственными и другими организациями осуществляется на русском языке. Областное радио ведет передачи на русском языке. Несколько лет назад была сделана попытка введения преподавания удэгейского языка в школе, а также создания радиопередачи на удэгейском языке, но они закончились неудачей. Тем не менее, в селе сохраняются традиционные хозяйственные постройки (например, амбары на сваях), орудия труда (скребки, кожемялки и пр.), народные промыслы. До сих пор каждая семья самостоятельно обрабатывает звериные шкуры и кожи, мужчины ходят на охоту и рыбалку, сбором женьшеня занимаются как мужчины, так и женщины, тогда как в прошлом это было чисто мужским занятием. Есть в селе и национальный удэгейский ансамбль, неоднократно принимающий участие в различных краевых конкурсах.

Таким образом, можно предположить следующие тенденции развития семьи у коренных народов Приморья: дальнейшее увеличение количества смешанных браков (что подтверждается и данными анкет); распространение среди молодежи такого института, как «гражданский брак» и, как следствие этого, увеличение числа внебрачных детей. Большой процент пенсионеров и инвалидов (в том числе и среди детей), а также небольшой уровень рождаемости, говорит о «старении» коренного населения и уменьшении процента среднего поколения. Тем не менее, наблюдается определенная консолидация, например, удэгейцев разных районов друг с другом. Так, лет пять-семь назад произошло массовое переселение иманской группы удэгейцев, проживающих в с. Дальний Кут Красноармейского района Приморского края в с. Красный Яр.

**Постсоветская эмиграция в Новую Зеландию:
к вопросу о численности и этническом составе**

Постсоветская эмиграция (далее – ПСЭ) является социальным феноменом, история которого началась и продолжается в новейший исторический период. Представления о времени начала ПСЭ имеют три основных варианта. Согласно первому из них, отсчет ПСЭ надо вести с момента распада СССР, т.е. с декабря 1991 г. По второму варианту эта волна эмиграции началась после 1 января 1993 г. – дня вступления в силу Закона о свободном въезде и выезде из страны. А до этого, как хорошо известно, в Уголовном Кодексе РСФСР от 1964 г., действовавшем также и в постсоветские времена, несанкционированный властями выезд за рубеж рассматривался как уголовное преступление. Есть также мнение, что начало ПСЭ следует вести уже с 1990 г., когда процесс либерализации политической жизни в стране дал реальную возможность легально и добровольно выезжать из страны, а применительно к Израилю – и без потери гражданства. В сравнении со всеми предыдущими волнами эмиграции из России и СССР за 1917–1991 гг., ПСЭ ярко аполитична, т.е. чаще всего не связана с отношением покидающих страну людей к существующей в ней политической системе. Кроме того, ПСЭ имеет, в отличие от более ранней и преимущественно русской или еврейской эмиграции, пестрый этнический состав. Ее участниками являются не только евреи и русские, но также и немцы, украинцы, народы Кавказа, Прибалтики, Средней Азии и другие граждане бывшего советского государства. Важно то, что эмиграция перестала быть безвозвратной или необратимой, как ранее.

Эмигранты последней волны покинули и покидают Россию относительно свободно, на основании личного решения. Многие из них сохраняют при этом гражданство, имущество и свои деловые связи. Большинство людей, покинувших Россию, Украину и другие страны бывшего СССР, мотивируют выезд в «дальнее зарубежье» не политическими мотивами, а в основном экономическими и чисто «жизневыми» причинами. Они ищут более свободного приложения способностей, более высокой оплаты труда, новых возможностей для предпринимательства, профессионального творчества, более стабильной и безопасной среды обитания, свободной от преступности и коррупции. В связи с этим можно утверждать, что знаковой особенностью ПСЭ является преследование ее представителями преимущественно экономических интересов. Последнее неоднократно подчеркивалось как в средствах массовой информации, так и в немногочисленных научных исследованиях по этому поводу. Широко известно, например, не совсем корректное определение ПСЭ как «колбасной», появившееся в период «перестройки». Более взвешенным все же является термин «экономическая» или «трудовая» эмиграция, употребляемый демографами и социологами. Актуально также определение ПСЭ как «тихой эмиграции», предложенный известным российским экономистом М.П. Делягиным в связи с активно обсуждаемой проблемой профессиональной миграции или «утечки умов» с постсоветского пространства. Люди хотели бы здесь остаться, подчеркивает этот автор, но не могут – созданные условия выталкивают их за пределы России.

На фоне других потоков ПСЭ южно-тихоокеанское направление в количественном отношении является относительно немногочисленным. Но тем не менее, по статистическим данным принимающих стран, в среднем примерно две трети русскоязычных общин в Австралии и Новой Зеландии составляют новейшие эмигранты, которые прибыли сюда с постсоветского пространства с видом на жительство после 1991 г. Зарубежная статистика красноречиво показывает масштаб явления, которое еще предстоит исследовать. Например, по данным австралийской переписи населения 2006 г., общее количество иммигрантов, рожденных в РФ, составило 15354 чел. Из них русскими себя назвали 12665 чел., украинцами – 292, евреями – 1080, а на русском языке говорили в домашней обстановке 11735 чел. Из этих учтенных переписью 15354 чел. за период с 1990 по 2006 г. в Австралию въехало 10123. Таким образом, почти каждые два человека из трех, рожденных в РФ, принадлежат постсоветской волне эмигрантов.

К этим цифрам прибавим эмигрантов, рожденных на Украине – всего 13 666 чел. в возрасте от 0 до 100 лет. Из них, с 1990 по 2006 г. в Австралию с видом на жительство въехали 6379 чел., то есть, практически каждый второй эмигрант приехал сюда после распада Советского Союза. Особенно большой поток отмечен за 1990–1999 гг. – 4746 чел., причиной которого стал период нестабильности на бывшей родине. Интересно, что из учтенных переписью 6379 чел. больше половины назвали себя русскими (3286 чел.). На русский язык как средство домашнего общения указали 6647 чел. По другим республиками бывшего СССР статистические данные не менее показательны. К примеру, из относительно экономически благополучной

* Рудникова Елена Викторовна (Владивосток) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru)

прибалтийской республики Литвы с 1990 по 2006 г. эмигрировал каждый шестой представитель литовской диаспоры в Австралии. Всего же переписью было учтено 3072 чел.; из них с 1990 по 2006 г. въехало 467 чел. Из 3072 чел. 154 считают себя русскими и 2499 – литовцами и т.д.

Схожую картину можно наблюдать и в Новой Зеландии. Как известно, Новая Зеландия – типичная переселенческая страна (наряду с Австралией, Канадой и США), уже два века проводящая открытую иммиграционную политику, которая направлена на привлечение рабочей силы из других стран. По результатам переписи населения, проведенной в марте 2001 г., 19,5 % жителей Новой Зеландии родились за ее пределами, что меньше, чем в Австралии (24 %), но больше, чем в Канаде (17 %) и США (10 %). 32,2 % от этого числа составили переселенцы из Великобритании и Ирландии, 24,9 % – из Океании и 12,8 % – из Восточной Азии (КНР, Гонконг, Япония, Корея и Тайвань). В 2006 г. число рожденных за рубежом увеличилось и составило 22,9 % от всего населения.

В 1987 г. был принят закон об иммиграции, на котором сегодня базируется новозеландская миграционная политика. До него в основе иммиграционной политики Новой Зеландии было отдано предпочтение иммигрантам из «традиционных стран переселения». Новый закон же постановил, что выбор мигрантов должен быть основан на критериях личных достоинств и не должен никого дискриминировать по расе, национальности или этническому происхождению, цвету кожи, полу, религии или этическим убеждениям. В соответствии с ним любой человек, желающий иммигрировать в Новую Зеландию, должен предварительно получить «вид на жительство». Получение данного статуса позволяет человеку жить, работать, учиться и пользоваться иными правами в Новой Зеландии наравне с ее гражданами. В дальнейшем, прожив в Новой Зеландии три года, иммигрант при соблюдении ряда иных требований (знание английского языка, а также прав и обязанностей гражданина) может обратиться за получением гражданства. С 1988 г. к закону об иммиграции было принято около 20 поправок. Поправка 1991 г. ввела балльную систему отбора иммигрантов (подобную канадской и австралийской), по которой оцениваются их характеристики (квалификация, трудовой стаж, финансовые активы и др.).

В кругу основных источников по проблеме данного исследования в первую очередь необходимо выделить материалы регулярных переписей населения Новой Зеландии за 1991, 1996, 2001 и 2006 гг. В них можно найти информацию по численности постсоветский эмигрантов, по их социально-демографическим (пол, возраст, длительность проживания в стране, места расселения, занятость, образование, уровень доходов и т.п.) и культурно-языковым характеристикам (этническая принадлежность, владение родным и иностранным языком и т.д.). Переписи проводятся раз в пять лет Министерством Статистики и ведут учет постоянного и временного населения страны на момент переписи. По данным опросов, указанным министерством, публикуются тематические труды: по этническому разнообразию населения, по статистике родившихся за рубежом и длительности их проживания в стране и т.д. В отличие от переписей более оперативной является информация Иммиграционной Службы Новой Зеландии, являющаяся департаментом Министерства Труда. Эта служба ежегодно публикует данные о количестве выданных видов на жительство и их страновой географии («Migration Trends»), ежемесячно – информацию о географии и количестве поданных и выбранных для дальнейшего продвижения заявлений на ПМЖ («Immigration Fact Sheets», «Frequently Requested Statistics»). При привлечении этого источника необходимо учитывать, что определенное количество людей (для выходцев из РФ – в среднем пределах 10-15% от общего количества выданных видов на ПМЖ) в сроки, определенные новозеландскими законами об иммиграции, в эту страну не въезжает. Данные о количестве и стране рождения иностранных студентов ежегодно готовит Министерство образования. Кроме того, специалисты из департамента этнических дел, относящегося к Министерству Внутренних Дел, в период между переписями готовят аналитические обзоры по всем этническим группам, имеющимся в Новой Зеландии. Одной из целей подобных исследований является поиск взаимосвязи между национальностью (этничностью) иммигрантов и результатами адаптации в новом обществе. Необходимо отметить, что все вышеназванные государственные службы учета и анализа иммиграции имеют собственные веб-сайты, где большая часть информации находится в открытом доступе.

При учете этнической принадлежности в Новой Зеландии различаются два понятия – «этничность» (ethnicity) и «национальность» (nationality). Последнее понятие связано со страной рождения/происхождения иммигранта (national origin). В официальных государственных документах, удостоверяющих личность, используется только термин «гражданство» (citizenship). До 1996 г. в проводимых опросах респондентов просили дать только один ответ на вопрос о том, с каким этносом он сам себя идентифицирует (Which ethnic group do you belong to?). Начиная с переписи 1996 г. этот вопрос стал допускать многозначный ответ (Tick as many circles as you need to show which ethnic group(s) you belong to), поэтому число учтенных этничностей стало превышать количество респондентов. В новозеландской статистике под «этничностью» понимается прежде всего «этническая группа (группы), с которой себя идентифицирует респондент или ощущает (feel) свою принадлежность к ней». Этническая группа определяется как социальная группа, члены которой

имеют чувство общего происхождения, открыто объявляют об общности своей истории и судьбы, имеют представления о коллективной культурной идентичности и чувство особой коллективной солидарности.

Таким образом, утверждается, что этничность есть прежде всего некое самоощущение и люди могут относить себя к более, чем к одной этнической группе. И, более того, этничность может изменяться с течением времени. Последнее обстоятельство является предпосылкой того, что в научных работах на эту тему все респонденты разделяются на три группы: рожденные в Новой Зеландии (New Zealand-born), рожденные за рубежом и живущие в стране более десяти лет (established), рожденные за рубежом и живущие здесь менее десяти лет (recent). Предполагается, что временной отрезок культурно-языковой адаптации в одно десятилетие является достаточным фактором для начала изменений в базовой этничности. Надо отметить, что применительно к русскоязычным иммигрантам эта модель еще не исследовалась.

Новая Зеландия – страна не только переселенцев, но и многоэтническое государство. Например, по переписи 1996 г. здесь определялось около двухсот этнических групп численностью от двадцати восьми до четырех тысяч человек. Соответственно, велико и языковое многообразие: помимо английского и маорийского языков в тот же год, например, было учтено 60 языков, из которых на тридцати трех языках говорили от одной до десяти тысяч респондентов. Без учета коренного населения страны маори и жителей южно-тихоокеанских островов, самые многочисленные пятьдесят этнических групп составляли в этот год более 8 % от всего населения страны (3,6 млн. чел.).

Выходцы из стран бывшего СССР в новозеландской статистике отдельно не выделяются, а включены в европейскую группу иммигрантов. По неофициальным данным и экспертным оценкам, современная численность только русскоязычного населения Новой Зеландии в последнее десятилетие стабильно определяется в пределах от десяти до пятнадцати тысяч человек. В то же время, по последней новозеландской переписи 2006 г. число постоянных жителей страны, назвавших себя этническими русскими, было всего 4836 чел. В целом же, с учетом данных за последующие годы, с 1992 г., когда вид на постоянное проживание в Новой Зеландии получили первые тридцать восемь человек из стран бывшего Советского Союза, до середины 2008 г. включительно, в эту страну легально въехало около пяти с половиной тысяч эмигрантов с постсоветского пространства.

Тем не менее, зарубежные источники, по-видимому, более точны в этом аспекте, поскольку российская эмиграционная статистика за те же годы дает цифры еще на порядок меньше. Такие большие расхождения связаны не только с недостатками организации учета миграционных потоков в РФ. Точную численность русскоязычной диаспоры в Новой Зеландии трудно установить и из-за значительного количества въехавших в эту страну выходцев из России по другим каналам. По студенческим визам, например, только за последние десять лет – с 1997/98 по 2007/08 гг. – в эту страну въехали 3 435 россиян, что составило около 5 % от общего количества всех, получивших такие же разрешения (69 193). В 2006/2007 г. из 533 студентов около половины были в возрасте от двадцати лет и старше (до 16 лет – 103 чел., от 16 до 19 лет – 173, от 20 до 29 – уже 207, от 30 лет и старше – 50 чел. Более того, за этот же год (отчетным годом в новозеландской статистике является период с 1 июля данного года по 30 июня последующего) временные рабочие визы получили еще 476 россиян. Таким образом, без учета туристических виз, разрешения на въезд в Новую Зеландию, дающие возможность в дальнейшем изменить тип визы, только за один год получили 1009 граждан РФ. Опираясь на биографические рассказы эмигрантов, с большой долей вероятности можно утверждать, что после завершения обучения многие из них уже нашли или будут искать постоянную работу, а затем обратятся за видом на жительство или за рабочей визой. И, следовательно, поменяют свой статус пребывания в этой стране, оставаясь «невидимыми» для российской миграционной статистики, но увеличивая тем самым общую численность русских новозеландцев.

Из названной выше цифры в пять с половиной тысяч человек, составляющий официальную оценку численности ПСЭ в Новой Зеландии, большинство являются выходцами из России и преимущественно этническими русскими (ethnically Russians). Еще десять лет назад, по данным переписи 1996 г., на русском языке разговаривали дома 3 429 чел., на украинском – 321, белорусском – 15 и на грузинском – 30. В переписях 1991–2006 гг. эмигранты с постсоветского пространства объединены с выходцами из других стран Восточной Европы в категорию «восточно-европейские народы». В 2001 г., например, в этой категории всего было выявлено 15 234 чел., и при этом 21 % или одна пятая часть назвали себя русскими. В этом же году численность русскоязычной этнической группы определялась в 3 084 чел. (по другим данным – 3141 чел.). Украинцев к тому времени насчитывалось 504 чел., белоруссов – 42, эстонцев – 111, латышей – 174, литовцев – 90. По сравнению с 1991 г. рост составил 543 %, и этнические русские из стран бывшего СССР попали в список шести наиболее быстро растущих национальных групп, наряду с выходцами из Китая, Южной Кореи, Индии и др.

Сохраняется основная особенность этого потока эмигрантов с постсоветского пространства – по преимуществу, это профессиональная эмиграция специалистов высокой квалификации и членов их семей.

Последнее обстоятельство связано с условиями иммиграционной политики Новой Зеландии. Новозеландская служба иммиграции рассматривает заявления на въезд на постоянное место жительства в Новой Зеландии по трем основным категориям: общая квалификация/бизнес инвесторы (General skills/Business), воссоединение семей (Family-sponsored) и международная/гуманитарная (International/Humanitarian) категория, каждой из которых ежегодно определяется своя квота. Так, например, только за период с 1 июля 1992 г. по 30 июня 1998 г. в эту страну из РФ эмигрировали 2 197 чел., причем из них 71 % – по категории «общая квалификация» (профессиональная эмиграция), а 24 % – по семейной категории (воссоединение детей с родителями и т.п.). Выходцев с Украины за этот же период было 533 иммигранта, из Казахстана – 104, из Белоруссии и Грузии – по 71 человеку. Получение вида на жительство по этой категории основано на системе баллов, которые начисляются за следующие параметры соискателя: квалификация, опыт работы по специальности, приглашение на работу в Новой Зеландии, возраст, денежные средства, которые планирует ввезти в Новую Зеландию иммигрант, квалификация супруга иммигранта, опыт работы в Новой Зеландии, спонсорство родственников, находящихся в Новой Зеландии. Необходимое количество баллов и условия иммиграционного «конкурса» часто меняется правительством в зависимости от ситуации. Так, в 2002 г. было повышено значение необходимого для получения визы на въезд и разрешения на проживание уровня знания английского языка сначала с 5 до 6 баллов из 9 возможных, а позднее – до 6,5 баллов. Семейная категория предназначена для заявителей, состоящих в зарегистрированном и устойчивом браке или фактическом (незарегистрированном) браке с гражданином или законным жителем Новой Зеландии, или имеющих близких родственников (дети, родные братья и сестры), являющихся гражданами или законными жителями Новой Зеландии.

Последние общие миграционные обзоры свидетельствуют о том, что процесс профессиональной эмиграции из РФ в Новую Зеландию продолжается и за один год получают резидентскую визу в среднем около трехсот человек. Так, за 2006/07 год вид на жительство был выдан 258 выходцам из России, а в следующем 2007/08 году его получили уже 307 чел. В общем потоке иммигрантов ПСЭ на протяжении уже более десяти лет стабильно составляет около 1 % (например, за 2007/08 год – 476 чел. при общей численности иммигрантов за этот год в 46 077 чел.). Национальный состав ПСЭ представлен всеми бывшими республиками Советского Союза. Интересно сопоставить данные за последнее десятилетие по этническим русским: русскими себя назвали в 1991 г. – 480 чел. (здесь необходимо иметь в виду предыдущие немногочисленные волны эмиграции из СССР, послевоенной Европы, Китая и др.), в 1996 г. – уже 2187 чел., в 2006 г. – 4836 чел. Следующие по численности – этнические украинцы: в 1996 г. их было 482 чел., а в 2006 г. – 672. Далее идут латыши: в 1991 г. – 222 чел., 1996 г. – 342, 2006 г. – уже только 153 чел. Эстонцы – 111 чел., 195 и 108 чел. по этим же годам соответственно. Приведенные цифры отражают как изменения базовой этнической идентичности во времени (результаты адаптации, смена поколений и т.п.), так и миграции населения за пределы теперь уже Новой Зеландии.

Особой активностью в плане сохранения культурной памяти отличаются эмигранты из РФ, Казахстана, Армении, Литвы, которыми созданы и официально зарегистрированы собственные национально-культурные объединения и другие организации. В заключение отметим, что в данном исследовании не ставится задача оценки перспектив сохранения русского языка и культуры, а также наследия «советской цивилизации» в среде новейших эмигрантов из РФ. Однако существует мнение о том, что для стабильного поддержания любой этничности (прежде всего сохранения среды функционирования родного языка) необходима своего рода «критическая масса» ее представителей, размеры которой расчетами социологов осторожно определяются в минимум два-три процента от постоянного населения страны. Таким образом, при численности населения Новой Зеландии по переписи 2006 г. примерно в 4,3 млн. чел. (по данным на 9.06.2008), только русскоязычная диаспора должна тогда составлять не менее восьмидесяти шести тысяч человек. При современной же ее численности наиболее адекватный прогноз – постепенная ассимиляция и языковое растворение в новой культурной среде в последующее десятилетие. Этот «прогноз» является еще одной важной причиной того, что феномен ПСЭ в самых различных аспектах требует своего срочного и безотлагательного изучения.

Источники и литература

- 1996 Census of Population and Dwellings: Ethnic Groups. – Wellington: Statistics New Zealand, 1997.
1996 Census of Population and Dwellings: People Born Overseas. – Wellington: Statistics New Zealand, 1998.
Thomson Barbara. Ethnic Groups in New Zealand: A Statistical Profile // Research Series No. 18. – Wellington: Department of Internal Affairs, 1993.
Thomson Barbara. Ethnic Groups in New Zealand: A Statistical Profile // Information Series No.3. – Wellington: Department of Internal Affairs (Ethnic Affairs Service), 1999.
Merwood Paul. Migration Trends – 2006/07. – Wellington: Department of Labour, 2008. – 131 p.
2001 Census of Population and Dwellings: Ethnic Groups. – Wellington: Statistics New Zealand, 2002. – 386 p.
Profile of Eastern European people in New Zealand (2001 Census) // Office of Ethnic Affairs, Department of Internal Affairs. – Wellington, 2002. – 20 p.

2006 Census. Ethnic Group (Total Response) // <http://www.stats.govt.nz/NR/rdonlyres/62F419D4-5946-407A-9553-DA9E7A847622/0/09ethnicgroup.xls>

Quick Stats About Culture and Identity//www.stats.govt.nz/census/2006-census-data/

Migrations Trends 2007–2008 // www.dol.govt.nz/publications/research/

2006 Australian Census of Population and Housing // www.abc.gov.au (Australian Bureau of Statistics)

www.gks.ru (Госкомстат РФ)

Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. – М., 2003. – 314 с.

Рудникова Е.В. Русскоязычная эмиграция в страны Азиатско-тихоокеанского региона на рубеже XX–XXI веков (к постановке проблемы) // Миграция и развитие. Материалы Междун. конф. «Пятое Валентеевские чтения» (13-15 сентября 2007 г.). – Т. II. – М.: МГУ. – С. 407–410.

Демографическое развитие в Карелии в начале XXI в.

Сегодня на территории Республики Карелия проживает 687,5 тыс. чел., или 0,5 % всего населения страны. За 89-летнюю историю ее развития численность населения края почти утроилось. Накоплен большой демографический потенциал и то, каким он будет завтра, во многом зависит от современных тенденций развития населения и тех изменений, которые происходят в демографическом поведении людей под воздействием факторов социально-экономического характера.

По расчетам Росстата предположительная численность населения республики к концу 2030 г. (по среднему варианту) сократится до 650,2 тыс. чел. Доля лиц старше трудоспособного возраста повысится и составит 28,5 %, а ожидаемая продолжительность жизни населения достигнет 72,5 лет. Поэтому от того, какими республика будет располагать людскими ресурсами и каковы резервы рабочей силы, во многом зависят ее конкурентоспособность и интеграция в российскую и мировую экономику.

Отметим, что в последние годы правительство Российской Федерации со всей серьезностью обратило внимание на проблемы демографического развития. В 2005 г. Президент страны впервые в своем Послании Федеральному собранию РФ обозначил проблемы демографии. По его словам, «успех нашей политики во всех сферах жизни тесно связан с решением острых демографических проблем». Поэтому сегодня сбережение населения, инвестиции в человеческий капитал, повышение качественных характеристик трудового потенциала актуализируются и, несомненно, выделяются в качестве ключевых задач всей социально-демографической политики российского государства.

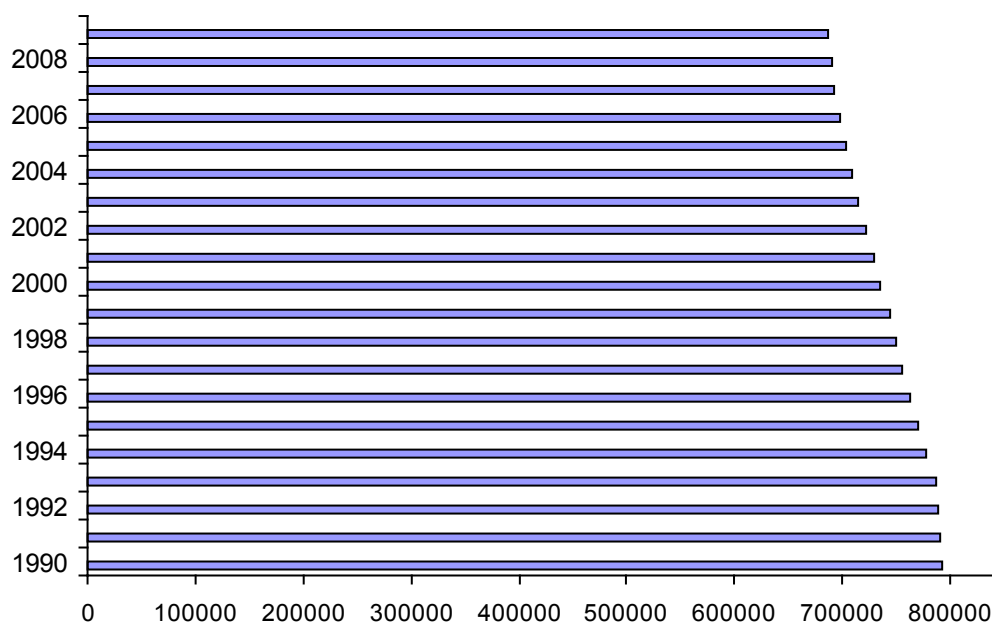
С 2006 г. в стране началась реализация национальных проектов «Образование», «Здоровье», «Развитие агропромышленного комплекса» и «Доступное и комфортное жилье гражданам России». Еще одним шагом в решении демографических проблем стала разработка и утверждение Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. Главным является создание условий для роста продолжительности и качества жизни людей, сохранения и укрепления здоровья населения, формирования мотивации к рождению и воспитанию детей, укрепления основ современной семьи. Все это нацелено на преодоление негативных тенденций в демографических процессах России, начавшихся в начале 1990-х годов и охвативших большинство субъектов РФ, в том числе и Республику Карелия.

Одновременно в реализации демографической политики повысилась роль регионов страны. Уже многие из них имеют собственные региональные программы. В 2008 г. в Республике Карелия была принята Региональная целевая программа «Улучшение демографической ситуации Республики Карелия на период 2008–2010 годы и до 2015 года» (одобрена Распоряжением Правительства Республики Карелия от 29 февраля 2008 г. № 80р-П). Программа нацелена на постепенную стабилизацию численности населения и формирование предпосылок для последующего демографического роста при увеличении продолжительности жизни. Предусматривается решение практических вопросов, связанных, прежде всего, с возможностями и перспективами накопления человеческого капитала. И конечно, говоря об эффективности государственного регулирования в демографической сфере, понятно, что решение таких сложных и многоплановых вопросов, как формирование постоянного населения республики, улучшение его качественных характеристик ориентировано на долгосрочную перспективу.

В 90-е гг. XX в. демографическая ситуация в республике резко ухудшилась. Начиная с 1992 г. в ней ежегодно умирали более 11-13 тыс. чел., а рождались 6-7 тыс. чел. Вследствие депопуляции численность населения ежегодно уменьшалась на 5-6 тыс. чел. Карелия теряла свое население в миграционном обмене с другими территориями России, ближнего и дальнего зарубежья. В результате с 1992 по 2008 г. общее сокращение населения из-за естественной убыли и миграционного оттока составило 102,0 тыс. чел.

Надо отметить, что после 2005 г. демографическая ситуация несколько изменилась. Наметились некоторые положительные тенденции, увеличились отдельные индикаторы демографического развития и это во многом результат тех правительственных решений, которые были приняты в последнее время. Произошло улучшение социального самочувствия в обществе, положительно изменилось демографическое поведение людей. И, как сказал Президент страны Д.Медведев, «наша сегодняшняя задача все эти тенденции закрепить, чтобы они превратились в устойчивую тенденцию, рассчитанную на пять, на десять лет, потому что демографические проблемы у нас настолько тяжелые, что даже одним-двумя годами их не переломить».

* Шумилова Марина Михайловна (Петрозаводск) – кандидат экономических наук, сотрудник Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. E-mail: mshoumilova@onego.ru

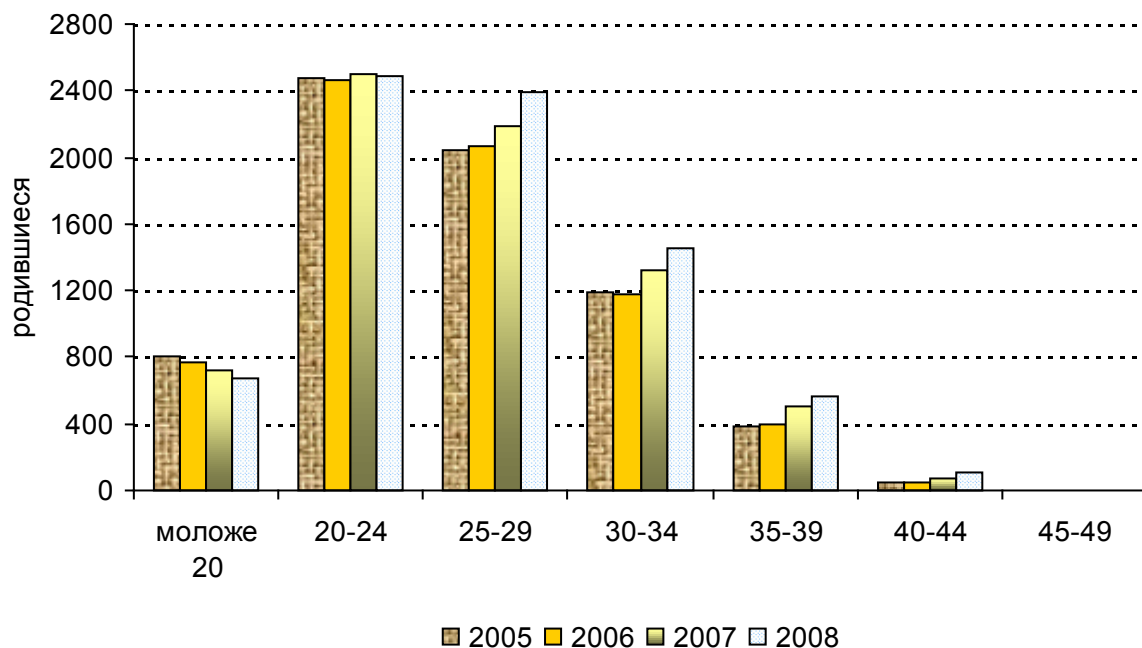
Динамика населения Карелии в 1990–2009гг. на начало года, чел.

В 2008 г. в республике родилось 7682 детей (на 10,5 % больше, чем в 2005 г.), умерло 11134 чел. (на 12,0 % меньше). Уровень рождаемости достиг максимального значения за весь период с 1992 г. – 11,1 родившихся на 1000 населения. Естественная убыль составила 3452 чел., что на 39,4 % меньше по сравнению с 2005 г.

Положительные изменения произошли и в миграции населения. Число прибывших в республику превысило число выбывших из нее, в результате численность населения республики стала пополняться за счет мигрантов. В 2008 г. миграционный прирост составил 0,3 тыс. чел., а за последние 3 года – 1,9 тыс. чел. Улучшение параметров воспроизводства и миграции населения привело к замедлению годовых темпов сокращения численности населения. В 2008 г. общее сокращение составило 0,4 % населения, что вдвое меньше, чем в 2005 г.

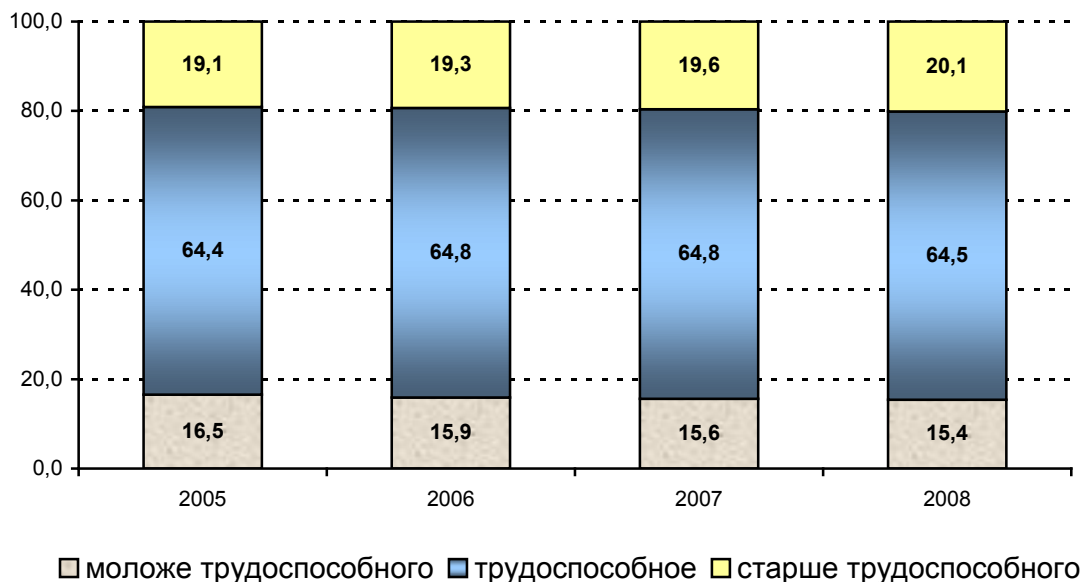
Безусловно, на общие параметры воспроизводства населения большое влияние оказывает возрастная-половая структура населения, которая сама является результатом демографических тенденций прошлых лет и десятилетий. Так, одной из причин увеличения числа новорожденных и общего коэффициента рождаемости в последние годы стали структурные сдвиги в женском населении (некоторое пополнение численности женщин, родившихся в 80-е гг. и вступивших в наиболее активный детородный возраст 20-29 лет). Так, в 2008 г. по сравнению с 2005 г. при общем снижении численности женщин фертильного возраста 15-49 лет на 3,9 %, число женщин в возрастной группе 20-24 лет увеличилось на 8,5 %, в возрастной группе 25-29 лет – на 2,7 %, возрастной группе 30-34 года – на 3,3 %.

На фоне структурных сдвигов в женском населении изменилась репродуктивная роль различных возрастных групп женщин. Наибольший рост числа рождений отмечался в старших возрастных группах, что свидетельствует о реализации отложенных вторых рождений и более высокого порядка рождений. Так, за последние три года прирост родившихся по возрасту матери составил: в возрастной группе женщин 40-44 лет – на 103,8 %, в 35-39 лет – на 46,0 %, в 30-34 лет – на 22,8 %, в 25-29 лет – на 16,6%. Самый незначительный рост рождений был отмечен в возрастной группе женщин 20-24 лет – на 0,8 %. В то же время в возрастной группе женщин моложе 20 лет произошло сокращение рождений – на 16,2 %. В результате средний возраст матери при рождении ребенка увеличился до 27,0 лет.

Родившиеся живыми по возрасту матери в 2005–2008 гг.

Продолжаются процесс старения населения и увеличение числа пожилых людей. Сейчас на долю лиц старше трудоспособного возраста приходится 20,1 % всего населения. Растет нагрузка на одного трудоспособного человека. В 2008 г. на 1000 жителей трудоспособного возраста приходилось 311 чел. старше трудоспособного возраста (на 4,4 % больше, чем в 2005 г.).

Структура населения по основным возрастным группам в 2005–2008 гг., на начало года, %.

Имели место диспропорции в структуре населения по полу. На каждую тысячу мужчин приходится 1184 женщины. Ежегодно мальчиков рождается больше, чем девочек, но смертность мужчин превышает смертность женщин, в связи с чем в республике уже на протяжении длительного времени женское население доминирует. В целом по республике численность женщин превышает численность мужчин, начиная с 30-34-летнего возраста, в том числе в городской местности – с 20–24 лет, в сельской местности – с 50–54 лет.

Диспропорция, как в городской, так и в сельской местности, особенно выражена среди населения в возрасте старше шестидесяти лет – в 2,2 раза, в возрасте 70 лет и старше – в 2,8 раза.

Таким образом, сложившаяся половозрастная структура населения оказывает существенное влияние на общие показатели рождаемости и смертности. Вместе с тем, немаловажную роль играют субъективные факторы, определяющие демографическое поведение, собственное отношение людей к тому или иному демографическому событию. И если сегодня государством поставлена задача улучшить демографическую ситуацию в республике, то это значит, что в первую очередь должно измениться демографическое поведение людей, личностные ценности и потребности, поведенческие стереотипы. Необходимо формировать здоровый образ жизни и бережное отношение к своему здоровью, укреплять ценность института семьи и брака. Хочется надеется, что реализуемая сегодня демографическая политика, предусматривающая дальнейшее развитие системы здравоохранения республики, совершенствование профессиональной подготовки и повышение квалификации медицинских кадров, удовлетворение потребности населения в высокотехнологичных видах медицинской помощи, оказание государственной поддержки семьям, имеющим детей, позволит решить многие из этих задач.

Как показывает анализ статистических данных, сделанные шаги в этом направлении уже дают положительные результаты. В 2005–2008 гг. в республике произошло снижение смертности населения от всех причин с 18,1 до 16,2 умерших на тысячу жителей. Сократилась смертность людей от болезней системы кровообращения – на 10,7 %; от несчастных случаев, отравлений и травм – на 30,7 %. В общем числе умерших сократилась доля умерших в трудоспособном возрасте с 41,2 до 36,1 %. Заметно сократилась смертность мужчин в рабочих возрастах, в том числе от внешних причин – на 35,8 %; от болезней системы кровообращения – на 18,8 %. В результате средняя продолжительность жизни населения за 2005–2007 гг. выросла с 62,1 лет до 65,1 лет. Продолжительность жизни мужчин составила 58,7 лет, женщин – 72,0 года. Теперь среднестатистический мужчина проживает на 3,4 года, а среднестатистическая женщина – на 2,0 года больше.

Как свидетельствует динамика родившихся по порядку рождения, современное репродуктивное поведение населения сориентировано в основном на рождение одного ребенка. Высокий уровень занятости женщин, расширение диапазона интересов и круга социального общения, финансовая независимость позволяют планировать время появления ребенка в семье. Это говорит о том, что молодые семьи откладывают рождение даже первого ребенка на более поздние сроки с тем, чтобы реализовать свои планы в получении хорошего образования, стабильной и высокооплачиваемой работы, в получении жилья и других благ.

Надо заметить, что улучшение демографической ситуации напрямую не зависит от уровня материального благополучия граждан. Это подтверждают и результаты проведенного Росстатом в 2006 г. выборочного обследования «Семья и рождаемость». Оценивая причины рождения первого ребенка, опрошиваемые женщины ставили экономический мотив на 4-е место после демографического (желание почувствовать себя по-настоящему семейным человеком), психологического (желание иметь ребенка от любимого человека) и социального (желание продлить свой род). Поэтому очень важно наряду с улучшением условий жизни людей формировать престиж «родительства», семьи, здоровый образ жизни.

С начала 2007 г. вступил в силу ряд законодательных актов, направленных на стимулирование рождаемости в стране, защиту материнства и детства. В результате принятых мер число детей, родившихся по очередности вторыми, в 2008 г. по сравнению с 2005 г. выросло на 28,7 %, третьими – на 34,0 %, четвертыми и более – на 49,6 %, при сокращении детей, родившихся первыми – на 1,5 %.

Повысилась интенсивность деторождения, особенно в старших возрастных группах женщин. Суммарный коэффициент рождаемости, который более адекватно отражает интенсивность рождаемости в республике и не зависит от возрастной структуры населения, в 2007 г. по сравнению с 2005 г. повысился на 3,2 % и составил 1,28 рожденных детей в среднем на одну женщину за весь репродуктивный период.

Наметилась тенденция к сокращению внебрачной рождаемости, являющейся одной из причин неполных семей. В 2008 г. удельный вес детей, рожденных женщинами в незарегистрированном браке, в общем числе родившихся составил 36,2 %, против 36,8 % в 2005 г., 36,7 % в 2006 г., 36,5 % в 2007 г. Также вследствие разводов без одного из родителей осталось 2447 детей в возрасте до 18 лет, что на 499 (на 16,9 %) меньше, чем в 2005 г.

Все это подтверждает, что решение демографических проблем возможно в условиях дальнейшей активизации государственной демографической политики, ее усиления и совершенствования на основе комплексного решения вопросов семьи и рождаемости, существенного преобразования в сфере здравоохранения, развития рынка социальных услуг. На основе коллективных усилий государства и общества можно добиться коренного улучшения в демографической сфере, обеспечить сбережение человеческих ресурсов. От этого зависит экономическое будущее и процветание карельского края.

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: современное состояние и перспективы

Дальний Восток, традиционно притягивающий население, стал зоной миграционного оттока, что непосредственно сказалось на его демографической ситуации. Численность региона продолжает сокращаться, и на 1 января 2008 г. составила 6486,4 тыс. чел., в том числе 4817,7 тыс. горожан (74,3 %) и 1668,7 тыс. сельских жителей (25,7 %), что на 1570,2 тыс. меньше, чем в 1991 г., когда была зафиксирована максимальная численность – 8056,6 тыс. чел.

За период 1992–2007 гг. потери численности населения составили 1228,8 тыс. чел. Население Чукотского АО сократилось в 2,5 раза, Магаданская область потеряла свыше 53,0 %, Сахалинская область и Камчатский край – 1/3 населения. Меньшие потери понесли Амурская область (14,5 %), Еврейская АО (14,4 %), Приморский (12,3 %) и Хабаровский (12,3 %) края.

Согласно расчету перспективной численности населения до 2030 г. (по среднему варианту прогноза), подготовленному Росстатом, тенденция к сокращению населения Дальнего Востока сохранится. Предполагаемая численность дальневосточников в 2030 г. может составить 5997,8 тыс. чел. (табл. 1). Сокращение населения происходит как за счет естественной убыли, так и миграционного оттока. В 1992–2007 гг. естественная депопуляция составила 281 тыс. чел. (22,9 общих потерь населения). Основные потери понесли южные районы (314,6 тыс. чел.), а также Сахалинская область (41,9 тыс. чел.) и Камчатский край (8,3 тыс. чел.). В Чукотском АО, районе с выраженным влиянием национальных традиций, будет сохраняться естественный прирост. Высокий естественный прирост характерен и для Республики Саха (Якутия), что связано с низкой долей пенсионеров в возрастной структуре населения – 11,2 % от общей численности населения.

На Дальнем Востоке низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простого воспроизводства населения, высокий уровень смертности, и в результате – устойчивая и долговременная естественная убыль населения. Число родившихся в 2007 г. по сравнению с 2003 г. увеличилось на 4,1 % и составило 80,1 тыс. чел., 70,3 % из которых приходится на городские поселения. Самый высокий уровень рождаемости в городской местности наблюдается в Республике Саха (15 ‰), в сельской – в Чукотском автономном округе (20,5 ‰). В южных районах Дальнего Востока рост рождаемости незначительный, что обусловлено половозрастной структурой населения.

Демографический переход к новому типу воспроизводства населения – закономерный процесс, который характеризуется снижением рождаемости, уменьшением норм детности семьи. В 2007 г. суммарный коэффициент рождаемости на Дальнем Востоке составил 1,487 (РФ – 1,406), 1,352 среди городского населения и 1,981 среди сельского. В то время для простого замещения родительского поколения детьми его показатель должен быть не ниже 2,15, т.е. нынешний уровень рождаемости позволяет восполнить только 69,2 % населения региона. Рассчитывать на то, что уровень рождаемости в ближайшие десятилетия обеспечит демографический рост или хотя бы простое воспроизводство населения и трудовых ресурсов, не приходится.

Таблица 1

Прогноз численности населения Дальнего Востока, тыс. чел.

Край, область	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Дальний Восток	6326,4	6229,6	6117,4	5997,8
Республика Саха	961,7	968,9	972,0	972,4
Приморский край	331,2	321,4	310,9	300,5
Хабаровский край	1926,9	1882,5	1833,6	1782,9
Амурская область	1397,3	1392,2	1380,5	1363,0
Камчатский край	836,3	816,4	795,7	775,4
Магаданская область	151,8	145,2	139,2	134,1
Сахалинская область	488,5	471,3	455,2	440,5
ЕАО	184,4	183,9	182,6	180,9
ЧАО	48,3	47,8	47,7	48,1

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Статистический бюллетень. – М., 2009. – С. 235.

* Ушакова Валентина Леонидовна (Владивосток) – научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН. E-mail: ushakova@tig.dvo.ru

Начавшийся подъем рождаемости с 2000 г. обусловлен реализацией отложенных рождений, поскольку охватывает старшие возрастные группы. Если в 1990-х гг. наибольшее количество рождений приходится на женщин в возрастной группе 18-24 года, то сейчас – 20-29 лет, также увеличивается количество рождений после 30 лет. Наряду с ростом рождаемости наблюдается увеличение среднего возраста матери. Например, в Приморском крае в 1997 г. он составлял 24,9 лет, а в 2007 г. – 27 лет.

Важную роль в повышении рождаемости с 2007 г. сыграла новая социальная политика, направленная на стимулирование рождения: увеличение размера пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет, система «родовых сертификатов», «материнский капитал».

Сложившиеся демографические тенденции ведут к деформации возрастной структуры населения, которая пока еще остается сравнительно благоприятной, но скорость старения населения Дальнего Востока значительно выше, чем в целом для страны. Доля лиц старше трудоспособного возраста увеличивается и к 2015 г. составит 22,8 % общей численности населения (2007 г. – 17,2 %). В то же время удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста сократится с 17,3 % в 2007 г. до 17,1 % в 2015 г., а численность вступающих в трудоспособный возраст уменьшится в 1,2 раза (табл. 2).

Одной из самых острых проблем демографического развития Дальнего Востока остается высокий уровень смертности. Наибольшее количество умерших на 1000 населения пришлось на 2005 г. – 15,3 ‰. Сейчас ситуация стабилизируется: в 2007 г. в регионе умерло 87,5 тыс. чел., при этом общий коэффициент смертности составил 13,5 ‰ (РФ – 14,6 ‰). Самой высокой смертностью в городской местности отличались Еврейская автономная область (16,9 ‰), Амурская область (15,1 ‰), Хабаровский край (14,7 ‰), в сельской – Магаданская область (17,5 ‰), Сахалинская область (17 ‰), Приморский край (16,5 ‰). Показатель смертности на Дальнем Востоке значительно выше, чем в развитых странах мира. По сравнению с КНР коэффициент смертности в регионе выше в 1,99 раза, с Японией – в 1,57 раза, Республикой Корея – в 2,7 раза.

Таблица 2

Перспективы демографического развития Дальнего Востока

Показатели	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Численность населения в трудоспособном возрасте, тыс. чел.	1348,4	1439,7	1477,1	1509,8
Родилось, чел.	78 106	69 087	59 697	56 307
Умерло, чел.	84 920	81 941	78 810	78 617
Суммарный коэффициент рождаемости	1,630	1,670	1,700	1,713
Коэффициент демографической нагрузки	586	671	686	679
Естественный прирост, чел.	- 6814	- 12854	- 19113	- 22310
Миграционный прирост, чел.	- 11638	- 7936	- 4352	- 979

Источник: *Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Статистический бюллетень.* – М., 2009. – С. 235.

На протяжении уже многих лет общие тенденции в смертности определяет ситуация со смертностью населения трудоспособных возрастов. Ежегодно на эти возраста приходится свыше 1/3 всех смертей. В 2007 г. коэффициент смертности населения трудоспособного возраста на Дальнем Востоке составил 816,9, в том числе среди мужчин – 1222,7, среди женщин – 368,8.

Высокой преждевременной смертностью мужчин обусловлена значительная разница в показателях ожидаемой продолжительности жизни полов. Ожидаемая продолжительность жизни в 2007 г. составила 64,87 лет (РФ – 67,51 год), в том числе 59,06 – у мужчин и 71,30 – у женщин, а в РФ – 67,51; 61,39; 73,90 соответственно. Разница в продолжительности жизни городских и сельских жителей на Дальнем Востоке составляет 2,9 года, мужчин и женщин – 12,2 лет.

За период 1992–2007 гг. в результате миграции Дальний Восток потерял 947,8 тыс. чел.

Значительное снижение естественной убыли и миграционного оттока населения в 2007 г. по сравнению с 2006 г. отмечено в регионе – на 54,3 и 30,4 % соответственно. Численные потери населения понесли все дальневосточные регионы, кроме Республики Саха, где миграционный отток полностью компенсировался естественным приростом. Миграционный прирост населения отмечен в Хабаровском крае и Еврейской АО, но естественную убыль он компенсировал лишь частично.

Доминирующую роль в миграционных потоках играют внутрирегиональные передвижения населения – 54,6 % миграционного оборота. В 1986 г. в таких потоках на Дальнем Востоке участвовало 218,9 тыс. чел., или 2,9 % населения, в 1996 г. этот поток уменьшился в 2,1 раза и составил 105,6 тыс. чел. (1,4 %), а в 2006 г. – 66,5 тыс. чел. (1,0 %).

В другие регионы России выбыло 48,0 % мигрантов-дальневосточников. Самыми привлекательными в миграционном отношении для дальневосточников являются Центральный, Сибирский и Южный федеральные округа, куда только за 1999–2006 гг. выбыло соответственно 12,1 % (153,8 тыс. чел.), 8,0% (102,2 тыс. чел.)

и 5,7 % (72,0 тыс. чел.). Увеличение миграционного потока в центральные регионы во многом обусловлено стремительным ухудшением условий проживания, разрушением сложившейся системы государственной поддержки социальной инфраструктуры и стандартов уровня жизни на Дальнем Востоке.

Государственная политика в области формирования доходов для жителей региона всегда носила компенсационный характер и была направлена, с одной стороны, на сглаживание отрицательного влияния природно-климатических, территориально и социально-географических условий проживания, а с другой – на привлечение населения из других регионов страны. Положенные в основу увеличения доходов компенсационные выплаты в виде льгот, районных коэффициентов и надбавок к заработной плате в доперестроечный период обеспечивали дальневосточникам более высокие темпы роста денежных доходов и заработной платы по сравнению со среднероссийскими показателями. Не претерпевшая существенных изменений и дополнений система материального стимулирования в регионе уже в начале 1990-х гг. показала свою несостоятельность. «Выталкивающее» и «сдерживающее» значение приобрел транспортно-географический фактор, который в сложившихся социально-экономических условиях также имеет экономический характер.

Таким образом, переселение по экономическим причинам определяет развитие миграционных процессов, их масштабы, интенсивность и направления потоков. В ближайшей перспективе экономическая мотивация переселений остается преобладающей. Решающее значение здесь приобретает изменение социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке в сравнении с другими регионами России и странами ближнего зарубежья.

Так, в дальневосточных регионах ситуация на рынке труда складывается более напряженно, чем в среднем по стране, доля безработного населения в Еврейской АО (9,8 %), Республике Саха (9,5 %), Камчатском (9,3 %) и Приморском (8,0 %) краях значительно превышает среднероссийский (7,2 %) и дальневосточный уровни (7,5 %).

В наибольшей степени ситуация ухудшилась в сфере доходов населения. Здесь произошли существенные изменения, которые, с одной стороны, следовали в русле общероссийских тенденций снижения уровня жизни населения, с другой – означали более интенсивное сокращение уровня жизни населения Дальнего Востока, потерю дальневосточными регионами их традиционного преимущества – более высоких денежных доходов. В 1990 г. уровень денежных доходов в регионе превышал среднероссийский на 35 %, в 2000 г. среднедушевые доходы в регионе были выше российского уровня лишь на 9,5 %, а в 2006 г. – на 9,0 %, однако это превышение сохранялось исключительно за счет высоких денежных доходов в северных районах. При этом денежные доходы в Еврейской АО составляют 72,6 % от среднероссийских, а в Амурской области – 71,0 %.

Обеспеченность населения жильем на Дальнем Востоке традиционно была ниже, чем в среднем по России, – 88 % от среднероссийского уровня в 1990 г. К 2006 г. обеспеченность жильем приблизилась к среднему по России во всех регионах, составив по Дальнему Востоку 19,6 кв. м (96,7 % от среднероссийского). В Чукотском АО, Магаданской, Сахалинской областях, Камчатском крае даже превысила его. Однако полученное таким образом улучшение обеспеченности жителей региона жильем не является решением проблемы. Количество квадратных метров жилья на душу населения, введенного в 2006 г. ниже средних по России показателей (35 кв. м) на всей территории региона. Причем отставание значительно не только в северных районах (Чукотский АО – 0,14 кв. м, Камчатский край – 0,09 кв. м, Магаданская область – 0,08 кв. м), откуда происходит основной отток, но и в южных районах (Приморский край – 0,16 кв. м, Хабаровский – 0,15, Еврейская АО – 0,04 кв. м). В сравнении с 1990 г. объемы жилищного строительства в регионе сократились в 3,6 раза.

В сложившихся социально-экономических условиях одним из основных демографических ресурсов региона, хотим мы того или нет, становятся неприхотливые мигранты из Средней Азии. Привлечь же соотечественников из этих республик крайне сложно. Поэтому решение миграционных проблем стратегически важного региона России следует начинать с создания необходимых социально-экономических, инфраструктурных условий для местного населения, а также для прибывающих в регион на постоянное место жительства мигрантов.

Замедление в последние годы процесса миграционных потерь населения не позволяет оптимистически оценивать перспективы трудового потенциала Дальнего Востока, который всегда относился к числу трудонедостаточных. Численность населения в трудоспособном возрасте продолжает сокращаться, к 2010 г. она сократится относительно 2005 г. на 6,2 % и составит 4074,6 тыс. чел.

В связи с этим возникает проблема поиска дополнительных источников трудовых ресурсов. Рассмотренные выше демографические особенности показывают, что рассчитывать на внутренние резервы (лиц, вступающих в трудоспособный возраст) не приходится. В ближайшие годы к этой категории граждан будут относиться родившиеся в 1990-е гг., когда происходил спад рождаемости. Не следует, на наш взгляд, рассчитывать и на приток граждан из других российских регионов, так как обмен населением с ними уже в течение длительного времени складывается не в пользу Дальнего Востока. За последнее десятилетие из

региона выехало 924 тыс. чел., а приехало (из стран ближнего и дальнего зарубежья) 122,2 тыс. чел. Регион сегодня не в состоянии конкурировать за приток мигрантов из бывших республик СССР, поскольку при переселении они отдают предпочтение хорошо освоенным регионам России.

Поскольку перспективы социально-демографического развития российского Дальнего Востока не самые радужные, без привлечения дополнительной рабочей силы из соседних стран не обойтись. Дальний Восток представляет собой емкую нишу для иммиграции. В силу территориальной близости и наличия значительных трудовых ресурсов КНР в перспективе будет являться одним из главных поставщиков рабочей силы для дальневосточной экономики. Китайская миграция в регион не только неизбежна в будущем – она стала реальностью и в перспективе может использоваться как фактор экономического роста восточных районов страны.

Нужен ли России Дальний Восток и является ли он действительно важным в стратегии социально-экономического развития страны? Дальний Восток – один из перспективных районов с точки зрения сырьевых запасов и экономического сотрудничества со странами АТР. Об этом еще раз было подчеркнуто Президентом РФ Д. Медведевым в Хабаровске, накануне саммита Россия-ЕС, на совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов РФ». «Мы должны заниматься сменой наших приоритетов, переходить от экспорта сырья к созданию современных мощностей по переработке и соответственно получать максимальные выгоды от сотрудничества с другими государствами», – отметил Д. Медведев. Главное внимание должно быть уделено совершенствованию инфраструктурных секторов, прежде всего транспорта и энергетики. Для реализации планов дальнейшего социально-экономического развития региона необходимы зарубежные инвестиции. Именно поэтому развитие восточных регионов России, по мнению Президента и правительства, должно быть увязано с развитием приграничного сотрудничества со странами АТР. Одной из главных целей этого сотрудничества как раз и является создание условий для привлечения инвестиций.

Естественно, нам нельзя не учитывать близость АТР, значение которого для Тихоокеанской России определяется огромным экономическим, демографическим и инвестиционным потенциалом, столь же значительной емкостью рынка, опора на которые способна придать импульс экономической динамике региона.

Но для того, чтобы решать эти задачи, необходимо, в первую очередь, сохранение и дальнейшее развитие демографического потенциала дальневосточной территории, что является важной проблемой как для безопасности и целостности страны, так и для обеспечения необходимых социально-экономических условий подъема восточных регионов России.

Этнодемографические процессы в современном Омане

Государство Оман, занимающее площадь 312 000 км², расположено на востоке Аравийского полуострова. Омывается водами Персидского, Оманского заливов, Аравийского моря. На юго-западе Оман граничит с Йеменом, на западе – с Саудовской Аравией, на севере – с Объединенными Арабскими Эмиратами. Султанату также принадлежат множество малых островов в Оманском заливе и Ормузском проливе (например, остров Салама), а также в Аравийском море (например, остров Масира).

Оман на протяжении многих столетий был одним из самых закрытых государств мира и вполне справедливо получил название «Тибет Ближнего Востока». Во время своей изоляции экономика Омана представляла собой натуральное хозяйство. В результате эпидемий и миграции произошел спад в численности населения. Бюджет Правительства Султаната в 1930 г. составлял 500 тыс. оманских риалов (менее 200000 долларов США), а в 1966 г., за год до добычи нефти – всего миллион оманских риалов. Таким образом, низкое экономическое положение оказало свое влияние на миграцию населения. Государство не могло предоставить населению услуги здравоохранения и образования, а среднегодовой доход оманца был крайне низок.

В течение последних трех десятилетий оманское общество подвергалось изменениям под влиянием других арабских обществ. Произошли коренные изменения, которые повлияли на его социальное, культурное и экономическое положение, а также на его структуру, ценности и уклад традиционной жизни. Положение Султаната является сегодня более устойчивым и предпочтительным, по сравнению с другими арабскими странами. Во многом это является следствием новой стратегии экономического развития страны, опирающейся, с одной стороны, на планирование национального хозяйства, а с другой – на ориентацию максимального использования собственных сил и ресурсов. В этой связи Оман обеспечен таким надежным ресурсом как нефть, которая являлась и до сих пор является «кровью национальной экономики». Другим важнейшим ресурсом является более высокая квалификация национальной рабочей силы и специалистов Омана по сравнению с другими мусульманскими и развивающимися странами, что позволяет Оману делать ставку на постепенное вытеснение иностранной рабочей и служащих собственными национальными кадрами.

По административному делению Султанат Оман включает три провинции и пять регионов; все провинции и регионы, в свою очередь, делятся на 59 областей.

Благоприятные географические и климатические условия предопределили достаточно раннее заселение данной территории человеком. Массовая миграция в регион происходила на рубеже III и II в.в. до н.э. и связана с упадком города Мариба в Йемене. Тогда в Оман переселилось племя Азад под предводительством короля бен Фахма, после чего в Оман стали стекаться арабские племена, одни из которых корнями происходили от южных арабов и заселяли юг Аравийского полуострова, а другие, северные арабы, приходили с запада и северо-запада. Эти племена стали кочевать по направлению к юго-востоку полуострова.

Официального учета населения в Омане долгое время не велось. Некоторые исследователи [1] считают, что численность населения Омана не подвергалась сильному изменению на протяжении последних нескольких столетий, что подтверждают приведенные ниже факты:

- 1) на протяжении веков не произошли значительные изменения в природных факторах, которые бы оказали кардинальное влияние на численность оманского народа. Некоторые изменения в сторону увеличения произошли в численности членов бедуинских племен и жителей оазисов;
- 2) постоянные межплеменные войны в течение многих веков привели к потере людей с обеих сторон и, особенно, к потере мужской половины племен;
- 3) наибольший прирост населения, главным образом, группы кочевых арабов, не отразился на увеличении общей численности населения Омана в силу перемещения членов племени из одного племени в другое;
- 4) с определенной точностью можно говорить об уменьшении численности населения в результате миграции в Занзибар и Восточную Африку;
- 5) наряду с миграцией целых групп племен из Омана произошла миграция и в обратном направлении из прибрежных регионов Ирана и Африки.

* **Столярова Гузель Рафаиловна** (Казань) – доктор исторических наук, профессор кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета. E-mail: guzelstol@mail.ru; **Мухамед Исхак Фарук Мухамед** (Султанат Оман) – аспирант кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета.

В начале XX века в Омане была проведена перепись населения, которая дала следующие результаты (см. табл.) [2].

Численность населения регионов Омана (по данным переписи 1906 г.)

Регион	Численность населения, чел.	Удельный вес, %
аль-Батына	105 500	22,4
аз-Захира	31 500	6,7
Зафар	4 500	0,9
Западный аль-Хаджар	98 400	20,8
Восточный аль-Хаджар	85 750	18,2
Джа'лян	12 000	2,5
Маскат и Матрах	40 650	8,6
Первоначальный Оман	34 300	7,3
Юг Омана	1 500	0,3
Руус эль-Джибаль	13 750	2,9
аш-Шаркыйя	44 200	9,4
Итого:	472 050	100,0

Из таблицы видно, что распределение населения в Омане имеет некоторые особенности.

Так, например, численность населения равнины аль-Батына составляло 22,4 % от общей численности. Это связано с тем, что в этой местности находится 34 % от всей фермерской площади Омана. Здесь жители также занимаются рыболовством. На долю Западного аль-Хаджара приходилось более 20 % населения страны, на столицу Маскат – более 8 %, а на регионы аш-Шаркыйя, Восточный аль-Хаджар и Джа'лян вместе – 30,1 %. Удельный вес населения региона аз-Захира, гор аль-Ахдар и пустынного региона вместе составлял 19 %.

Численность населения Омана в 1970 г. была меньше численности в 1906 г. на 65000 чел. [3]. Произошли определенные изменения и в географическом распределении населения.

Так, население равнины аль-Батына составляло 34,5 % от общей численности населения страны, что на 12 % больше, чем в начале века. Этому способствовала миграция людей из других районов Омана. Доля Западного аль-Хаджара и столицы снизилась, по сравнению с 1906 г. Численность населения регионов аш-Шаркыйя, Восточный аль-Хаджар и Джа'лян также уменьшилась и составила в 1970 г. 25 %. Население аз-Захиры, гор аль-Ахдар и пустынного региона составило 16 % от общей численности. Увеличение численности произошло в Зафаре и составило 3,4 %.

Ввиду значения демографических составляющих во взаимодействии с реальной действительностью Султаната Оман и его будущими перспективами, связанными с реализацией программ по развитию, правительство решило улучшить демографическую ситуацию в стране и регулярно проводить учет населения, учитывая огромное значение этих данных с целью их использования в реализации проектов развития или при подсчете результатов этих проектов. С 1970-х гг. в Омане стало уделяться большое внимание демографическим вопросам. В результате численность населения Султаната стала быстро расти и в 1993 г. достигла 2 018 074 чел., из них граждан Омана – 74 %, приезжих – 26 %. Численность мужчин (граждан Омана) достигла 755 071 чел. (51 %), а женщин – 725 460 (49 %) [4]. К 2007 г. в Омане проживали 3 204 897 чел. (более 550 тыс. из них не имеют гражданства Омана, преимущественно, это выходцы из Индии и Пакистана). Из них городское население составляет 13 %, сельское – 87 %. Плотность населения составляет 13,2 чел./км.² По сравнению с 1995 г., население страны увеличилось на 3,71 %. По прогнозам ООН, численность населения в 2025 г. составит 5352 тыс. чел, а в 2050 – 8310 тыс. чел. [5].

Большая часть населения сконцентрирована в провинции Маскат и регионе аль-Батына. На провинцию Маскат приходится 549 150 чел., на регион аль-Батына – 564 677 чел. Численность населения провинции Зафар достигла 189 094 чел., провинции Мусандам – 28 727 чел., региона аз-Захиры – 181 224, ад-Дахылийи – 229 791, аш-Шаркыйи – 258 344, аль-Усты – 17 067 чел.

Классификация населения по возрастному принципу показывает, что оманское общество – это молодое общество. Люди, не достигшие 15 лет, составляют 51,81 %, от 15-59 лет – 43,53 %, а старше 60 лет – 4,66 %. Увеличение доли молодого поколения указывает на то, что наблюдается тенденция к росту рождаемости, с одной стороны, и к снижению процента смертности – с другой [6].

Средний возраст составляет 22,3 г. у мужчин, 16,5 у девушек; средняя продолжительность жизни выросла, по сравнению с 1995 г., и составляет 70,4 года у мужчин (68 лет в 1995 г.) и 74,9 года у женщин (72 года в 1995 г.). На 1000 женщин приходится 1278 мужчин. Среднее количество детей у женщин 5,9.

Основную часть населения Омана составляют арабы – 70 %. Население сохраняет древнее традиционное деление на две группы: араб-ариба (чистокровные арабы), к которым относят себя потомки племени кахтан, обосновавшиеся в стране первыми, и муста-ариба (смешанные арабы), в частности потомки племени низар,

пришедшие сюда позднее, скорей всего, из внутренней Аравии. Кроме них в Омане проживают следующие группы:

- 1) белуджи (около 5%) – это выходцы из Белуджистана (иранская провинция) и Макрана (горная система на юге Ирана), которые переселились в Оман несколько веков назад. Большая их часть населяет побережье аль-Батыны, а некоторые проживают в Маскате, Матрахе и регионе аз-Захира. Их трудно отличить от арабов оманцев по внешности и экономическому положению;
- 2) оманцы-африканцы (около 8%), появились в Омане в результате работорговли. В основном они населяют прибрежные районы, такие как регион аш-Шаркыйя, Салала, а также равнину аль-Батына;
- 3) третья группа не превышает 5% населения, но имеет большое значение для экономического развития страны. К этой группе принадлежат постоянно проживающие в стране иранцы, индийцы;
- 4) после 1970 г. в Омане появилась абсолютно новая демографическая группа, к которой относятся временно проживающие работающие иностранцы из Индии, Пакистана и некоторых арабских стран. Они составляют около 10% от общей численности населения. Иностранцы стали появляться в Омане, когда правительство начало инвестировать полученные от экспорта нефти деньги в проекты экономического и социального развития [7].

Султанат Оман за короткий промежуток времени превратился в государство с развитой экономикой, благодаря выходу на новый уровень в сфере промышленности и сельского хозяйства. Он перешел от экспорта нефти к ее переработке, от импорта сельской хозяйственной продукции к развитию собственного хозяйства. За последнюю четверть века Оман превратился в современное государство с великолепными дорогами, ультрасовременными постройками, спортивными сооружениями, роскошными отелями.

Современный Оман вошел в шестерку стран с высоким уровнем дохода, в которых ВВП на душу населения составлял на апрель 2007 г. не менее 13846 долл. США. Уровень неграмотных составляет 18,6 % (от 15 лет и старше). По состоянию здоровья Оман также далеко вырвался вперед, по сравнению с 1970 гг. Так, уровень детской смертности снизился до 10 на 1 тыс. чел. (в 1970 г. – 126), продолжительность жизни выросла до 74 лет, ранее – 52,1 [8].

Таким образом, мы видим, что население Омана весьма полиэтнично: помимо коренного населения, предки которых прибыли с других, более отдаленных земель, присутствуют потомки уже ассимилирующихся выходцев из Индии и потомков бывших рабов. Но в целом традиции и культура едины для всех, отличаясь лишь небольшими нюансами. Существенная роль при этом отведена религии, которая затрагивает все сферы жизни.

Источники и литература

1. Шульз Ф. Султанат Оман. Введение в географию. Часть 1. – Штутгарт, 1980. – С. 68.
2. Лоример Ф. Справочник стран Персидского залива. – Бейрут, 1984. – С. 2523–2524 (на араб.яз.).
3. Министерство Национальной экономики: Социальный и экономический атлас. – Маскат, 1993. – С. 126 (на араб.яз.).
4. Там же.
5. <http://www.omaninfo.com/oman/factsheet.asp>.
6. Министерство Национальной экономики... – С. 126.
7. Шульз Ф. Указ. соч. – С. 59–60.
8. Байбаков А. Будут ли арабы жить лучше? // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 1. – С. 27.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж экз. Заказ № 15 (128).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36